

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2022, Том 5, №1

Подписано к публикации: 05.01.2022

Главный редактор журнала
Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Абшилава Георгий Валерьянович* (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джаллилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожневников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://ilj-journal.ru>

© International Law Journal, 2022

Содержание

Агибалова Е.Н., Лихтар В.Л. ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТОВ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	9-12
Бубнова Ю.Г., Эльмурзаев С.М. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИМОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)	13-16
Емельянцева А.Э. ВЛИЯНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА БАВАРИЯ	17-21
Потокин Ю.Н. РОЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ	22-26
Прошин В.М. ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НДС	27-31
Миц Д.С. МИРОВОЗЗРЕНИЕ АДРЕСАТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ПОДХОДОВ	32-39
Рзаев Орхан Вели оглу ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАЦИИ	40-46
Анянова Е.С. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАХОРОНЕНИЯ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ В КАРСКОМ И БАРЕНЦЕВОМ МОРЯХ	47-53
Сидоров Ю.В., Бочков П.В., Блинова Е.А. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЛОГОВЫМ ОРГАНОМ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД В РФ	54-58
Дустов Д.В., Джураева М.Х. ПОНЯТИЯ «ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ» И «ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ»	59-63
Машкова А.С. СОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА УСТРАНЕНИЮ НЕДОСТАТКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗОРГАНОВ	64-69
Миц Д.С. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ПОДХОДОВ	70-79

Аношенко И.Н., Ильин А.В. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРЕДЕЛОВ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ	80-87
Жеравов Г.Г. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «ОККУПАЦИЯ» В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. ЧАСТЬ I: ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА – КОНЕЦ XVI ВЕКА	88-94
Баглай Ю.В., Костенко О.Ю. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	95-99
Манько О.В., Пелипенко В.А. АККАУНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	100-102
Бахадиванд Чегини Захра, Растегари Сайедэбрахим ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИТЫ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И СТРАТЕГИИ ЕГО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ	103-109
Хуаде М.А. ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА	110-114
Жуков Е.В. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ	115-121
Романова Е.Е. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ВТО: СООТНОШЕНИЕ С ОБЩИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ	122-128
Россинская Я.А. РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ОШИБКИ АДВОКАТОВ ПРИ АПЕЛЛЯЦИОННОМ ОБЖАЛОВАНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	129-134
Абушахмин А.Ф. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНО- ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	135-138
Гаврилов В.Н., Кузина С.В., Каменнова В.В. РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ СУРРОГАТНЫХ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	139-143
Катвицкая М.Ю. СТРАХОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	144-147
Чукреев В.А., Зацепин А.М. АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	148-152

Шереметьева Н.Г. К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	153-157
Веселов В.В. ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОВ	158-161
Гаврилов В.Н., Катаев Д.О., Шурыгин А.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ	162-166
Яблоков А.М. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	167-172
Ткаченко С.В. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОЗИТИВИСТСКОГО МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	173-177

Contents

Agibalowa E.N., Likhtar V.L. THE PROBLEM OF THE LEGAL PROTECTION OF FOLKLORE WORKS AS RESULTS OF FOLK ART IN THE RUSSIAN FEDERATION	9-12
Bubnova Yu.G., Elmurzaev S.M. ON THE ISSUE OF STUDYING THE POLYMOTIVATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS (ON THE EXAMPLE OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM)	13-16
Emelyantsev A.E. THE INFLUENCE OF PARLIAMENTARY CONTROL ON THE REGIONAL LEGISLATIVE PROCESS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE FREE STATE OF BAVARIA	17-21
Potokin Yu.N. THE ROLE OF GERMAN LEGAL THOUGHT AND ITS EVOLUTION IN THE FORMATION OF GERMAN LEGAL DOCTRINE	22-26
Proshin V.M. THE ECONOMIC AND LEGAL NATURE OF THE FORMATION OF A TAX CRIME MECHANISM FOR VAT EVASION	27-31
Mits D.S. THE WORLDVIEW OF THE ADDRESSEES OF THE CRIMINAL PROCESS: ATTEMPT TO UNDERSTAND APPROACHES	32-39
Rzayev Orkhan Vali oglu THE CONCEPT OF THE LEGAL SYSTEM OF AZERBAIJAN AS THE POLITICAL AND LEGAL CULTURE OF THE NATION	40-46
Anyanova E.S. INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE RADIOACTIVE WASTE DISPOSAL IN THE KARA SEA AND THE BARENTS SEA	47-53
Sidorov Yu.V., Bochkov P.V., Blinova E.A. ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF TAX POLICY BY THE TAX AUTHORITY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD IN THE RUSSIAN FEDERATION	54-58
Dustov D.V., Dzhuraeva M.Kh. THE CONCEPTS OF "HUMAN RIGHT TO LIFE" AND "INSTITUTION OF THE DEATH PENALTY"	59-63
Mashkova A.S. ASSISTANCE OF THE STATE ARBITRATION TO ELIMINATE SHORTCOMINGS IN THE ACTIVITIES OF ECONOMIC BODIES	64-69
Mits D.S. DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE CONTEXT OF THE ANTI-TERRORIST FUNCTION OF THE STATE: ATTEMPT TO UNDERSTAND APPROACHES	70-79

Anoshenko I.N., Ilyin A.V. NEW TRENDS IN THE DEFINITION OF LIMITS OF TAXPAYERS' RIGHTS	80-87
Zheravov G.G. THE EVOLUTION OF THE TERM ‘‘OCCUPATION’’ IN THE PROCESS OF THE INTERNATIONAL LAW DEVELOPMENT. PART I: ANCIENT TIMES – LATE 16TH CENTURY	88-94
Baglay Yu.V., Kostenko O.Yu. CRIMINAL LEGAL MEANS OF ENSURING THE PROTECTION OF PERSONS ENGAGED IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	95-99
Manko O.V., Pelipenko V.A. SOCIAL NETWORK ACCOUNTS AS OBJECTS OF HEREDITARY LEGAL RELATIONS	100-102
Bakhdivand Chegini Zakhra, Rastegari Saiedebrakhim LEGAL EVALUATION OF PROTECTION OF DOMESTIC VIOLENCE AND STRATEGIES TO PREVENT IT FROM THE PERSPECTIVE OF NATIONAL LAW AND INTERNATIONAL DOCUMENTS	103-109
Khuade M.A. FEATURES OF THE APPOINTMENT OF A CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE	110-114
Zhukov E.V. PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF BANKRUPTCY CASES	115-121
Romanova E.E. INTERNATIONAL LIABILITY FOR VIOLATIONS WTO LAW: RELATIONS WITH GENERAL INTERNATIONAL LAW	122-128
Rossinskaya Ya.A. COMMON MISTAKES OF LAWYERS IN APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION	129-134
Abushakhmin A.F. INDIVIDUAL ASPECTS OF THE INVESTIGATOR'S CONFIDENTIAL SEARCH ACTIVITY	135-138
Gavrilov V.N., Kuzina S.V., Kamennova V.V. REGULATION OF THE INHERITANCE RIGHTS OF SURROGATE CHILDREN IN RUSSIA AND ABROAD	139-143
Katvitskaya M.Yu. INSURANCE OF BANK DEPOSITS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION	144-147
Chukreev V.A., Zatsepin A.M. ALIMONY OBLIGATIONS	148-152

Sheremetyeva N.G. TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF NATURAL RESOURCES AND NATURAL OBJECTS AS OBJECTS OF CIVIL RELATIONSHIP	153-157
Veselov V.V. EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS DURING THE PUBLIC PROCUREMENT	158-161
Gavrilov V.N., Kataev D.O., Shurygin A.A. CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN RUSSIA	162-166
Yablokov A.M. CRIMINOLOGICAL POTENTIAL OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN THE PROCESS OF DETECTING LATENT CRIME	167-172
Tkachenko S.V. THE IDEOLOGICAL ROLE OF THE POSITIVIST METHOD IN CONTEMPORARY RUSSIAN SCIENCE AND LEGAL REALITY	173-177

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТОВ НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Агибалова Е.Н.,
Лихтар В.Л., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский институт управления, филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы**

***Аннотация:** статья посвящена исследованию проблем правовой охраны фольклорных произведений как результатов народного творчества в Российской Федерации. Народное творчество – самая уязвимая часть культурного наследия в связи с ее особой ценностью и значимостью. Несанкционированное использование и неправомерное присвоение результатов народного творчества приводит к потере самобытности народов, творческим трудом которых созданы фольклорные произведения.*

Автором подчёркивается необходимость выработки единообразного подхода в отношении понятия «фольклор». Анализируется соотношение понятий «народное творчество», «фольклор». В контексте охраны произведений народного творчества затрагиваются такие важные проблемы, как определение правообладателя, выгодоприобретателя, наследников и преемников в случае закрепления норм охраны фольклорных произведений в качестве объектов интеллектуальной собственности.

***Ключевые слова:** фольклор, народное творчество, правовая охрана*

**THE PROBLEM OF THE LEGAL PROTECTION OF FOLKLORE WORKS
AS RESULTS OF FOLK ART IN THE RUSSIAN FEDERATION**

**Agibalowa E.N.,
Likhtar V.L., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Volgograd Institute of Management, branch of Russian
Academy of National Economy and public Administration**

***Abstract:** the article is devoted to the study of the problems of the legal protection of folklore works as the results of folk art in the Russian Federation. Folk art is the most vulnerable part of cultural heritage due to its special value and significance. Unauthorized use and misappropriation of the results of folk art leads to the loss of the identity of peoples whose creative work created folklore.*

The author emphasizes the need to develop a uniform approach to the concept of "folklore". The relationship between the concepts of "folk creativity", "folklore" is analyzed. In the context of the protection of works of folk art, such important problems as the definition of the copyright holder, beneficiary, heirs and successors in the case of fixing the norms for the protection of folklore works as objects of intellectual property are addressed.

***Keywords:** folklore, folk art, legal protection*

На сегодняшний день в Российской Федерации проживает более двухсот национальностей, каждая из которых является уникальной и неповторимой. Своеобразие и самобытность народов России выражается в народных знаниях, представлениях народов о прошлом земли, на которой они живут, поведенческих особенностях в культуре, быту и многом другом. Фольклор является наиболее показательным источником, благодаря которому специфика и исключительность отдельной народности, её отличие от другой становятся максимально заметными.

Под термином «фольклор» понимается не просто крайне значимая составляющая бытовой сферы народа. В его содержании хранятся ценные свидетельства об общественном строе, социальных институтах, прежних воззрениях, а также материальной культуре прошлого, не отраженные в иных источниках – памятниках археологии и письменной документации.

На данный момент времени фольклор уже рассматривается в качестве весьма значимого формата народных развлечений и идеологий, выступает как «инструмент» воспитания и развития подрастающего поколения, является важной составляющей деятельности художественного характера всей человеческой цивилизации, неотъемлемым компонентом национальной культурной среды.

Наряду с этим, действующее гражданское законодательство в РФ не включает в свое содержание разносторонних и конкретизированных положений, касающихся обеспечения и гарантий правозащиты получаемых в рамках народного творчества результатов.

Юридическая защита фольклора (как правило, устных произведений, формируемых в рамках народно-творческой деятельности) отражается в правах, которые являются смежными с авторскими. Однако такой подход представляется недостаточным для нынешних реалий. Многие специалисты-правоведы придерживаются точки зрения о том, что данные произведения должны защищаться, в т.ч. правом авторства [4, с. 24-27].

Вместе с тем, связанные с народно-творческой деятельностью произведения не могут относиться к объектам права авторского типа, т.к. социальные общности, являющиеся носителями данной разновидности культурного наследия нематериального характера, не могут относиться к гражданско-правовым субъектам. Наряду с этим, даже в смежном праве отмечается обеспечение не всего потенциала правозащиты народно-творческих произведений. Факт отсутствия охраны авторского типа не дает возможности распространять относительно результатов народно-творческой деятельности (произведений) законодательно регламентированное восприятие их преобразования.

В настоящее время такие произведения рассматриваются в качестве объекта выраженного коммерческого интереса и, в связи с чем, применяются множеством субъектов. Применение таких произведений, внесение коррективов в их содержательную сторону, безосновательное масштабное изготовление может стать причиной утраты самобытности народно-творческой среды российских этносов.

Стоит отметить, что на данный момент нет единого подхода по вопросу определения понятия «народное творчество». Как в российском, так и в зарубежном законодательстве отсутствует официально закрепленное в нормативно-правовых актах понятие «произведение народного творчества».

При этом в настоящее время на международном уровне активно употребляется понятие «традиционные выражения культуры». Данное определение было принято в рамках сессии (очередной) ВОИС (Всемирной организации интеллектуальной собственности) [3]. Вместе с тем, в законодательной системе РФ отсутствуют понятия «традиционное выражение фольклора» и «традиционное выражение культуры».

Само по себе понятие «фольклор» впервые было интегрировано в оборот научной среды в 46-ом году XIX столетия специалистом-археологом и специалистом-историком английского происхождения по имени У. Дж. Томсон. Изначально термин отождествлялся с понятием «народное искусство». Примечательно, что и на данный момент в нашей стране чаще всего употребляется понятие «произведение народного искусства», используемое в качестве синонима к термину «фольклор».

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что произведения народного творчества могут выражаться как в материальной форме, так и в нематериальной форме.

Вместе с тем, культуролог-современник Н.Г. Михайлова придерживается точки зрения о том, что сейчас отмечается применение зауженного подхода к раскрытию сущности и содержания термина «фольклор», т.к. из него исключается определение народного прикладного декоративного искусства, которое является важной частью материально-культурной среды [5].

Опираясь на исследования современных авторов, можно заключить, что понятие «фольклор» соотносится с термином «народное творчество» как часть с целым. Фольклор, как устное народное творчество, является частным проявлением (выражением) народного творчества в общем [6, с. 22].

Размытый и недостаточно четкий характер терминологических средств относительно народно-творческой сферы оказывает непосредственное воздействие и на установление форматов народного творчества, что осложняет процесс идентификации правозащитных рамок.

Если говорить в общих чертах, то при учете исследовательских работ специалистов-этнографов, народно-творческие произведения-результаты обладают следующими специфическими чертами:

- отсутствие возможности установить конкретного субъекта-автора;
- региональная специфика, которая детерминируется тем обстоятельством, что отдельные граждане проживают в конкретной местности;
- отсутствие возможности определить время формирования народно-творческих произведений.

Если принимать во внимание тот факт, что охрана фольклорных произведений в Российской Федерации должна обеспечиваться институтом интеллектуальной собственности, то, необходимо отметить, что в данном случае возникает ряд существенных проблем:

1. Отсутствие у связанных с объектами интеллектуальной собственности правовых институтов единообразного подхода к установлению бенефициара в процессе реализации правовой защиты объекту интеллектуальной собственности.

В частности, по авторскому праву субъектом-выгодоприобретателем представляется субъект-создатель (субъект-автор), под которым понимается лицо, которое внесло собственный вклад в формирование произведения, включая наследников-правопреемников данного лица.

Институт смежных прав рассматривает в качестве бенефициара инициатора, организатора, человека, который внёс вклад в процесс распространения результата интеллектуальной деятельности (произведения).

Статья 1347 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что права исключительного типа закреплены за субъектом-патентообладателем, который вместе с тем считается создателем конкретного изобретения, полезной модели, промышленного образца.

Единой особенностью, которая объединяет представленных выше лиц, является вклад, затраты на создание объекта, подлежащего правовой защите.

Из сказанного следует, что к выгодоприобретателю приравнивается любое лицо, внесшее вклад в создание объекта его правопреемника.

По данному вопросу объективной и логичной кажется точка зрения Н.А. Новиковой, согласной которой субъектом-правообладателем представляется государство, в котором проживает население (либо его преобладающая доля), выступающее субъектом-автором фольклорных произведений [1, с. 200-205].

2. Кроме того, не представляется возможным установить субъектов-преемников и субъектов-наследников создателей народно-творческих произведений, что обуславливается как миграцией граждан, так и их общими чертами в части формирования разных произведений народного творчества.

Схожесть произведений является следствием того обстоятельства, что связанные с народным искусством произведения часто имеют общий источник, а также объясняется культурной взаимосвязью народов и схожими бытовыми, историческими и климатическими условиями, которые вносят свою специфику в народно-творческие произведения большого количества народностей.

В авторском праве, как известно, после ухода субъекта-автора из жизни при отсутствии его преемников, все связанные с произведением права переходят в пользу государства, которое имеет возможность возложить обязанности по координации прав имущественного характера на специализированную структуру [2].

3. Другим, не менее важным проблемным аспектом вопроса правовой охраны произведений фольклора как результатов народного творчества, является вопрос о сроке охраны. Как известно, одним из принципов охраны интеллектуальных прав, является их срочный характер. Если проводить аналогию с институтом авторского права, срок охраны таких прав зависит, в первую очередь, от продолжительности жизни его автора. В связи с чем возникает вопрос: какое время должны охраняться фольклор, если его автор народ?

Творчество народа не имеет свойства устаревать, оно непрерывно развивается, существует одновременно со своим носителем. Из этого следует, что его субъект-правообладатель не изменяется, потому что народ, независимо от числа поколений, навсегда останется этим же народом. В данной связи интересной представляется правоприменительная и правотворческая практика Республики Азербайджан – признание бессрочного характера защиты выражений фольклора [1].

Таким образом, признавая важность сохранения фольклорных произведений как результатов народного творчества в Российской Федерации, отечественному законодателю при реализации правовой охраны таких произведений в первую очередь, следует закрепить на законодательном уровне определение «фольклорные произведения/произведения фольклора», т.к. отсутствие в нормативно-правовых актах легального определения осложняет определение «границ» юридической охраны таких произведений.

Не менее важной задачей является установление срока правовой охраны произведений фольклора с использованием зарубежного опыта применительно к современным правовым российским реалиям.

При осуществлении юридической охраны фольклорных произведений как объектов народного творчества посредством включения в перечень объектов интеллектуальной собственности, подлежащих правовой охране, существенной проблемой является также вопрос идентификации выгодоприобретателя, наследников и преемников произведений фольклора.

Литература

1. Новикова Н.А. Фольклор как объект интеллектуальных прав // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сборник материалов, Москва, 17-18 февраля 2017 года. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017.

2. Близнац И.А. и др. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. И.А. Близнаца, В.А. Зимина; отв. ред. Г.И. Тыцкая. Москва: Изд-во Юрайт, 2019. 252 с. (Бакалавр и магистр. Академический курс). ISBN 978-5-534-05063-9 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/438995> (дата обращения: 18.12.2021)

3. Отчет ВОИС WIPO/GRTKF/IC/1/5 – Традиционные знания и необходимость адекватной охраны интеллектуальной собственности // Бюллетень по авторскому праву. № 2. 1999. Т. XXXII.

4. Родионова О.М. Специфика российской интеллектуально-правовой охраны фольклорных произведений (на примере финно-угорских народов) // Вестник Мордовского Университета. 2015. № 3. С. 96 – 102.

5. Синицына В.Л. Народное искусство: определение и свойства. <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-iskusstvo-opredelenie-i-svoystva/viewer>

6. Цыбанова А.С. Гражданско-правовая охрана результатов народного творчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 22 с.

References

1. Novikova N.A. Fol'klor kak ob"ekt intellektual'nyh prav. Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: Sbornik materialov, Moskva, 17-18 fevralya 2017 goda. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2017.

2. Bliznec I.A. i dr. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. pod red. I.A. Blizneca, V.A. Zimina; otv. red. G.I. Tyckaya. Moskva: Izdvo YUrajt, 2019. 252 s. (Bakalavr i magistr. Akademicheskij kurs). ISBN 978-5-534-05063-9. Obrazovatel'naya platforma YUrajt [sajt]. URL: <https://urait.ru/bcode/438995> (data obrashcheniya: 18.12.2021)

3. Отчет ВОИС WIPO/GRTKF/IC/1/5 – Традиционные знания и необходимость адекватной охраны интеллектуальной собственности. Бюллетень по авторскому праву. № 2. 1999. Т. XXXII.

4. Rodionova O.M. Specifika rossijskoj intellektual'no-pravovoj ohrany fol'klornyh proizvedenij (na primere finno-ugorskih narodov). Vestnik Mordovskogo Universiteta. 2015. № 3. S. 96 – 102.

5. Sinicyna V.L. Narodnoe iskusstvo: opredelenie i svojstva. <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-iskusstvo-opredelenie-i-svoystva/viewer>

6. Cybanova A.S. Grazhdansko-pravovaya ohrana rezul'tatov narodnogo tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2009. 22 s.

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИМОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)**

Бубнова Ю.Г., кандидат юридических наук, доцент,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
Эльмурзаев С.М., кандидат юридических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический университет,
Чеченский государственный университет
им. Ахмата Абдулхамидовича Кадырова

***Аннотация:** результаты реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) во многом зависят от совершенствования ее кадровой политики. Особого внимания заслуживают вопросы подготовки руководителей отделов, служб и подразделений, выполняющих непосредственно управленческие функции. Основная цель исследования заключалась в изучении полимотивационных факторов, которые имеют существенное значение для сотрудников уголовно-исполнительной системы в рамках выполнения ими профессиональных обязанностей. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: изучить, какие мотивационные факторы оказывают влияние на самих руководителей, субъектов управления; проанализировать, с чем отождествляют руководители структурных подразделений УИС представившуюся возможность управлять людьми; выявить наиболее мотивационно-значимые факторы, требующие дальнейшего совершенствования. В рамках данного исследования были проанализированы материалы анонимного анкетирования руководителей и заместителей руководителей учреждений и структурных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Результаты работы позволили сделать вывод о том, что совершенствование кадрового обеспечения УИС во многом зависит от социальной обеспеченности сотрудников, пересмотра и увеличения дополнительных гарантий, направленных на поддержку сотрудников и системы в целом со стороны общества и государства. Выявленные мотивационные показатели, оказывающие влияние на самих руководителей, субъектов управления требуют учета при реализации кадровой политики в УИС.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, сотрудник, мотивация, власть, карьера, взаимоотношения, социальное обеспечение*

**ON THE ISSUE OF STUDYING THE POLYMOTIVATION
OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS (ON THE EXAMPLE
OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM)**

Bubnova Yu.G., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service,
Elmurzaev S.M., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State Pedagogical University,
Chechen State University named after
Akhmat Abdulhamidovich Kadyrov

***Abstract:** the results of the reform of the penal enforcement system (PES) largely depend on the improvement of its personnel policy. Special attention should be paid to the issues of training the heads of departments, services and departments that perform directly managerial functions. The main purpose of the study was to study the polymotivational factors that are essential for employees of the penal enforcement system in the framework of their professional duties. In order to achieve this goal, it was necessary to solve the following tasks: to study what motivational factors influence the managers themselves, management subjects; to analyze what the heads of the structural divisions of the PES identify with the opportunity to manage people; to identify the most motivationally significant factors that require further improvement. Within the framework of this study, the materials of an anonymous survey of heads and deputy heads of institutions and structural divisions of bodies and institutions of the penal enforcement system were analyzed. The results of the work allowed us to conclude that the improvement of the personnel support of the PES largely depends on the social security of employees, the revision and increase*

of additional guarantees aimed at supporting employees and the system as a whole from society and the state. The identified motivational indicators that influence the managers themselves, management entities require consideration when implementing personnel policy in the management system.

Keywords: *penal system, employee, motivation, power, career, relationships, social security*

Осуществление управленческой деятельности – это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации посредством воздействия на коллектив организации [3]. Мотивация – это одна из ключевых функций социального управления, поскольку способствует получению результата посредством волевого воздействия как на каждого сотрудника, так и на коллектив в целом [4, с. 108].

Мотивационная функция заключается в том, что в форме побудительных мотивов к эффективной трудовой деятельности, через применение различных коллективных и индивидуальных стимулирующих мер воздействия. Указанные формы влияния активизируют работу субъектов управления, повышают результативность эффективной работы всей системы управления предприятием, организацией.

В рамках нашего исследования мы решили проанализировать, какие мотивационные факторы оказывают влияние на самих руководителей, субъектов управления. Нами были использованы результаты анонимного анкетирования, в котором принимали участие руководители и заместители руководителей учреждений и структурных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (далее УИС).

Прежде всего, нас интересовал факт, что участники опроса вкладывают в понятие «работа» иными словами выполнение своих профессиональных обязанностей. Из 45 человек чуть более половины, а именно 76% считают что работа – это основа смысла жизни, иногда требующая жертв, 18% ответили, что это интерес, рождающийся в процессе ее выполнения, незначительная часть респондентов 4% считают работу вынужденной необходимостью и в случае имеющихся возможностей существования готовы будут от нее отказаться. Удивительным оказался тот факт, что 2% не смогли дать ответ на этот вопрос.

Необходимо отметить, что почти 80% считают, что общественная значимость деятельности сотрудников УИС намного выше по сравнению с деятельностью иных организаций.

Этот факт говорит о том, что вопросы общественной значимости, прочное укрепление в сознании действующих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Возможность продвижения по карьерной лестнице всегда связано с получением власти. По мнению Дэвида Мак Клееланда – американского специалиста в области психологии среди людей, стремящихся к власти можно выделить тех, кто стремится к власти ради превосходства и тех, которые стремятся к получению власти ради совершенствования деятельности, чтобы добиваться решения групповых задач [3, с. 371].

Первую категорию людей привлекает сама возможность командовать другими. Интересы организации для них часто отходят на второй план и даже теряют смысл, так как они концентрируют первостепенное внимание на своей руководящей позиции в организации, на своих возможностях властвовать, на своей силе в организации.

Вторая категория – это люди удовлетворяют свою потребность властвования тем, что определяют цели, ставят задачи перед коллективом и участвуют в процессе достижения целей. При этом очень важно отметить, что они ищут возможности мотивирования людей на достижение этих целей и работают вместе с коллективом, как над определением целей, так и над их достижением. То есть потребность властвования для этих людей – это не стремление к властному самоутверждению ради удовлетворения своего тщеславия, а стремление к выполнению ответственной руководящей работы, связанной с решением организационных задач.

В рамках нашего исследования мы решили проанализировать, с чем отождествляют руководители структурных подразделений УИС представившуюся возможность управлять людьми.

67% опрошиваемых отметили, что служебная карьера для них это возможность самосовершенствоваться, внедрять в работу новые идеи, использовать представившиеся ресурсы в целях совершенствования деятельности организации и коллектива.

13% высказали мнение о том, что наличие руководящей должности придает им ощущение уверенности и стабильности, 7% респондентов соотносят вышестоящую должность с ростом благосостояния. Уверенность, стабильность и благосостояние – это, согласно теории А. Маслоу потребности в безопасности. Видный американский психолог, основатель гуманистической психологии утверждал, что данная потребность соотносится с возможностью удовлетворении своих физиологических потребностей в будущем, либо в случае утраты возможности работоспособности. По мнению ученого, сотрудники,

которым близки данные потребности, стремятся избегать волнительных ситуаций, любят порядок, четкие правила, ясные структуры. Они относятся к консерваторам, отвергающим различные новшества и изменения оценивая свою работу, в первую очередь, с точки зрения обеспечения им стабильного существования в будущем [2, с. 99]. Таким образом, мы видим, что, к сожалению 20% от общего числа опрошиваемых нами руководителей вышестоящую должность рассматривают как возможность удовлетворения личных целей, потребностей и интересов.

9% анкетированных ответили, что вышестоящая должность для них это некая свобода действий, возможность применения власти и оказания влияния на подчиненных, для 2% опрошиваемых это возможность управлять большим количеством людей и менее 2% затруднились ответить.

Данный анализ позволяет сделать предварительный вывод о том, что, к сожалению, не велик процент руководителей, у которых наивысшей ценностью является потребность во власти с целью совершенствования деятельности организации и отсутствует склонность к тирании, поэтому надо заблаговременно готовить сотрудников к занятию высших руководящих должностей и особое внимание уделять работе с резервом на руководящие должности.

Особое внимание мы решили уделить вопросам, раскрывающим, что же является наиболее важным и значимым в работе сотрудников руководителей структурных подразделений УИС.

Респондентам было предложено более двадцати различных факторов, из которых нужно было выбрать те, которые имеют для них наиболее существенное значение. Самым высоким показателем были отмечены социальное обеспечение с учетом заработной платы 77% и увлеченность работой 53%. В качестве значимых показателей 44% опрошиваемых указали на возможность совершенствования и перспективы профессионального развития. Также для 33% сотрудников были важны условия труда (оснащенность рабочего места) и характер работы 26%.

Слабая оценка была дана политике проводимой в организации и вопросам взаимодействия между организацией и вышестоящими ведомствами менее 2%.

Достаточно высоко были оценены такие факторы как атмосфера в коллективе и отношения с коллегами 62%. Как показывает практика, 28% из опрошиваемых сотрудников высоко оценивающие данный фактор готовы пожертвовать увеличением оплаты труда и карьерным ростом, связанными с переходом в другой коллектив, для них наиболее важным и ценным является сохранение и преумножение тех отношений, которые сформировались в коллективе. Однако 73% отметили, что готовы к дальнейшему продвижению по службе и смене коллектива при условии повышения платы труда не менее чем на 15%.

В современных условиях функционирования УИС кадровый потенциал является основным ресурсом от результата работы которого зависит эффективность деятельности УИС. В понятие кадрового потенциала вкладывают способность сотрудников учреждений и органов УИС эффективно достигать намеченных целей, решать поставленные задачи за счет полной реализации внутреннего потенциала сотрудников.

Результаты деятельности учреждений и органов УИС во многом зависят от того, насколько руководители соответствуют занимаемым должностям, как воспринимают общественную значимость своей профессии и какие факторы являются мотивационными при выполнении служебных обязанностей. Изучение кадрового потенциала учреждений и органов ФСИН России на примере руководителей и заместителей руководителей учреждений и структурных подразделений органов и учреждений УИС позволяет сделать следующие выводы:

Кадровый состав из числа руководителей и заместителей руководителей учреждений и структурных подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы сформирован в соответствии с принципами и основными направлениями подготовки, которые отражены в Федеральном законе от 19.07.2018 №197-ФЗ [7], сотрудники уверены, что общественная значимость деятельности УИС во многом выше по сравнению с деятельностью иных организаций. Они постоянно готовы самосовершенствоваться, внедрять в работу новые идеи, использовать представившиеся ресурсы в целях совершенствования деятельности организации и коллектива;

Совершенствование кадрового обеспечения УИС во многом зависит от социальной обеспеченности сотрудников, пересмотра и увеличения дополнительных гарантий, направленных на поддержку сотрудников и системы в целом со стороны общества и государства. Выполнение своих профессиональных обязанностей, как показали результаты исследования, большинством сотрудников оценивается как основа смысла жизни, однако, в качестве основного мотивационного фактора сотрудники неоднократно указывали на укрепление ощущения уверенности и стабильности социальное обеспечение с учетом заработной платы.

Таким образом, изучение кадрового потенциала учреждений и органов ФСИН России и выявление ключевых факторов, требующих учета при реализации кадровой политики в УИС показало, что на современном этапе показатели качественного состава руководящих кадров достаточно положительные, однако имеется ряд проблем, решение которых будет способствовать управленческой деятельности и работе УИС в целом.

Литература

1. Аллин О.Н., Сальникова Н.И. Кадры для эффективного бизнеса. Подбор и мотивация персонала; Генезис. Москва, 2013. 248 с.
2. Маслоу Абрахам Мотивация и личность; Питер - Москва, 2012. 352 с.
3. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Дело, 2008. 704 с.
4. Травин В.В., Дятлов В.А. Менеджмент персонала предприятия. М.: Дело, 2000. С. 142.
5. Шапиро С.А. Мотивация; ГроссМедиа, РОСБУХ. Москва, 2008. 224 с.
6. Жилко, Е.В. Кадровое обеспечение в пенитенциарной системе РФ (на примере ИК-27 ГУФСИН России по ПК) // Молодой ученый. 2015. № 18 (98). С. 365 – 367. URL: <https://moluch.ru/archive/98/20535/> (дата обращения: 26.05.2021)
7. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" // <https://base.garant.ru/71992738>
8. Федеральный закон "О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 30.12.2012 № 283-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140178/

References

1. Allin O.N., Sal'nikova N.I. Kadry dlya effektivnogo biznesa. Podbor i motivaciya personala; Genезis. Moskva, 2013. 248 s.
2. Maslou Abraham Motivaciya i lichnost'; Piter - Moskva, 2012. 352 s.
3. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy menedzhmenta. 3-e izd., dop. i pererab. M.: Delo, 2008. 704 s.
4. Travin V.V., Dyatlov V.A. Menedzhment personala predpriyatiya. M.: Delo, 2000. S. 142.
5. SHapiro S.A. Motivaciya; GrossMedia, ROSBUH. Moskva, 2008. 224 s.
6. ZHilko, E.V. Kadrovoe obespechenie v penitenciarnoj sisteme RF (na primere IK-27 GUFSIN Rossii po PK). Molodoj uchenyj. 2015. № 18 (98). S. 365 – 367. URL: <https://moluch.ru/archive/98/20535/> (data obrashcheniya: 26.05.2021)
7. Federal'nyj zakon ot 19.07.2018 № 197-FZ "O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii "Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody" // <https://base.garant.ru/71992738>
8. Federal'nyj zakon "O social'nyh garantiyah sotrudnikam nekotoryh federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i vnesenii izmenenij v ot-del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federa-cii" ot 30.12.2012 № 283-FZ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140178/

**ВЛИЯНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ
КРЫМ И СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА БАВАРИЯ**

**Емельянцева А.Э., преподаватель,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия**

Исследование выполнено за счет гранта Государственного совета Республики Крым молодым ученым Республики Крым (проект «Усовершенствование механизма реализации права законодательной инициативы представительных органов муниципальных образований Республики Крым в законодательном процессе Республики Крым»)

Аннотация: создавая собственную уникальную государственность, Российская Федерация черпала идеи и взгляды на федерализм как основу национально-территориальной идентичности народов, проживающих в Российской Федерации, следуя правовым принципам, заложенным в содержании Конституции РФ, применяя опыт других федеративных государств и их моделей построения федерализма, в том числе и Федеративной Республики Германия. В этом контексте изучение правовых механизмов законодательного процесса в различных государствах, а так же их сравнительная характеристика и представляют обособленный научный интерес, это привело к необходимости рассмотрения актуальных вопросов взаимосвязи парламентского контроля и законодательного процесса на примере отдельно взятой сферы в таких субъектах федеративных государств, как Республика Крым и Свободное государство Бавария. В рамках данной статьи изучается влияние парламентского контроля в сфере защиты материнства и детства, как наиболее актуальной сферы в контексте конституционных новелл на региональный законодательный процесс. По результатам сравнения формулируются ключевые различия и дается оценка данным механизмам.

Ключевые слова: субъект федерации, законодательный процесс, парламентский контроль, региональный парламент законодательный орган, материнство и детство

**THE INFLUENCE OF PARLIAMENTARY CONTROL ON THE
REGIONAL LEGISLATIVE PROCESS ON THE EXAMPLE OF THE
REPUBLIC OF CRIMEA AND THE FREE STATE OF BAVARIA**

**Emelyantsev A.E., Lecturer,
Crimean Branch of the Russian State University of Justice**

Abstract: creating its own unique statehood, the Russian Federation drew ideas and views on federalism as the basis of the national and territorial identity of the peoples living in the Russian Federation, following the legal principles laid down in the content of the Constitution of the Russian Federation, applying the experience of other federal states and their models of building federalism, including the Federal Republic of Germany. In this context, the study of the legal mechanisms of the legislative process in various states, as well as their comparative characteristics, are of reasonable scientific interest, which led to the need to consider topical issues of the relationship between parliamentary control and the legislative process on the example of a single sphere in such subjects of federal states as the Republic of Crimea and the Free State of Bavaria. Within the framework of this article, the influence of parliamentary control in the field of protection of motherhood and childhood, as the most relevant sphere in the context of constitutional novelties, on the regional legislative process is studied. Based on the results of the comparison, key differences are formulated and an assessment of these mechanisms is given.

Keywords: the subject of the federation, legislative process, parliamentary control, regional parliament, legislative body, motherhood and childhood

Современное региональное законодательство субъектов Российской Федерации на различных этапах своего развития совершенствовалось благодаря эффективным механизмам выявления существующих проблемных аспектов правоприменения и отражало ключевые национальные тенденции развития федерализма в России, возникшие на основе правовых традиций, отражающих особенности построения уникальных по своей правовой природе федеративных отношений.

Развивая собственную государственность, Россия черпала идеи и взгляды на федерализм как основу национально-территориальной идентичности народов, проживающих в Российской Федерации, следуя правовым принципам, заложенным в содержании Конституции РФ, применяя опыт других федеративных государств и их моделей построения федерализма, в том числе и Федеративной Республики Германия.

Федеративной Республики Германия выбрана для сравнения не случайно. Как и Российской Федерации, ФРГ является федеративным государством и относится к романо-германской правовой семье. Правовые системы России и Германии входят группу германского права (в эту группу так же входят правовые системы, множества европейских и азиатских государств, включая, например правовые системы Австрии, Греции, Индонезии, Латвии, Португалии, Украины, Чехии, Швейцарии, Эстонии, Южной Кореи и так же Японии).

В контексте развития регионального законодательства опыт Баварии, как субъекта федерации, земли в составе Федеративной республики Германия для нас очень близок. Особенно он близок Республике Крым, которая несмотря на отсутствие должного международного признания, позицию Германии и ее земель по вопросу признания Крыма частью Российской Федерации сохранила взаимосвязь с городами побратимами Германии.

Отдельные механизмы выявления проблемных аспектов правоприменения являются отправной точкой для реализации права законодательной инициативы в региональных парламентах – ключевое место в данном случае занимает парламентский контроль реализуемый законодательными органами субъектов федерации. Парламентский контроль сочетает в себе различные правовые процедуры, результаты которых имеющие огромный нормотворческий потенциал и содержат достаточно широкий объект исследования. Для того что бы значительно сузить объем рассмотрения и сравнения и выделить наиболее актуальную сферу парламентского контроля для нашего государства необходимо обратить внимание на конституционные новеллы возникшие в процессе реализации конституционной реформы в Российской Федерации в 2020 году, а именно поправки направленные на защиту материнства и детства.

Российская Федерация, стремящаяся к построению полноценного правового и социального государства следует базовым принципам установленными статьями 27-28 Конвенции ООН о правах ребенка и конституционными положениями ст. 7, ч. 1 ст. 38, ч. 4 ст. 67. 1, а также положениями федеральных актов, включающих в себя целый ряд специализированных федеральных законов и норм Семейного Кодекса Российской Федерации [1, 2, 3].

Поправки внесенные в Конституцию РФ придают материнству и детству особо охраняемый государственный статус. Усиливая приоритетность прав формируемой личности, российское государство обязуется согласно ч. 4 ст. 67.1 способствовать как морально-нравственному развитию ребенка, так и интеграцию его в общество с полными возможностями для интеллектуального и физического обогащения, возвращения в каждом индивидууме патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. В данной норме устанавливается также императивная дефиниция возлагающая обязанность установления заботы государством над сиротами и защиты и обеспечения их законных прав.

Аналогичное значение приобретает данный правовой институт и в законодательстве Баварии. «Дети – самое ценное благо народа. Они имеют право на развитие в самостоятельные и ответственные личности» – так записано дословно в ст. 125 абз. 1 Баварской Конституции [5]. Эти фразы означают для государственной политики в Баварии стратегическую задачу и обязательство одновременно. В Конституции Республики Крым в ст. 31 закреплена более сухая и юридически лаконичная формулировка о том, что «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» [4].

Данные правовые институты представляют особую правовую ценность и повышенный уровень конституционно-правовой защиты со стороны как Республики Крым, так и Баварии. Так, в данном исследовании нами ставится задача по рассмотрению и сравнению механизмов парламентского контроля в Республике Крым и Свободном государстве Бавария.

И в Баварии, и в Республике Крым существуют органы парламентского контроля в сфере защиты детей. В Республике Крым, на наш взгляд, это институт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым [7], а в Свободном государстве Бавария – Комиссия по делам детей в ландтаге Баварии (детская комиссия), («Kinderkommission», сокр. «КиКо») [7]. Детская комиссия является самостоятельной комиссией баварского ландтага. Она была создана решением Баварского ландтага от 15-го июля 2014 года и функционирует по сей день. Комиссия состоит из 7 членов Баварского ландтага [9].

Исходя из Постановления Баварского ландтага «О создании Комиссии по делам детей» [7], данный орган выступает в качестве контактного лица для всех семей, детей и молодежи, а также для всех учреждений и организаций, которые выступают за сохранение их интересов. Комиссия считает своей задачей информировать общественность о проблемах и потребностях детей и подростков и дать им т.н. «парламентский го-

лос». Это включает в себя то, что при принятии политических решений всегда необходимо учитывать влияние этих решений на детей и подростков. Как закреплено в отчете Баварского ландтага: «Детская комиссия ставит задачу своевременно сформулировать интересы детей и подростков и помочь им в политических процессах в рамках их возможностей – в качестве правового сейсмографа и катализатора одновременно» [8].

Уполномоченный по правам ребенка в Республике Крым (далее – Уполномоченный) назначается на должность Государственным Советом Республики Крым большинством голосов от числа избранных депутатов Государственного Совета Республики Крым на срок пять лет, который исчисляется со дня принятия присяги. Должность Уполномоченного является государственной должностью Республики Крым [8]. В отличие от членов Детской комиссии в Баварии Уполномоченный в Республике Крым не может быть депутатом либо должностным лицом любого иного органа (ссылка). Это вызывает обоснованную полемику в отношении отнесения института уполномоченного по правам ребенка к видам парламентского контроля. На наш взгляд, хотя в Законе Республики Крым «Об Уполномоченный по правам ребенка в Республике Крым» (ссылка) закреплена норма о том, что данное должностное лицо не подотчетно и не подконтрольно ни одной из ветвей власти, другие положения данного Закона свидетельствуют об обратном. В частности, в ст. 5 установлен порядок назначения Уполномоченного именно законодательным органом РК [8]. Кроме этого, региональный парламент Республики Крым вправе выразить недоверие Уполномоченному на основании выводов специально созданной комиссии в Государственном Совете Республики Крым. Также досрочное прекращение полномочий Уполномоченного производится постановлением Государственного Совета Республики Крым, принимаемым большинством голосов от числа избранных депутатов Государственного Совета Республики Крым. Кроме этого, Уполномоченный обязан ежегодно производить отчет перед Государственным Советом Республики Крым о положении детей в республике. Данные факты свидетельствуют о том, что по своей юридической природе Комиссия по делам детей в Баварии и Уполномоченный по правам ребенка в Республике Крым схожи и относятся институтам, подконтрольным парламенту в сфере защиты материнства и детства.

В отличие от Комиссии по делам детей в Баварии, институт Уполномоченного по правам ребенка в РК имеет более глобальные задачи. Так, кроме информирования парламента об особенностях положения детей в Республике Крым и изучения их состояния в целом, как социальной группы, разработки предложений по совершенствованию законодательства, создания специализированных комиссий по фактам расследований преступлений в отношении детей, Уполномоченный реализует также более расширенный ряд функций, не присущих Комиссии по делам детей в Баварии, а именно [9]:

- рассматривает обращения, касающиеся нарушения прав и законных интересов ребенка, и жалобы на решения или действия (бездействие) органов государственной власти Республики Крым, органов местного самоуправления в Республике Крым, их должностных лиц, организаций Республики Крым, нарушающие права и законные интересы ребенка

- проверяет самостоятельно или совместно с органами государственной власти Республики Крым, органами местного самоуправления в Республике Крым и их должностными лицами сообщения о фактах нарушения прав и законных интересов ребенка;

- в соответствии с действующим законодательством оказывает детям, их законным представителям, несовершеннолетним, содержащимся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, гражданам, являющимся выпускниками детских домов, домов-интернатов (детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей), в возрасте до 23 лет бесплатную юридическую помощь по вопросам защиты прав и законных интересов ребенка;

- осуществляет в установленном действующим законодательством порядке судебную защиту прав и законных интересов ребенка;

- направляет органам государственной власти Республики Крым, органам местного самоуправления в Республике Крым, их должностным лицам, руководителям организаций Республики Крым, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушения прав и законных интересов ребенка, свое заключение, содержащее рекомендации о необходимых мерах по восстановлению нарушенных прав и законных интересов ребенка и предотвращению подобных нарушений в дальнейшем;

- информирует правоохранительные органы Республики Крым о фактах нарушения прав и законных интересов ребенка.

Кроме этого, в соответствии ст. 11 Закона Республики Крым от 25 августа 2014 года №57-ЗРК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым» Уполномоченный ежегодно готовит и направляет Главе Республики Крым, Государственному Совету Республики Крым, Совету министров Республики Крым, прокурору Республики Крым доклад о деятельности Уполномоченного и соблюдении прав и закон-

ных интересов ребенка в Республике Крым. Доклад дополнительно направляется Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также публикуется на официальном сайте Совета министров Республики Крым на странице Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым [8].

Резюмирую вышеизложенное необходимо указать на то, что несмотря на расширенный объем полномочий у Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым у него нет возможность напрямую реализовать право законодательной инициативы и соответственно первостепенно влиять на законодательный процесс в данной сфере на уровне субъекта. Абсолютно иная система парламентского контроля в Баварии, построенная на непосредственной возможности депутатов, являющихся членами, Комиссия по делам детей позволяет им более своевременно выявлять проблемные аспекты правоприменения в данной сфере и минуя дополнительные механизмы согласования реализовать право законодательной инициативы в сфере защиты материнства и детства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // "Российская газета" от 4 июля 2020 г. N 144
2. Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. Москва: Юридическая литература, 1990. С. 385 – 388.
3. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI, 1993; То же [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) // "Крымские известия", N 68(5479), от 12.04.2014 ст. 31
5. Конституция Свободного государства Бавария от 26.10.1946 г. с посл. изм. от 15.12.1998 г. и 11.11.2013 г. (Verfassung des Freistaates Bayern in der Fassung der Bekanntmachung vom 15. Dezember 1998 (GVBl. S. 991, 992, BayRS 100-1-I), die zuletzt durch Gesetze vom 11. November 2013 (GVBl. S. 638, 639, 640, 641, 642)) // Собрание законодательства Баварии (VBl.) P. 991, 992.
6. Закон Республики Крым от 25.08.2014 N 57-ЗПК "Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым" (принят Государственным Советом Республики Крым 09.07.2014) // "Крымские известия", N 174(5585), от 30.08.2014 ст. 2
7. Постановление Ландтага Баварии «О Создании комиссии по делам детей в ландтаге Баварии» (Beschluss des Bayerischen Landtags «Einsetzung einer Kommission zur Wahrnehmung der Belange der Kinder im Landtag (Kinderkommission)» от 15.07.2014 г. № 17/2694 // Wahlperiode №17, Drs. 17/1530, 17/2637, п. 1.
8. Ежегодный доклад «О деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым за 2019 год» // Официальная страница Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым в сети Интернет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://deti.rk.gov.ru/ru/structure/28> (дата обращения: 15.04.2020 г.)
9. Отчет Комиссии по делам детей Ландтага Баварии за 2014-2018 г.(Bericht der Kinderkommission des Bayerischen Landtags) // Drucksache 17/23545. P. 11 – 12.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ ot. 14.03.2020 № 1-FKZ). Ros-sijskaya gazeta" ot 4 iyulya 2020 g. N 144
2. Deklaraciya prav rebenka: prinyata 20.11.1959 Rezolyuciej 1386 (XIV) na 841-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON. Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dokumentov. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1990. S. 385 – 388.
3. Konvenciya o pravah rebenka : odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989, vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. Vyp. XLVI, 1993; To zhe [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>
4. Konstituciya Respubliki Krym (prinyata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11 aprelya 2014 g.). "Krymskie izvestiya", N 68(5479), ot 12.04.2014 st. 31

5. Konstituciya Svobodnogo gosudarstva Bavariya ot 26.10.1946 g. s posl. izm. ot 15.12.1998 g. i 11.11.2013 g. (Verfassung des Freistaates Bayern in der Fassung der Bekanntmachung vom 15. Dezember 1998 (GVBl. S. 991, 992, BayRS 100-1-I), die zuletzt durch Gesetze vom 11. November 2013 (GVBl. S. 638, 639, 640, 641, 642)). So-branie zakonodatel'stva Bavarii (VBl.) P. 991, 992.

6. Zakon Respubliki Krym ot 25.08.2014 N 57-ZRK "Ob Upolnomochennom po pravam rebenka v Respublike Krym" (prinyat Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 09.07.2014). "Krymskie izvestiya", N 174(5585), ot 30.08.2014 st. 2

7. Postanovlenie Landtaga Bavarii «O Sozdanii komissii po delam detej v landtage Bavarii» (Beschluss des Bayerischen Landtags «Einsetzung einer Kommission zur Wahrnehmung der Belange der Kinder im Landtag (Kinderkommission)» ot 15.07.2014 g. № 17/2694. Wahlperiode №17, Drs. 17/1530, 17/2637, p. 1.

8. Ezhegodnyj doklad «O deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam rebenka v Respublike Krym za 2019 god». Oficial'naya stranica Upolnomochennogo po pravam rebenka v Respublike Krym v seti Internet [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://deti.rk.gov.ru/ru/structure/28> (data obrashcheniya: 15.04.2020 g.)

9. Otchet Komissii po delam detej Landtaga Bavarii za 2014-2018 g.(Bericht der Kinderkommission des Bayerischen Landtags). Drucksache 17/23545. P. 11 – 12.

РОЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Потокин Ю.Н., аспирант,
Институт права и управления,
Московский городской педагогический университет

Аннотация: философские истоки немецкого правового историзма уходят корнями в 18 век, в период несогласия с философией естественного права. Это была реакция на рационализм, универсализм и индивидуализм, которые воспринимались философией естественного права и ее притязаниями на естественные права человека. Вместо закона, охватывающего мир рациональной системой универсальных ценностей и принципов, немецкие историки подошли к праву как результату «*Volksgeist*», то есть «духу народа», погруженному в непрерывное движение «коллективной жизни», организованное в государстве. Немецкий правовой историзм утверждал, что эволюция права связана с ростом нации как живого организма. Этот рост будет черпать свою силу из внутренних сил «*Volksgeist*». Поскольку закон считался продуктом культуры и социальных условий, а не логики или разума, законодатель не должен ни ускорять, ни препятствовать его естественному развитию. Скорее предполагалось, что органическая эволюция закона имеет место как развивающийся процесс исторического роста, который происходит естественно от одной эпохи к другой. Такая идея естественного правового прогресса не была аргументом в пользу свободы отдельных лиц и малых корпораций, но сводилась к оправданию органической власти государства. При этом государство действует как суверенное проявление коллективной воли нации. Действительно, немецкий правовой историзм рассматривал государство как органическое образование и как таковое живое воплощение культурных, интеллектуальных, этических и духовных проявлений нации.

Ключевые слова: Германия, немецкое право, международное право, сравнительное правоведение, история права, политическая атмосфера

THE ROLE OF GERMAN LEGAL THOUGHT AND ITS EVOLUTION IN THE FORMATION OF GERMAN LEGAL DOCTRINE

Potokin Yu.N., Postgraduate,
Institute of Law and Management,
Moscow City Pedagogical University

Abstract: the philosophical origins of German legal historicism go back to the 18th century, during the period of disagreement with the philosophy of natural law. It was a reaction to rationalism, universalism and individualism, which were perceived by the philosophy of natural law and its claims to natural human rights. Instead of a law embracing the world with a rational system of universal values and principles, German historians approached law as the result of the "Volksggeist", that is, the "spirit of the people" immersed in the continuous movement of "collective life" organized in the state. German legal historicism argued that the evolution of law is connected with the growth of the nation as a living organism. This growth will draw its strength from the internal forces of the "Volksggeist". Since the law was considered a product of culture and social conditions, and not logic or reason, the legislator should neither accelerate nor hinder its natural development. Rather, it was assumed that the organic evolution of the law takes place as a developing process of history. This idea of natural legal progress was not an argument in favor of the freedom of individuals and small corporations, but was reduced to justifying the organic power of the state. At the same time, the State acts as a sovereign manifestation of the collective will of the nation. Indeed, German legal historicism regarded the state as an organic entity and as such a living embodiment of the cultural, intellectual, ethical and spiritual manifestations of the nation.

Keywords: Germany, German law, international law, comparative jurisprudence, history of law, political atmosphere

Правовая наука ограничивается страновой юриспруденцией, научные границы которой совпадают с политическими. В 1924 году Герман Исай поместил эти слова Рудольфа фон Йеринга в начало своей брошюры «Изоляция немецкой правовой мысли». Онабыл посвященанемецким юристами предостерегала немецкую юридическую науку от опасности попасть в тупик, потеряться в безжизненном позитивизме.

"Юридическая наука занимается регулированием жизни. В конечном итоге такая задача не может быть достигнута, если она не основана на философии, ее правила не могут применяться иначе, как на такой ос-

нове, если закон должен быть поставлен выше в практике и теоретической рефлексии уровня простого эмпиризма. В сознании немецких юристов с этой точки зрения невозможно подавить чувство тревоги. Практикующие специалисты редко заботятся об основах права или сознательном размышлении о природе закона; для них философия права не может какого-либо значения. В теоретических областях юридической науки ситуация не сильно отличается. Позитивизм, превыше всего» [3].

По словам Г. Исая, одним из основных источников этого зла является изоляция немецкой правовой мысли, ее преднамеренное отстранение от потока правовой мысли в других частях цивилизованного мира. Он пришел к выводу, что необходимо оплодотворение чужой мыслью с последующим сравнением, критикой и оценкой. Немецкая юридическая наука довоенного периода была по существу догматической. Его внимание было сосредоточено на одной задаче – интерпретации действующего немецкого статутного права, особенно Гражданского кодекса, как основы системы частного права.

Эта догматическая юриспруденция была поднята на высшую возможную вершину развития. Была выработана определенная техника извлечения из правил кодексов и уставов подходящих ответов на бесчисленные жизненные проблемы; Законодательство объединило все многочисленные правила в систему логической последовательности, рассматривая правовой порядок как замкнутое единство, внутри которого каждое правило занимает свое надлежащее место. Это была внушительная структура, и немецкие юристы были заняты, прежде всего, ее внутренней изысканностью, дроблением понятий посредством все более и более тонких различий или исследованием того, нашло ли каждое правило свое надлежащее место.

Определение и уточнение понятий, поиск правильного систематического размещения – вот те проблемы, которые в основном занимали эту догматическую юридическую науку довоенных лет. Тесная связь между юридической наукой и юридической практикой, столь характерная для Германии, к счастью, помешала догматике стать бесплодной. Несмотря на свой концептуализм, немецкая догматическая юриспруденция многое сделала для правовой жизни Германии. Она раскрыла немецким юристам содержание новых законов молодой Германской империи и представила им ее богатство во внушительной форме прекрасно организованной и артикулированной структуры, которая, следовательно, была ясной и легко запоминающейся. Заслуга этой догматической науки состоит в том, что немецкому правоведам масса правовых норм представляется как органическое целое, что немецкие юристы никогда не теряли своей ориентации в потоке нового статутного права и сопутствующего ему прецедентного права, который обрушился на них. Но немецкие догматики работали внутри правовой структуры, которую они принимали как данность. Они относились к материалам так, как были предоставлены им законодателем. Было необычно рассматривать материал критически, подвергать сомнению ценности данных правил или даже их уместность, и более чем необычно подвергать сомнению их основы. Это была узкая сфера деятельности, в которой велась виртуозная работа [3].

Подобно тому, как этих догматиков мало заботила философская оценка, их мало заботило сравнение с иностранной правовой мыслью. Немецкая юридическая наука считала своим долгом наблюдать и объяснять немецкий закон изнутри, уделяя мало внимания окружающему миру. Конечно, в таком подходе были и исключения. Были ученые, которые смотрели шире. Например, Джеринг в последние годы его жизни, Йозеф Колер, самый универсальный гений среди немецких юристов того времени, которые стремились к высокой цели «общей юриспруденции», призванной охватить юридические явления все народы и во все времена в одном великом взгляде на "универсальную правовую историю" как часть идеалистической истории человечества, проникнутой идеалом прогресса.

Опираясь на основы, заложенные Альбертом Херманом Постом и другими в «*Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft*», Колер и его «школа» особенно культивировали так называемую «этнологическую юриспруденцию», знание законов первобытных и полудивилизованных народов и цивилизаций. Множество ценных исследований законов самых разных времен и племен, готтентотов и вахехе, маори и эскимосов, Китая и Талмуда, Вавилонии и Инков являются плодом их усилий, которые завершилась попыткой Универсальной правовой истории, для которой Колер набросал план и написал первые части, но которой суждено было остаться фрагментом. Однако современные иностранные законы не остались без внимания. Растущая внешняя торговля Империи по чисто практическим причинам вызвала некоторую озабоченность законами стран, с которыми развивалась германская торговля [1].

Запоминающийся результат этой деятельности – «Коммерческие законы мира». Юристы-международники объединились с заинтересованными учеными в «Международную ассоциацию сравнительного права и экономики». Но все эти действия, какими бы значительными они ни были, мало повлияли на само германское право. Ученые, очарованные их высокими целями, культивировали своего рода общую юриспруденцию или этнологическую юриспруденцию. Международных практиков интересовало то или иное иностранное право. Но очень немногие люди критически относились к собственному закону Герма-

нии в зеркале иностранной мысли, очень немногие использовали сокровища чужих идей для лучшего понимания или развития своего собственного права.

Такое использование было сделано только в некоторых конкретных областях, особенно в сравнительно новых предметах авторского права и промышленной собственности, где Йозеф Колер плодотворно использовал старую, более прогрессивную французскую доктрину для создания нового немецкого закона об авторском праве. Своеобразная ситуация сложилась в сфере уголовного права. В 1902 году началась еще не завершенная реформа Уголовного кодекса Германии. Задание было поставлено на широчайшую научную основу. По предложению имперского министерства юстиции группа видных ученых написала «Сравнительный трактат по немецкому и иностранному уголовному праву» – впечатляющую работу, критически проанализировав богатый иностранный материал и подготовив его для немецкого законодателя [5].

Международная криминалистическая ассоциация, основанная в 1889 году Францем фон Листом, Адольфом Принсом и Джерардом ван Хамелем и объединившая в одну организацию реформаторов всех стран, создала международный форум и мощное движение за реформу уголовного права. Фактическое уголовное право Германии практически не подвергалось влиянию. Политическая наука, конечно, никогда не теряла контакта с иностранной мыслью, но конституционная доктрина под руководством Пола Лабанда не критически интерпретировала тексты конституций Империи и составляющих ее государств. Административное право было основано Отто Майером по образцу высокоразвитого административного права Франции. Но ни Отто Майер в своих более поздних работах, ни его последователи не следили за значительным прогрессом французской науки административного права. Ситуация в основной области немецкой юридической науки, частном праве, четко демонстрируется внешним видом литературы первого десятилетия спустя. Гражданский кодекс от 24 августа 1896 года вступил в силу 1 января 1900 года. Можно отметить поразительное безразличие к иностранному праву. Ни один из великих договоров первого периода Гражданского кодекса, «ни один из крупных комментариев», почти ни одна из монографий, которые играют такую важную роль в немецкой юридической литературе, не содержит существенных ссылок на иностранное право. Не только техническая литература великих зарубежных систем вызвала небольшой интерес, но даже философским и важным методологическим дискуссиям того времени, особенно во Франции, уделялось мало внимания, хотя были и некоторые исключения, такие как так называемая школа свободного права, где Канторович претворил идеи Гени в жизнь [4].

После тяжелых, долгих усилий и кровавых жертв политическое объединение немецкой нации было наконец достигнуто. Политическое объединение не привело к немедленному объединению закона. Это должно было быть достигнуто с помощью еще одного длительного постепенного процесса, который завершился принятием Гражданского кодекса Германской империи. Подготовка к этой великой работе, которая должна была создать новый закон для молодого Рейха, занимала все силы немецких юристов. И когда Кодекс оставался доведенным до совершенства, юридическая наука должна была применить его на практике, объяснить сложный текст, развить его основные принципы, раскрыть систему нового закона, четко изложить его и применить к многообразным проблемам жизни. Это была грандиозная задача, в течение многих лет занимавшая все юридические силы. Конечно, не обязательно, чтобы эти задачи выполнялись изолированно. Напротив, можно было подумать, что именно кодифицирующий законодатель нашел бы ценные предложения в сравнительном праве. Но сравнительное право применялось только к множеству различных законов, которые преобладали в Германии до принятия Кодекса. Зарубежный опыт не использовался ни составителями Кодекса, ни его интерпретаторами. Они не могли этого сделать, потому что для этого требовались знания, основанные на тщательном изучении иностранных законов, а необходимое время и усилия отсутствовали. В Германии наблюдалось то же явление, что и во французской «Ecole des Intertranslation», где французские юристы первых десятилетий Кодекса Наполеона пытались интерпретировать его полностью вне себя (от Т. Троплонга и Ж. Демоломбе до тридцати трех томов Кодекса Наполеона) работа Бельгена Лорана).

Лишь немногие ученые предвидели эту опасность и предостерегали от нее. Но этого недостаточно. Если бы ощущалась реальная потребность в более широком мировоззрении, это было бы сделано даже в то время, когда все юридические силы были так тщательно поглощены. Сравнительное правоведение в собственном смысле означает наблюдение за собственным законом извне с целью его критической оценки. Но время было не критичным, как в Германии, так и за рубежом. Это было довольное и счастливое время, когда люди верили в эволюцию и прогресс. Так было везде, особенно в Германии. Империя неуклонно росла политически и экономически. Она неуклонно увеличивала богатство, влияние и власть. Таким образом, никого не беспокоил тревожный вопрос: какие ценовые институты? Кто-то принимал их как должное, кто-то работал над их дальнейшим развитием. Лишь немногие посторонние, в основном социалисты, такие как Бебель или Карл Менгер, задумывались о новых счастливых достижениях. Воцарился позитивизм. описа-

ние Исаия, процитированное в начале этой статьи, не соответствует действительности, если не считать его преувеличений. Но в тот самый момент, когда он писал, движение за преодоление узости уже началось. Пришло время для нового движения. Рассмотрение Гражданского кодекса исчерпано, и задача его толкования практически завершена. Старым методом было трудно найти в нем что-то новое. Силы юриспруденции были свободны для новой работы [5].

Немецкие юристы не зря обратились к критическому исследованию немецкого права, а затем к всестороннему изучению «права» в целом, а именно к сравнительному праву. После проигрыша войны и революции прочная структура Империи, политические институты, которые немецкие юристы считали само собой разумеющимися, рухнули. Невозможно было подойти к новой ситуации с тем же позитивизмом, с которым относились к старому закону, и полностью погрузиться в него, не задаваясь вопросом, куда и откуда. Мир стал нестабильным, исчезла счастливая безопасность, существовавшая до 1914 года, естественность принятия ситуаций. Смысл и ценность институтов стали проблематичными, наивный позитивизм стал невозможен. Во всех областях мысль обращалась к сомнению, вопрошанию, рационализации. Для юриста это означало поворот к философии права и социологии права. Фундаментальная часть правовой структуры была разрушена; его пришлось перестраивать. Остальное, конечно же, не могло остаться без изменений. Немецкий юрист посмотрел на другие законы и начал сравнивать. Это было так же естественно, как и раньше – не заглядывать за границу. Эта новая позиция открывала более широкий обзор. Внезапно «закон» перестал быть собственным позитивным законом Германии, Гражданским кодексом 1896 года с его дополнительными законами и массой толкований; он стал совокупностью правовых явлений всех времен и народов, «законом как социальным явлением», как его видел Йозеф Колер. Там, где завоевывается такая точка зрения, объектирической науки меняется. Он перестает быть, или быть исключительно «догматическим» наблюдением, сбором, систематизацией, гармонизацией, толкованием позитивного закона, в который помещается отдельный юрист. Он становится «наукой о законе», наблюдением за изобилием юридических явлений, за его ролью в человеческом обществе, за его происхождением, развитием, изменениями, возможностями, целями и пределами [1].

Сравнительный и исторический подходы сочетаются с социологией и наукой о ценностях – политической оценкой в практических аспектах и философской оценкой в соответствии с высшими стандартами справедливости, этики, эстетики и религии. Это великие цели, ведущие к новым проблемам. Конечно, это новое отношение не сразу стало общим для всех немецких юристов, но оно определило мировоззрение ведущей группы. Новые тенденции не вытеснили полностью старую догматику.

Услуги, оказанные германскому праву путем формирования четких концепций и объединения их в единую систему, были слишком велики, немецкие юристы были слишком глубоко убеждены в полезности видения права как единства, а не в том, чтобы не допустить его распада на огромную бесформенную массу разрозненных правил и случаев. Однако они больше не были удовлетворены исключительно преследованием старых целей, и они интегрировали их, рассматривая закон извне. Такая точка зрения, хотя никогда полностью не отсутствовала, впервые вышла на первый план. В практической реализации юридическая наука и юридическая практика сотрудничали традиционным немецким способом. Небольшая группа «*Rheinisch Zeitschrift für Zivil- und Prozessrecht*», которая никогда не отказывалась от своих связей с иностранными законами, оказалась пионерами нового законодательства. Среди них был Эрнст Рабель, которому суждено было стать создателем нового сравнительного права в Германии.

Литература

1. Шухорт Р.А. Правовая природа исполнения договорного обязательства в немецкой цивилистической доктрине XIX-XX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 541 – 564.
2. Юсупова К.Ш. Анализ проблемы обратной силы уголовного закона в законодательстве государств романо-германской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6 (157). С. 72 – 74.
3. Vjarup J. Continental perspectives on natural law theory and legal positivism; in: Golding M.P. and Edmundson, W.A. (Eds.). *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*, Blackwell, Malden, MA. 2005. P. 292.
4. Hitler's speech on 1 May 1934, quoted in: Weikart, R., *Hitler's Ethic: The Nazi Pursuit of Evolutionary Progress*, Palgrave Macmillan, New York, 2009. P. 113.
5. Savigny F.C., *On the Vocation of Our Age For Legislation and Jurisprudence*, quoted in Jones, G.S., Preface; in: Marx, K. and Engels, F., *The Communist Manifesto*, Penguin, London, 2002. P. 152.

References

1. Shuhort R.A. Pravovaya priroda ispolneniya dogovornogo obyazatel'stva v nemeckoj civilisticheskoj doktrine XIX-XX vv. Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2017. T. 21. № 4. S. 541 – 564.
2. YUsupova K.SH. Analiz problemy obratnoj sily ugolovnogogo zakona v zakonodatel'stve gosudarstv romano-germanskoj pravovoj sistemy. Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2021. № 6 (157). S. 72 – 74.
3. Bjarup J. Continental perspectives on natural law theory and legal positivism; in: Golding M.P. and Edmunson, W.A. (Eds.). The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory, Blackwell, Malden, MA. 2005. P. 292.
4. Hitler's speech on 1 May 1934, quoted in: Weikart, R., Hitler's Ethic: The Nazi Pursuit of Evolutionary Progress, Palgrave Macmillan, New York, 2009. P. 113.
5. Savigny F.C., On the Vocation of Our Age For Legislation and Jurisprudence, quoted in Jones, G.S., Preface; in: Marx, K. and Engels, F., The Communist Manifesto, Penguin, London, 2002. P. 152.

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ФОРМИРОВАНИЯ
МЕХАНИЗМА НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НДС**

**Прошин В.М., доктор юридических наук, профессор, адвокат,
Московский государственный областной университет,
Московская коллегия адвокатов «Защита»**

***Аннотация:** механизм совершения преступления по уклонению от уплаты налога с организаций, в частности НДС, имеет экономико-правовую природу своего формирования, обусловленную стадийным характером взыскания данного налога. Стадийность взыскания НДС нормативно воплощена в установленных порядке определения налоговой базы НДС, порядке исчисления налога, условиях пользования правом на налоговый вычет, порядке расчёта и уплаты налога в бюджет, порядке возмещения налога. Весь установленный налоговым законодательством перечень налоговых обязанностей, связанный с расчётом и уплатой НДС, как по итогам каждой хозяйственной операции, так и по итогам отчётного налогового периода в целом даёт основание для оценки юридических последствий действий (бездействий) налогоплательщиков (их представителей, налоговых агентов) по соблюдению баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях, а в итоге и для квалификации действий ответственных лиц на предмет наличия или отсутствия в их поведении состава налогового преступления.*

***Ключевые слова:** налог на добавленную стоимость, механизм совершения налогового преступления, уклонение от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, хозяйственная операция, отчётный налоговый период, налогоплательщик, налоговый агент, исчисление и уплата налога, налоговое законодательство, налоговые правоотношения, налоговая обязанность, налоговый вычет*

**THE ECONOMIC AND LEGAL NATURE OF THE FORMATION
OF A TAX CRIME MECHANISM FOR VAT EVASION**

**Proshin V.M., Doctor of Juridical Sciences
(Advanced Doctor), Professor, Lawyer,
Moscow Region State University,
Moscow Bar Association "Zashchita"**

***Abstract:** the mechanism for committing a crime of tax evasion from organizations, in particular VAT, has the economic and legal nature of its formation, due to the staged nature of the collection of this tax. The staging of VAT collection is normatively embodied in the established procedure for determining the VAT tax base, the procedure for calculating tax, the conditions for using the right to tax deduction, the procedure for calculating and paying tax to the budget, and the procedure for tax refund. The entire list of tax obligations established by tax legislation related to the calculation and payment of VAT, both based on the results of each business transaction and on the basis of the results of the reporting tax period as a whole, provides a basis for assessing the legal consequences of actions (inaction) of taxpayers (their representatives, tax agents) on maintaining a balance of public and private interests in tax legal relations, and as a result, for qualifying the actions of responsible persons for the presence or absence of a tax crime in their behavior.*

***Keywords:** value added tax, mechanism for committing a tax crime, evasion of taxes payable by the organization, business transaction, reporting tax period, taxpayer, tax agent, calculation and payment of tax, tax law, tax legal relationship, tax liability, tax deduction*

В Российской Федерации налог на добавленную стоимость (далее НДС) действует с 1-го января 1992 года. Нормативная регламентация порядка исчисления и уплаты данного налога определялась первоначально законом «О налоге на добавленную стоимость», а с 2001-го года определяется главой 21 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) [1, 2].

НДС является одним из видов налогов, уклонение от уплаты которого составляет основную массу ежегодно совершаемых налоговых преступлений, и ущерб от которых наиболее негативно отражается на бюджете страны, так как доля НДС в налоговых доходах бюджетной системы в последние годы, наряду с налогом на добычу полезных ископаемых и страховыми взносами, является одним из основных стабильных налоговых источников пополнения бюджета.

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений определил особенности экономико-правовой природы НДС (постановления от 28.03.2000 №5-П, от 20.02.2001 №3-П и от 03.06.2014 №17-П; определения от 08.04.2004 №169-О, от 04.11.2004 №324-О, от 15.02.2005 №93-О и др.) [3].

Анализ норм главы 21 Налогового кодекса РФ и вышеуказанных актов Конституционного Суда РФ дают основания для вывода о том, что НДС является нормативно установленной формой налоговых правоотношений, в рамках которых налогоплательщику данного налога вменена обязанность выполнения порядка расчёта и перечисления в бюджет за соответствующий налоговый период части (соответствующей налоговой ставке процентной доли налоговой базы) добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров, работ, услуг и стоимостью материальных затрат, отнесённых на издержки производства и обращения.

То есть НДС является косвенным налогом (налогом на потребление). В данном случае качественные характеристики НДС как косвенного проявляются в том, что с учётом установленного порядка расчёта и уплаты происходит переложение бремени его уплаты с участвующих в товарообороте хозяйствующих субъектов на потребителей. Ведь налогоплательщик, согласно п.п. 1 и 2 ст. 171 НК РФ, по итогам проведения каждой облагаемой НДС операции уменьшает сумму исчисленного налога на налоговые вычеты, являющиеся в основе своей суммами налога, предъявленными налогоплательщику при приобретении им товаров (работ, услуг) и имущественных прав для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения.

Таким образом, стадийная природа взыскания НДС (п. 1 ст. 168; п. 1 ст. 173 НК РФ) вытекает из того обстоятельства, что хозяйствующие субъекты в своей хозяйственно-операционной деятельности, выступают и в статусе продавцов и в статусе покупателей, исполняя по итогам каждой операции обязанность по уплате в бюджет предъявляемых сумм НДС и используя при этом право на вычет.

Стадийная экономико-правовая природа НДС нормативно воплощена в установленных порядке определения налоговой базы НДС, порядке исчисления налога, условиях пользования правом на налоговый вычет, порядке расчёта и уплаты налога в бюджет, порядке возмещения налога. Именно стадийность режима расчёта и уплаты НДС обуславливает оценку юридических последствий действий (бездействий) налогоплательщиков (их представителей, налоговых агентов) по соблюдению баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях, как по итогам каждой хозяйственной операции, так и по итогам отчётного налогового периода в целом. Нарушение данного баланса практически всегда ведёт к нарушению законодательства о налогах и сборах, регулирующего отношения по установлению, введению и взиманию НДС (далее налоговое законодательство).

Придание предпочтения частному интересу при толковании юридических фактов, положенных в обоснование исчисления и уплаты НДС, свидетельствует об интеллектуально-волевой готовности со стороны налогоплательщика к умышленному нарушению налогового законодательства, что ведёт к нарушению баланса публичных и частных интересов при исполнении обязанностей налогоплательщика, и трактуется правоприменительной практикой как осознанное уклонение от уплаты НДС, то есть является преступлением, предусмотренным ст. 199 УК РФ. Понимание налогоплательщиком баланса публичных и частных интересов при исполнении налоговых обязанностей, обусловлено его нахождением как в режиме налоговых, так и в режиме предпринимательских отношениях, и стремление к систематическому получению прибыли (ст. 2 ГК РФ) формирует в сознании налогоплательщика возможность толкования налогового законодательства с предпочтением частного интереса, что ведёт к нарушению налогового законодательства и является отправной точкой начала формирования обстоятельств, обуславливающих пространственно-временное движение к событию налогового преступления по данному виду налога, и началом формирования механизма реализации данного преступления [4, 5].

Материальным источником формирования налоговых правоотношений, связанных с установлением, введением и взиманием НДС, является предпринимательская деятельность лиц, приобретающих статус налогоплательщика при осуществлении операций, отнесённых налоговым законодательством к объектам обложения. При этом, не смотря на возникновение налоговой обязанности в рамках уже налоговых правоотношений, для лица, обличённого статусом плательщика НДС, осуществление предпринимательской деятельности с целью систематического получения прибыли (ч. 1 ст. 2 ГК РФ) продолжает быть основным мотивационным импульсом поведения.

Уплачивая налог по операциям, признаваемым объектом налогообложения, по итогам каждого налогового периода исходя из фактической реализации товаров (работ, услуг) за истекший налоговый период равными долями не позднее 25-го числа каждого из трёх месяцев, следующего за истекшим налоговым периодом (ст. 174 НК РФ), налогоплательщик выводит из оборота значительные средства, которые при установленных налоговым законодательством условиях подлежат возмещению (зачёту, возврату) лишь спустя

определённое время, отведённое для предоставления налогоплательщиком налоговой декларации и проведения её камеральной налоговой проверки (ст. 176 НК РФ). Данное обстоятельство значительно ограничивает возможности предпринимателя, призванного исполнять обязанности налогоплательщика НДС, по маневрированию финансовыми ресурсами в необходимом для него диапазоне времени и пространстве.

Экономический интерес, связанный с потребностью прибыльного осуществления предпринимательской деятельности, толкает налогоплательщиков на поиск правовых оснований либо для минимизации налоговых платежей в бюджет либо уклонения от их уплаты. И в данном случае поиск решения данной, как видится большинству налогоплательщиков «предпринимательской задачи», возможен только через призму анализа и толкования норм, формирующих налоговые правоотношения по установлению, введению и взиманию НДС. Интеллектуальной платформой для технологического формирования механизма совершения налогового преступления является анализ и толкование налогоплательщиком (его представителем) узловых вопросов, воплощающих собой основу правового режима налоговых правоотношений по установлению, введению и взиманию НДС, которые заключены в нормативном определении:

- перечня лиц, признаваемых плательщиками НДС (ст. 143 НК РФ);
- перечня лиц, освобождаемых от исполнения обязанностей налогоплательщика (ст.ст. 145 и 145.1 НК РФ);
- операций, признаваемых объектом налогообложения (ст.ст. 146, 151 НК РФ);
- операций, не подлежащих налогообложению (освобождению от налогообложения) (ст.ст. 149, 150 НК РФ);
- места реализации товаров, работ (услуг) в целях определения обязанности уплаты НДС с соответствующей операции (ст.ст. 147, 148 НК РФ);
- налоговой базы при реализации товаров (работ, услуг) (ст.ст. 153 - 162.2 НК РФ);
- налогового периода (ст. 163 НК РФ);
- налоговой ставки (ст.ст. 164, 165 НК РФ);
- порядка исчисления и уплаты налога в бюджет (ст.ст. 166, 174 НК РФ);
- порядка формирования и применения налоговых вычетов (ст.ст. 171-172 НК РФ);
- формы и содержания документа (счёта-фактуры), служащего основанием для принятия покупателем исчисленных сумм налога к вычету (ст. 169 НК РФ);
- порядка возмещения налога (ст.ст. 176, 176.1 НК РФ).

Так, например, действия налогоплательщика в режиме применения статей 143 и 145 НК РФ, приводящие к нарушению налогового законодательства, выглядят следующим образом.

Налоговый кодекс РФ определяет кто признаётся плательщиками НДС (ч. 1 ст. 143 НК РФ). Статья 145 НК РФ устанавливает освобождение от исполнения обязанностей по уплате НДС лицом, хотя формально и соответствующего статусу налогоплательщика данного налога, но совершающего незначительный стоимостной объём операций, подлежащих обложению НДС. В данном случае законодатель исходит из экономической нецелесообразности исчисления и администрирования НДС.

Положения налогового законодательства об отдельных правах организаций и индивидуальных предпринимателей об освобождении от исполнения обязанностей налогоплательщика используются отдельными лицами как основание и условие для незаконного уклонения от уплаты НДС. Так, например, вопреки качественным характеристикам и количественным показателям предпринимательской деятельности, а также вопреки реальной сути отдельных хозяйственных операций налогоплательщик, включая в декларацию искажённые сведения о своём правовом статусе, о реальном содержании и обстоятельствах совершаемых операциях, либо в нарушение налогового законодательства уклоняясь от декларирования данных сведений, стремится получить необоснованную налоговую выгоду, итогом чего является непоступление в бюджетную систему необходимой суммы налога.

Например, физическим лицом (владелец основной организации) создан фиктивный документооборот, при котором реализация товаров, работ, услуг осуществлялась не от имени его основной организации, применяющей специальный налоговый режим – ЕСХН, а от имени подконтрольных юридических лиц с оформлением счетов-фактур с выделенной суммой НДС от имени данных юридических лиц. При этом фактически производство и реализацию продукции осуществляла организация, применяющая специальный налоговый режим – ЕСХН, а подконтрольные юридические лица реальной, самостоятельной хозяйственной деятельности не вели, являлись аффилированными и подконтрольными физическому лицу (владельцу основной организации), были созданы лишь для реализации товаров, работ, услуг реальным покупателям не от имени основной организации, а от имени подконтрольных юридических лиц, с выделением суммы НДС в счетах-фактурах, выставленных от имени указанных юридических лиц, для возможности последующего включения покупателями в состав налоговых вычетов сумм НДС по указанным счетам-фактурам, а также с

целью сохранения права у основной организации на применение специального налогового режима – ЕСХН, при этом умышленно уклоняясь от уплаты налога на добавленную стоимость с основной организации.

В данном случае согласно ст. 173 НК РФ обязанность по уплате НДС возникла у основной организации, осуществляющей реальную реализацию товаров, работ, услуг реальным покупателям при выставлении счета-фактуры с выделенной суммой НДС в их адрес.

То есть, при установлении реальности совершения всех операций от имени налогоплательщика, точкой формирования экономико-правовой природы механизма совершения налогового преступления явилось усмотрение лица, не являющегося плательщиком налога на добавленную стоимость, вступить в правоотношения по уплате данного налога, выставив покупателям счета-фактуры с выделением в них сумм НДС, что в силу п. 5 ст. 173 НК РФ автоматически накладывает на него обязанность исчислять сумму данного налога и уплачивать в бюджет. В дальнейшем динамическая составляющая механизма совершения налогового преступления реализуется через порядок отражения выручки от реализации товаров, работ и услуг с точки зрения предусмотренных законодательством о бухгалтерском учёте правил её признания и отражения в регистрах бухгалтерского учёта, что должно найти своё отражение в бухгалтерском балансе за соответствующий период, в выписке из книги продаж и копии журнала полученных и выставленных счетов-фактур.

Этапы формирования и протекания механизма совершения налогового преступления, имея ввиду в том числе и уклонение от уплаты НДС, опосредуются интеллектуально-волевым аспектом толкования и применения норм налогового законодательства. Упрощённо данные этапы можно представить следующим образом:

- этап определения и толкования норм налогового законодательства, регулирующих налоговые правоотношения, в рамках которых предстоящая деятельность лица влечёт возникновение у него статуса налогоплательщика и соответствующей этому статусу налоговой обязанности;

- этап планирования экономико-правового оформления (учёт и документальное отражение) объекта налогообложения, как результат реализации товаров (работ, услуг), имущества, имеющий стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого налоговое законодательство связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога;

- этап осуществления операций, влекущих возникновение налоговых правоотношений, в рамках которых лицо, обличённое статусом налогоплательщика, реализует своё спланированное отношение к налоговым обязанностям путём незаконных действий по оформлению и отражению налогооблагаемых результатов предпринимательской деятельности в бухгалтерском и налоговом учёте, и как следствие, путём незаконных действий (бездействий) по расчёту и перечислению в бюджет суммы налога;

- этап распоряжения незаконно полученной налоговой выгодой, а также осуществления действий по сокрытию следов налогового преступления.

Именно действия лица, приобретшего статус налогоплательщика и соответствующую данному статусу налоговую обязанность в рамках возникших налоговых правоотношений, по учёту и отражению в первичных документах, в счетах-фактурах, на счетах бухгалтерского учёта, в регистрах налогового учёта и отчётности хозяйственных операций, денежных средств, материальных ценностей, нематериальных активов и финансовых вложений определяют содержательную сторону механизма действий налогоплательщика, дающих основание для квалификации совершённого как налоговое преступление. Поэтому интеллектуально-волевым блоком механизма совершения налогового преступления, определяющим логику динамических действий субъекта преступления по получению и распоряжению незаконной налоговой выгодой, не поступившей в соответствующий бюджет, является документальное отражение действий (бездействий) данного субъекта по неисполнению налоговых обязательств либо исполнению их ненадлежащим образом.

Литература

1. Закон РСФСР от 06.12.1991 №1992-1 «О налоге на добавленную стоимость».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации 31.07.1998г. № 146-ФЗ.
3. Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 28.03.2000 № 5-П, от 20.02.2001 № 3-П и от 03.06.2014 № 17-П; Определения Конституционного суда Российской Федерации от 08.04.2004 № 169-О, от 04.11.2004 № 324-О, от 15.02.2005 № 93-О.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ (в редакции от 27.10.2020).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

References

1. Zakon RSFSR ot 06.12.1991 №1992-1 «O naloge na dobavlennyuyu stoimost'».
2. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii 31.07.1998g. № 146-FZ.
3. Postanovleniya Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 28.03.2000 № 5-P, ot 20.02.2001 № 3-P i ot 03.06.2014 № 17-P; Opredeleniya Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 08.04.2004 № 169-O, ot 04.11.2004 № 324-O, ot 15.02.2005 № 93-O.
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 64-FZ (v redakcii ot 27.10.2020).
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ.

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ АДРЕСАТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА:
ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ПОДХОДОВ**

**Миц Д.С., кандидат юридических наук, эксперт,
Парламентская Ассамблея Организации Договора
о коллективной безопасности (ОДКБ), г. Санкт-Петербург**

***Аннотация:** проблематика улучшения уголовного процесса связана с механизмом поиска направлений его оптимизации и совершенствования в условиях сохранения адекватных и эффективных элементов в настоящем и будущем. Целеполаганием данного механизма остаются правоотношения адресатов уголовного судопроизводства с учетом их способов познания и преобразования на базе своего мировоззрения. Уголовно-процессуальное законодательство это максимально устоявшееся совокупность процедур и других функциональных элементов, позволяющая реагировать на новые вызовы и угрозы национальным интересам Российской Федерации. Сформированная на основе положений УПК РФ научно-правовая база для познания и преобразования способствует логично достигать истину и добиваться справедливости.*

В статье осуществлена попытка изучения перспектив и тенденций уголовного процесса в контексте национальных интересов Российской Федерации и учета базового мировоззрения. Оценка содержания уровня мировоззрения адресатов уголовного процесса, раскрывает особенности широкого теоретического и практического опыта в рассматриваемой сфере выделяющая взаимосвязь многих путей совершенствования уголовного процесса. Автономность имеющихся подходов в целях полной детализации изучаемой проблематики является важным направлением научного обеспечения уголовного процесса, но комплекс по сути выстроенных подходов и поиск аналогов в конкретных областях будет способствовать укреплению стабильности уголовно-процессуального права. В этой связи в работе указывается на целесообразность: более оперативного и адекватного реагирования досудебных механизмов; улучшения качества доказательственной информации; дополнительного согласования путей реализации принципа состязательности в предварительном расследование; детализации уголовно-процессуальных новаций с учетом мировоззренческих подходов; повышения эффективности уголовно-процессуальной политики; поиска подходов к правильному профессиональному мышлению и общему мировоззрению посредством популяризации в теории и практике формально-логических связей; критического анализа междисциплинарного подхода в уголовно-процессуальном праве; формирования и применения способов моделирования возможных вероятностей в ходе видоизменения уголовного процесса.

Таким образом, через предмет исследования нацеленного на раскрытие вопросов мировоззрения были выделены проблемы, которые имеют свои конкретные пути решения. В современных условиях связь между мировоззрением и сущностью уголовного процесса устойчиво и закономерно выстроены, поэтому для отрицания этого факта нужны мотивированные данные, в том числе при реализации современных концептуальных подходов.

***Ключевые слова:** уголовный процесс, уголовное судопроизводство, мировоззрение, УПК РФ, уголовно-процессуальная деятельность, национальные интересы, национальная безопасность, досудебный процесс, судебная система, научное обоснование*

**THE WORLDVIEW OF THE ADDRESSEES OF THE CRIMINAL
PROCESS: ATTEMPT TO UNDERSTAND APPROACHES**

**Mits D.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Expert,
Parliamentary Assembly of the Collective Security
Treaty Organization (CSTO), St. Petersburg**

***Abstract:** the problem of improving the criminal process is related to the mechanism for finding ways to optimize and improve it in the conditions of maintaining adequate and effective elements in the present and future. The goal setting of this mechanism remains the legal relations of the addressees of criminal proceedings, taking into account their ways of knowledge and transformation based on their worldview. Criminal procedure legislation is the most well-established set of procedures and other functional elements that allows us to respond to new challenges and threats to the national interests of the Russian Federation. Formed on the basis of the provisions of the criminal procedure code of the Russian Federation, the scientific and legal basis for knowledge and transformation contributes to the logical achievement of truth and justice.*

The article attempts to study the prospects and trends of the criminal process in the context of the national interests of the Russian Federation and taking into account the basic worldview. The contents of the minds of the addressees of the criminal process, reveals the characteristics of wide theoretical and practical experience in this area highlighting the interrelationship of many ways to improve the criminal process. The autonomy of existing approaches in order to fully detail the studied issues is an important direction of scientific support of the criminal process, but the complex of essentially structured approaches and the search for analogues in specific areas will help to strengthen the stability of criminal procedure law. In this regard, the paper points to the expediency of: a more rapid and adequate response of pre-trial mechanisms; improving the quality of evidentiary information; additional coordination of ways to implement the principle of competition in the preliminary investigation; details of criminal procedural innovations taking into account worldview approaches; improving the effectiveness of criminal procedure policy; searching for approaches to correct professional thinking and General worldview by popularizing formal and logical connections in theory and practice; critical analysis of an interdisciplinary approach in criminal procedure law; formation and application of methods for modeling possible probabilities in the course of criminal process modification.

Thus, through the subject of research aimed at revealing issues of worldview, problems that have their own specific solutions were identified. In modern conditions, the relationship between the worldview and the essence of the criminal process is steadily and naturally built, so to deny this fact, we need motivated data, including in the implementation of modern conceptual approaches.

Keywords: *criminal procedure; criminal justice; worldview; criminal procedure code of the Russian Federation; criminal procedure activity; national interests; national security; pre-trial process; judicial system; scientific justification*

Современная проблематика досудебного процесса требует более широкого анализа, чем специфика реализации уголовного судопроизводства. Система правосудия максимально устоялась для научного познания. Для досудебных механизмов в современных условиях целесообразно более оперативное и адекватное реагирование [20, с. 55].

Познание рассматриваемых вопросов и выработка на этой основе научно обоснованного алгоритма оптимизации является целью многих научных коллективов.

Несмотря на то, что в целом уголовно-процессуальное законодательство успешно реализуется, но по ряду причин существуют следующие недостатки:

- 1) снижение эффективности уголовно-процессуальной политики;
- 2) нестабильность нормативной правовой базы;
- 3) непоследовательность положений УПК РФ;
- 4) несогласованная корректировка нормативных правовых актов;
- 5) отсутствие научно обоснованной концепции уголовного процесса [8, с. 52].

Зависимость уголовного процесса от качества информационного обеспечения на каждом из своих стадий не может быть проигнорирована системой правового обеспечения. Обособленность функционирования и развития уголовного процесса позволяет предположить о значимости согласованного понятийного аппарата, а также толкования. Фундаментальность толкования в уголовно-процессуальном праве воссоздает понимание назначения принципа состязательности и иных аспектов.

Толкование уголовного процесса зависит от следующих особенностей:

1. Автономность рассматриваемого способа.
2. Междисциплинарный подход на правовой базе.
3. Предметная область включает в себя: понятийный аппарат; категориальные конструкции, которые не имеют устойчивой связи с Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации.
4. При ведомственном интересе, устанавливается в качестве положения организационно-распорядительного документа [3, с. 73].

Спорные мнения специалистов и ученых в связи с монолитной определенностью уголовно-процессуальной деятельности провоцируют законодателя на попытки распространения наиболее адекватных и эффективных институтов по всем возможным стадиям без учета возможных неблагоприятных и нежелательных последствий.

Общее понимание в теории и практике «специальной процедуры» по назначению наказания объединяет все процедурные вопросы.

Изменения механизмов уголовного процесса воспринимается научной общественностью как попытки упрощенческого подхода, но преобладает и научное мнение об оперативности специальной процедуры.

А.А. Брестер [2, с. 145] полагает, что в связи с указанными обстоятельствами существует потребность в развитии института полноценного обжалования спорных вопросов и решений.

Развитие данного института связано с преодолением прямых и косвенных злоупотреблений со стороны адресатов уголовного процесса. Давать оценку полноте и эффективности устранения попыток злоупотреблений зависит от тактики, которую выберут отдельные участники уголовно-процессуальной деятельности. На общем фоне результативности взаимодействия сил и средств уголовного преследования добиться стороне защиты исключения необоснованных следственных действий является сложно достижимой задачей.

Преобладающий объем следственных действий не могут быть окончательными доказательствами уголовного процесса. Есть исключение – «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (статья 186.1 УПК РФ). При этом является спорным выделить данное следственное действие из сопутствующего комплекса специальных (смежных) оперативно-розыскных мероприятий. Досудебная стадия выработала соответствующую тактику рассматриваемого следственного действия с учетом сформированной правоприменительной и передовой практики. В этой связи реализация статьи 186.1 УПК РФ позволяет существенно повышать результативность уголовного процесса [4, с. 145].

Подобная уникальность приводит к мысли об активном сближении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Положение определения Конституционного суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. №2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» это лишь подтверждает: «Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности", к числу задач которого относятся выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (статья 2), в качестве одного из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий называет поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве (пункт 3 части первой статьи 7), а также устанавливает, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут представляться в том числе следователю, в производстве которого находится уголовное дело, быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных этим Федеральным законом (часть первая и вторая статьи 11, часть четвертая статьи 12). Вместе с тем органы и должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны обеспечивать при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий соблюдение законов, защиту прав и свобод граждан, что гарантируется, в частности, применением различных средств контроля, включая судебный, за законностью и обоснованностью таких мероприятий и использованием их результатов в уголовном судопроизводстве (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 года №178-О-О, от 21 октября 2008 года №862-О-О, от 17 июля 2014 года №1752-О и др.).

Приведенные законоположения находятся в системном единстве с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым дознаватель, следователь уполномочены давать органу дознания в случаях и порядке, установленных этим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых могут быть использованы в доказывании (часть первая и четвертая статьи 21, пункт 4 части второй статьи 38, пункт 6 части первой статьи 40.2, пункт 1.1 части третьей статьи 41, статья 89, часть первая статьи 144 и часть четвертая статьи 157). При этом проведение оперативно-розыскных мероприятий закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Общность публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так и Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", свидетельствует о том, что проведение оперативно-розыскных мероприятий по поручению дознавателя, следователя не противопоставляется следственным и процессуальным действиям, а согласуется с ними. Такое регулирование отвечает как назначению уголовного судопроизводства – защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (статья 6 УПК Российской Федерации), так и достижению целей, в которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность, таких как защита личности, общества и государства от преступных посягательств (статья 1 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"), и, соответственно, обеспечению справедливости правосудия, что не может рас-

цениваться как нарушение Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3)».

В уголовном процессе все стадии связаны между собой и находятся в движении. Каждая стадия проходит уникальную проверку на предмет законности и обоснованности процедурных результатов. При этом выстроенная система стадий уголовного процесса позволяет:

- 1) воплощать гарантии достижения истины;
- 2) выявлять и исправлять возможные процедурные ошибки;
- 3) способствовать реальному учету всех мнений участников уголовного процесса [5, с. 98].

Уголовно-процессуальное право подвержено влиянию неизученного «идеального». При этом реальное и идеальное отличаются между собой своими подходами в отношении уголовного процесса. «Негодный» подход это та действительность, с которой связано уголовно-процессуальное право. Данный подход можно заменить подходом объективного общественно-государственного развития. Диалог институтов гражданского общества по данной проблематике позволит выстроить мировоззрение «полезного» подхода [10, с. 41].

На стандарт допустимости уголовного процесса влияют две научно-правовые идеи:

- 1) государственная (властная). Их решения первостепенные в комплексе достаточности;
- 2) общественная (коллективная). Прямая реализация их ожиданий первостепенные в комплексе достаточности.

Научный интерес в этих категориях связан с формированием и распределением доказательственной информации и вероятности перераспределения договоренностей по скрытым от познания вопросам [18, с. 53].

Обоснованность законности уголовного процесса связано:

- 1) с формальным указанием на требования;
- 2) с формой и содержанием конкретного документа;
- 3) с наличием противоречия интересов.

На данную обоснованность больше всех влияют доверители адвоката. От них можно получить необходимую информацию в отношении данных противоречий. Их сведения играют значения в ходе установления сложностей уголовного процесса. В этой связи слабо мотивированный отвод защитника становится основанием для дополнительной проверки на предмет законности многих процедур [9, с. 184].

При выделенных нарушениях законности в досудебном процессе, по мнению отдельных авторов [14, с. 76], существует возможность применения процедуры отвода в установленном порядке. Для досудебного процесса и правосудия институт отводов является оптимальной гарантией, которая будет стимулировать отдельных участников уголовного процесса.

По мнению А.Д. Назарова [11, с. 125] поиск оптимальной модели реформирования уголовно-процессуального законодательства насущная проблематика, требующая должной научно-правовой проработки.

Реформы уголовного процесса связаны с законодательным обеспечением антикриминальной безопасности и удовлетворением национальных интересов Российской Федерации.

Досудебные и судебные стадии не могут быть сведены в один непрерывный процесс на базе принципа состязательности лишь по причине навязанного неотступного соблюдения прав и свобод человека.

Из-за реакции отдельных представителей социальных групп без научно-правовой оценки менять на скорую руку устоявшуюся на практике досудебный процесс является сверхцелью опережающей свою действительность и соответственно возможности.

Необходим поиск альтернативных механизмов преодоления нелегального процессуального («околопроцессуального») принуждения и подрыва государственного авторитета в этой связи.

Уголовно-процессуальное право должно учитывать в установленном порядке закрепленное определение «обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», а также всецело руководствоваться целеполаганиями данной «формулы»:

- 1) противодействие угрозам национальной безопасности Российской Федерации;
- 2) удовлетворение национальных интересов Российской Федерации (под указанными «интересами» в соответствующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683] понимается объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития).

Целью данной оптимизации станет непосредственная оптимизация существующих уголовно-процессуальных гарантий.

Результатом данной проработки будет укрепление процессуальных гарантий и преодоление попыток обвинительного уклона в досудебном процессе.

Является пространным предложение Таричко И.Ю. внедрить элементы состязательности в предварительное расследование, при этом автор соглашается, что в данной конструкции возможно нежелательное смешение с судебной стадией и отрицательными воздействиями на досудебную стадию [17, с. 176].

Прямые и потенциальные возможности для реформирования уголовного процесса сегодня имеются, есть также совокупность таких факторов как политические, организационные, социально-экономические, информационные, но при этом отсутствуют благоприятные правовые условия, что отодвигает данное совершенствование до реализации полноценных концептуально-правовых задач.

В этой связи представляется не практичным изучать лишь зарубежный передовой опыт, оставляя без должного внимания передовой опыт СССР в сфере уголовного процесса.

Некачественное заимствование опыта, в частности англосаксонского без учета современного мировоззрения правоприменителя приведет к застою уголовно-процессуальной системы и воспроизводству непреодолимых противоречий.

Уважение к признанным в обществе стандартам оптимизации уголовно-процессуальной системы является хорошим показателем на пути реализации искомых концептуально-правовых подходов как важных условий для полноценного совершенствования процесса.

Любая система связана с противоречиями, которые в социальной системе выражены в форме конфликтов, при этом если данные конфликты инструментами государства и общества не будут снижены до приемлемого социального уровня, то их трансформация приведет в ущерб национальным интересам. В этой связи наиболее устойчивым и эффективным инструментом преодоления роста конфликтов остается уголовное судопроизводство. Ее значимость по-прежнему не попираема в современных правоотношениях.

Справедливость и истина, а не «технические» результаты процедур состязательности, вот что отличает российское уголовное судопроизводство от иных систем. Для российского мировоззрения это сущность остается объективно значимой потребностью.

Справедливое обеспечение доводами обоснование доказательств, а не исключительное оспаривание вины профессионалами во взаимодействии с непрофессионалами позволяет прийти к выводу о несостоятельности внедрения в российский уголовный процесс механизмов такой «технической» состязательности англосаксонской системы.

По мнению отдельных авторов, без спора о вине в ходе состязательности нет и смысла в уголовно-процессуальной системе, а эффективность системы связано лишь с «мало затратными», «технически более простыми» и «скоростными» судебными решениями [7, с. 89]. При этом вышеуказанные судебные форматы действуют параллельно с альтернативными средствами преодоления социальных споров с учетом самобытного мировоззрения.

«Презумпция истинности» возможна по завершению процедуры вынесения судебного приговора. Кроме того, судебный приговор преюдициально выстроен по отношению ко всем государственным системам.

В этой связи объективное повышенное внимание теории и практики к этой проблематике оправдано и связано с требованиями, свойствами и условиями предмета судебного приговора [16, с. 136].

Авторы указывают на важность положения «особое мнение» судебного приговора [19, с. 153]. Законодательное обеспечение данного положения добивается учета конституционных прав граждан Российской Федерации во избежание нарушений. Пути преодоления данных нарушений в уголовном процессе близки к реализации и полноценного завершения. Судебная система выработала профессиональный иммунитет при возможном воздействии, в том числе психологически. Кроме того, положения особого мнения, вынесенные судьями, все чаще положительно оцениваются судебским сообществом. При этом для установления истины институт особого мнения доказал свою эффективность. За счет него транслируется принцип независимости, а главное повышается качество судебного документа.

Для познания специалисты изыскивают различные методологические инструменты. Формально-логическая связь, которая выделяется этими инструментами, способствует правильному профессиональному мышлению и общему мировоззрению. Здесь заметна особая линия взаимодействия между данным познанием и оценкой собранных доказательств, для дальнейшего преобразования в соответствующие стадии.

Логические ошибки несут наравне с процедурными ошибками проблему, которая перерастая в нарушение, влекут ощутимые последствия [6, с. 81]. От закона логики зависит полностью процесс доказывание, при этом если в теории свойства доказывания определены, то связанные с ними логические закономерности пока ожидают своих исследователей.

Отдельными авторами [15, с. 125], под основанием понимается модель правовой ситуации, а под поводом специфику правовой обстановки. При этом является целесообразным выделение механизма установления оснований. С конкретными элементами свойственными, лишь указанной модели.

Основной функциональный отпечаток в этой связи накладывается на юридическую технику, так как включение в положения УПК РФ специального понятийного аппарата вызовет перегрузку для правоприменения данного нормативного правового акта.

Главные действия по совершенствованию уголовного процесса будут осуществляться по следующим направлениям:

1) в оптимизации подходов по включению коррекции полномочий, позволяющих самостоятельно давать оценку на предмет целесообразности уголовного преследования и дальнейшего взаимодействия с судебной системой;

2) в разработке единого механизма по оценке оснований и поводов для досудебной и судебной стадии [1, с. 86].

Существует мнение, что развитие предварительного следствия происходит по сближению с оперативно-разыскной деятельностью это наиболее заметно при выделении комплексных гласных и негласных форм уголовного процесса. Данные формы отличаются от оперативно-разыскных не только своей закрытостью, а межотраслевым подходом современных условий [12, с. 114].

Поиск специальных подходов связан с попытками излишней идеализацией уголовно-процессуальных новаций. Теория доказательств, связана с научным обеспечением, которое осуществляет реализацию методологических подходов [13, с. 46]. Сущность уголовного процесса определяется законами природы, а не нормами права, в этой связи современный процесс должен быть соответствующим образом концептуально научно обеспечен. Через познание природы истины, возможно, постигнуть процесс доказывания и состязательности. Искусственное введение в противоречие сути розыска и состязательности тормозит научное обоснование процесса доказывания. Логика построения элементов истины позволяет дать разъяснение многим авторским концептуальным подходам. Нужен поиск не противоречий, а взаимодействия искомых элементов. Абсолютного знания в вопросах контроля идеологического подхода в настоящее время нет. Анализ данной проблематики является актуальным и востребованным научно-правовым продуктом.

С учетом изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Упрощение сущности познания в уголовном процессе проецируется на проблематику связанную с мировоззрением. От оперативности поиска содержания мировоззрения для адресатов уголовного процесса будет зависеть качество оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации.

2. Формирование среды, которое влияет на реализацию уголовно-процессуального законодательства, является источником мировоззренческого подхода к уголовному процессу. В этой связи тематическую направленность и планирование уголовно-процессуальной деятельности целесообразно основывать на системном, глубоком анализе законодательства и практики его применения.

3. Причины торможения искомого оперативного реагирования можно связать с перекосом детализации досудебного процесса. Воспроизводство недостатков в этой связи и попытка их локализации имеет форму минимизации данных неблагоприятных и нежелательных последствий, при этом уместны механизмы адекватной наступательности на указанные причины.

4. Способы оценки данных недостатков зависят от существующей системы категорирования, градации и степени готовности реагирования на них. Автономность каждого из элемента познания уголовного процесса мешает продвижению, формирующемуся методологическому подходу. Узконаправленный интерес специалистов и ученых это утверждение только усиливает.

5. Попытка ухода от важности оптимизации механизма толкования в уголовном процессе сужает всю уголовно-процессуальную деятельности до комплекса специальных процедур без учета реального проникновения его во многие области конкретных стадий. Процедура как фрагмент познания уголовно-процессуального права выглядит формально законченным институтом без прямых и обратных связей.

Литература

1. Арутюнян А.А. Институт судебного штрафа в уголовном процессе: попытка осмысления правовой природы // Законодательство. 2017. № 4. С. 80 – 86.
2. Брестер А.А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 140 – 146.
3. Великий Д.П. Специально-юридический способ толкования норм уголовно-процессуального права // Lex Russica. 2020. № 2. С. 63 – 74.
4. Драпкин Л.Я. Уголовно-процессуальные новеллы и эффективность раскрытия преступлений // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 141 – 145.
5. Закарян С.А. Особенности судебных стадий контрольного производства в уголовном процессе // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 98 – 107.

6. Корнакова С.В. Соблюдение правил и законов логики как необходимое условие качественного результата следственной и судебной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1. С. 74 – 81.
7. Кузовенкова Ю.А. Некоторые вопросы постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1. С. 89 – 96.
8. Кулев А.Г. 2018. Тенденции современной уголовно-процессуальной политики // Вестник ЯрГУ. Серия гуманитарные науки. № 3. С. 48 – 52.
9. Купрейченко С.В. 2017. Противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе. Понятие, последствия, проблемы установления и процессуального реагирования // Актуальные проблемы российского права. № 9. С. 177 – 185.
10. Масленникова Л.Н. Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 40 – 42.
11. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 125 – 132.
12. Павличенко Н.В. Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 111 – 115.
13. Поляков, М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 43 – 47.
14. Рыбинская Е.Т. Обстоятельства, исключаящие участие судьи в уголовном судопроизводстве, как основание вынесения законного приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 76 – 85.
15. Самойлов П.А. Терминология философского детерминизма в контексте правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Академическая мысль. 2018. № 4. С. 123 – 126.
16. Стародубова Г.В. Приговор суда: обоснованность и объективность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 131 – 136.
17. Таричко И.Ю. Мировые тенденции оптимизации уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 171 – 177.
18. Терехин В.В. Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 48 – 54.
19. Фролов И.С. Особое мнение судьи как одна из гарантий независимости судей и их равенства при постановлении приговора: проблемы и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 147 – 153.
20. Химичева О.В. Основные направления развития современной уголовно-процессуальной науки // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 55 – 57.

References

1. Arutyunyan A.A. Institut sudebnogo shtrafa v ugolovnom processe: popytka osmysleniya pravovoj prirody. Zakonodatel'stvo. 2017. № 4. S. 80 – 86.
2. Brester A.A. Ob oshibochnom otnesenii osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya k ugolovno-processual'noj deyatel'nosti. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 12. S. 140 – 146.
3. Velikij D.P. Special'no-yuridicheskij sposob tolkovaniya norm ugolovno-processual'nogo prava. Lex Russica. 2020. № 2. S. 63 – 74.
4. Drapkin L.Ya. Ugolovno-processual'nye novelty i effektivnost' raskrytiya prestuplenij. Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2017. № 6. S. 141 – 145.
5. Zakaryan S.A. Osobennosti sudebnyh stadij kontrol'nogo proizvodstva v ugolovnom processe. ZHurnal rossijskogo prava. 2016. № 5. S. 98 – 107.
6. Kornakova S.V. Soblyudenie pravil i zakonov logiki kak neobhodimoe uslovie kachestvennogo rezul'tata sledstvennoj i sudebnoj deyatel'nosti. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 1. S. 74 – 81.
7. Kuzovenkova Yu.A. Nekotorye voprosy postanovleniya prigovora v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 1. S. 89 – 96.
8. Kulev A.G. 2018. Tendencii sovremennoj ugolovno-processual'noj politiki. Vestnik YArGU. Seriya gumanitarnye nauki. № 3. S. 48 – 52.

9. Kuprejchenko S.V. 2017. Protivorechie interesov doveritelej advokata-zashchitnika v ugovnom processe. Ponyatie, posledstviya, problemy ustanovleniya i processual'nogo reagirovaniya. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. № 9. S. 177 – 185.
10. Maslennikova L.N. Mirovozzrencheskaya osnova ugovno-processual'nogo prava: sootnoshenie publicnogo i dispozitivnogo nachal. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1. S. 40 – 42.
11. Nazarov A.D. Obvinitel'nyj ukлон v deyatelnosti sub"ektov, vedushchih ugovnyj process, kak faktor, sposobstvuyushchij poyavleniyu oshibok v ugovnom sudoproizvodstve. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 9. S. 125 – 132.
12. Pavlichenko N.V. Sochetanie glasnyh i neglasnyh metodov i sredstv v ugovnom processe: innovaciya ili pravovaya real'nost'? Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 3. S. 111 – 115.
13. Polyakov, M.P. Ideologicheskij podhod i ugovno-processual'naya konceptologiya kak instrumenty poznaniya sushchnosti otechestvennogo ugovnogo sudoproizvodstva. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1. S. 43 – 47.
14. Rybinskaya E.T. Obstoyatel'stva, iskluchayushchie uchastie sud'i v ugovnom sudoproizvodstve, kak osnovanie vyneseniya zakonno go prigovora. Sibirskie ugovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 2. S. 76 – 85.
15. Samojlov P.A. Terminologiya filosofskogo determinizma v kontekste pravovogo regulirovaniya ugovno-processual'noj deyatelnosti. Akademicheskaya mysl'. 2018. № 4. S. 123 – 126.
16. Starodubova G.V. Prigovor suda: obosnovannost' i ob"ektivnost'. Sibirskie ugovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 2. S. 131 – 136.
17. Tarichko I.YU. Mirovye tendencii optimizacii ugovnogo processa. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 12. S. 171 – 177.
18. Terekhin V.V. Ideologicheskie nyuansy formirovaniya i primeneniya standarta dopustimosti dokazatel'stv v ugovnom processe. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1. S. 48 – 54.
19. Frolov I.S. Osoboe mnenie sud'i kak odna iz garantij nezavisimosti sudej i ih ravenstva pri postanovlenii prigovora: problemy i perspektivy. Sibirskie ugovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 2. S. 147 – 153.
20. Himicheva O.V. Osnovnye napravleniya razvitiya sovremennoj ugovno-processual'noj nauki. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1. S. 55 – 57.

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АЗЕРБАЙДЖАНА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАЦИИ

**Рзаев Орхан Вели оглу, аспирант, старший консультант,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Конституционный Суд Азербайджанской Республики, Азербайджан**

***Аннотация:** в статье анализируются специфические особенности правовой системы Азербайджанской Республики, выясняется правовое содержание понятия «правовая система». Описываются проблемы дифференциации разграничения понятий «система права» и «правовая система». Международные договоры рассматриваются в качестве самостоятельного элемента правовой системы. Автор приходит к такому выводу, что международные договоры выступают в качестве самостоятельного элемента правовой системы, не будучи включенными в азербайджанское право (система права). Отмечаются детали правовой системы с учетом их исторических, политических, культурных, правовых и нравственных особенностей, а также внутренних особенностей, характерных для правовой системы. В статье исследуются из каких правовых частей должна состоять правовая система. Автор исследует различные подходы к содержанию правовой системы существующие в юридической литературе и соглашается с двумя пунктами, которые мы можем принять в качестве общей характеристики упомянутых позиций. В статье анализируются все подсистемы правовой системы АР. Каждая из подсистем (правовая культура – право – реализация права) создает правовую систему АР, объединяя в себе правовые части, близкие друг к другу по соответствующим признакам.*

***Ключевые слова:** правовая система, система права, право, международные договора, национальное право, законодательство, конституция*

THE CONCEPT OF THE LEGAL SYSTEM OF AZERBAIJAN AS THE POLITICAL AND LEGAL CULTURE OF THE NATION

**Rzayev Orkhan Vali oglu, Postgraduate, Senior Consultant,
North-Caucasus Federal University,
Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan**

***Abstract:** the article analyzes the specific features of the legal system of the Republic of Azerbaijan, finds out the legal content of the concept of "legal system". The problems of differentiation of the differentiation of the concepts of "the system of right" and "legal system" are described. International treaties are considered as an independent element of the legal system. The author comes to the conclusion that international treaties act as an independent element of the legal system, without being included in Azerbaijani law (the system of law). The details of the legal system are noted, taking into account their historical, political, cultural, legal and moral features, as well as internal features characteristic of the legal system. The article examines which legal parts the legal system should consist of. The author explores various approaches to the content of the legal system existing in the legal literature and agrees with two points that we can accept as a general characteristic of the mentioned positions. The article analyzes all subsystems of the legal system of the Republic of Armenia. Each of the subsystems (legal culture – law – realization of law) creates a legal system of the Republic of Armenia, combining legal parts that are close to each other on the appropriate grounds.*

***Keywords:** the system of right, legal system, law, international treaties, national law, legislation, constitution*

В настоящее время около 200 государств имеют свою национальную правовую систему. Их особенности определяются конкретным историческим развитием, спецификой культуры, религии, обычаев и традиций, своеобразием юридического содержания и т.д. [12, с. 210] Национальные правовые системы отражая в нормативной форме объективные закономерности в обществе, формируются и развиваются в соответствии с характеристиками этого общества. Термин «правовая система» также используется в теории права для характеристики историко-правовых, этнокультурных различий разных государств, разнообразных народов. [3, с. 449].

В этом контексте право также образует звено в системе социального регулирования, которая обладает системностью, относительно независима и состоит из набора взаимосвязанных элементов. Отмеченное характерно и для национальной правовой системы Азербайджанской Республики (АР). Прежде чем приступить к анализу специфических особенностей правовой системы АР, необходимо выяснить правовое содер-

жание понятия «правовая система». Для этого, прежде всего, требуется обратить внимание на два момента: 1) в законодательстве и юридической литературе используются понятия «система права», «законодательная система» и «правовая система», которые, на наш взгляд, не являются синонимами и различаются по содержанию; 2) однозначного отношения к понятию «правовая система» в правовой доктрине нет. Сравнительный анализ подходов, существующих в юридической литературе, приводит к такому первичному выводу, что выделение и разъяснение сущности понятия «правовая система» от других понятий обычно осуществляется по двум направлениям: 1) по праву в целом либо установлением взаимного соотношения с «системой права»; 2) по определению взаимосвязей международного права и национального права.

По мнению профессора М.Ф.Меликовой, которая считает необходимым разграничение понятий «система права» и «правовая система», система права – это внутренняя структура права, его внутренняя логическая структура, основой которой служит согласование и взаимодействие структурных элементов [21, с. 222-223] В этом смысле также существует необходимость уточнить соотношение понятий «система права» и «право». Дело в том, что порой в юридической литературе происходит отождествление понятий «правовая система» и «право», либо «система права» и «право». Согласно принятому в теории права узкому подходу под правом понимается система правил (норм), регулирующих поведение людей, устанавливаемых государством на основе общеобязательных, формально-официальных, моральных принципов [21, с. 42] Право, ядро и нормативная основа правовой системы, ее связующее и цементирующее звено [11, с. 85] В этом плане речь идет о праве в объективном смысле или позитивном праве. Согласно широкому подходу в юридической литературе, понятие права объединяет в себе как внутреннюю структуру, так и внешнюю форму проявления. Кроме того, право охватывает не только позитивное право, но и естественные начала [21, с. 222] Из последнего подхода можно сделать вывод, что понятия «право» и «система права» не совпадают по содержанию. В этом смысле, понятие «право» обладая более широким содержанием, и охватывает собой «систему права». Кстати, в данном случае понятия «система права» и «правовая система» считаются синонимами [21, с. 221-230] Из мнения профессора М.Ф. Меликовой, «право также характеризуется формой внешнего выражения, определенной внешней структурой, которая представляет собой систему нормативных актов, охватываемых им и характеризующихся своей иерархией и подчиненностью. В этом случае можно предположить, что понятие правовой системы в целом совпадает не с самим правом, а только с его внутренней структурой, что, естественно, исключает их идентификацию» [21, с. 222-223] можно сделать вывод, что понятие «права» по своему содержанию объединяет правовую систему, которая выражает внутреннюю структуру права, и законодательную систему в качестве внешней структуры.

Как видно, при дифференциации этих понятий отнюдь не отсутствует значение с практической точки зрения. С другой стороны, относительно того, как проблема дифференциации связана с российским правом, можно отметить следующее: *во-первых*, в русском языке это различие выражено более четко, чем в нашем языке: «правовая система – *hüquqi sistem*» и «система права – *hüquq sistemi*». *Во-вторых*, категория «правовая система РФ» является творением одного лишь российского законодателя [7, с. 25], с другой стороны, введение в научный оборот понятия «правовая система» непосредственно относится именно к российской правовой доктрине. В российской правовой доктрине в связи с этим проведено достаточно исследований различного объема [1, с. 48-52]. *В-третьих*, крайнее обострение разграничения понятий «система права» и «правовая система» произошло в связи с изучением и применением положения «Об общих принципах и нормах международного права, а также о том, что международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ», которое закреплено в части 4 статьи 15 Конституции РФ 1993 года [2, с. 110]. Приведенное выше обострение, как правило, происходит в плоскости определения взаимосвязи международного и национального права. Кстати, в этом контексте понятие «правовая система» не имеет однозначного подхода в российской правовой доктрине применительно к использованию в законодательстве, а именно в Конституции.

Больше проанализировано международными юристами толкование «правовая система РФ» должно осуществляться исходя из признания самостоятельности существования двух правовых систем – международного и российского права [7, с. 25]. По мнению С.В.Черниченко, следует признать, что объективные границы, разделяющие международное и внутривнутригосударственное право, существуют лишь в том, где международное и внутривнутригосударственное право соотносятся как правовые системы [19, с. 140]. Этим международные юристы пытаются обосновать, что нормы международного права имеют юридическую силу на территории РФ. По мнению И.И.Лукашука, хотя Конституция РФ, включила общепризнанные принципы и нормы международного права в правовую систему страны, однако не содержит прямого ответа на вопрос о месте этих норм в правовой системе [10, с. 280], но коренным образом меняет понятие правовой системы России, ее структуру [17, 18]. Как мы уже отмечали, в российской правовой доктрине подход к

этому вопросу неоднозначен. Так, по мнению выдающегося ученого Е.Т.Усенко, «правовая система» – это научное понятие, нормативно не урегулированное и потому едва ли уместное в Конституции. Достаточно было сказать: «является частью права РФ [18, с. 160]. Став частью права страны, соответствующее правило подлежит непосредственному применению [10, с. 279].

Подобное положение характерно и для доктрины АР. Считаем, что такие подходы вытекают из известной формулы «Блэкстоун», которая формулируется следующим образом: «международное право – это часть права государства» [4, 10-11]. По мнению Т.И. Гусейнова, более правильным представляется объяснение международных договоров частью права страны (АР), а не системы законодательства (*здесь предусматривается статья 148. II Конституции АР – авт.*), так как они не являются элементом законодательства. При этом необходимо отметить, что существует система права соответствующего государства и применимое в данном государстве право, куда и включаются международные договоры [5, с. 175]. Попробуем вкратце рассмотреть некоторые моменты, связанные с последним мнением. *Прежде всего*, Конституция АР (ст. 148. II) определяет международные договоры, стороной которых выступает АР, как составную часть законодательной системы АР.

Т.И. Гусейнов отмечает, что это не правильно, поскольку «международные договоры не являются элементом законодательства» [5, с. 175]. Конечная цель здесь, разумеется, состоит в том, чтобы определить, принимаются ли международные договоры в качестве источника в правовой системе АР. По сути, международный договор и внутригосударственный нормативный акт, стороной которого выступает АР, являются результатом норматворческой деятельности АР. Нормы права, возникающие в обеих формах, отличаются лишь тем, что волеизъявление выражается в различных формах.

В этом контексте включение международного договора, стороной которого выступает АР, не в правовую систему, а именно в законодательную систему: 1) по сути включение норм международного права в законодательную, правовую системы и систему права, не исключает системной целостности существующих национальных правовых событий АР, в которой нормы международного права будут реализованы; 2) в определенном смысле подтверждает, что законодательство АР выступает из монистской теории; 3) по сути не влияет на реализацию норм международного договора, поскольку эти нормы толкуются и применяются с учетом принципов и требований международного права охватом особенностей национальной правовой системы [9, с. 46]; 4) само по себе не означает трансформацию норм международного договора в национальное законодательство [15, с. 43]. *Во-вторых*, однозначно оценить позицию автора несколько сложно. Так, с одной стороны, автор согласен с тем, что система права воплощается не только в позитивном праве, но и в международно-правовых актах [5, с. 174]. Потому что, в другом месте статьи автор отмечает, что они (*международные договоры*) занимают обособленное положение в национальной правовой системе и как бы дополняют ее (*правовую систему*). Иными словами, не вливаясь в общий массив нормативно-правовых актов, они функционируют наряду с азербайджанским правом, при этом, не переставая быть источником международного права [5, с. 176].

Исходя из этого мнения, можно прийти к такому выводу, что международные договора выступают в качестве самостоятельного элемента правовой системы, не будучи включенными в азербайджанское право (система права). Мысль о том, что «государство имеет свою собственную систему права и право, применяемое в этом государстве, а международные договора включены в применяемое право», приводит к выводу, что «право страны» состоит не только из системы права. Так, автор определяет это право иначе, чем в системе права, ссылаясь на право международных договоров, применяемое в АР. Следует согласиться с тем, что «право, применяемое в государстве» имеет более широкое содержательное значение, чем система права государства. Таким образом, не только национальные правовые нормы этого государства, но и зарубежное право, а также нормы международного права применяются на территории государства в зависимости от формы обращения к ним [13, с. 61]. А применение правовых норм, относится к стадии реализации права. Как усматривается, Т.И.Гусейнов фактически предлагает включить в процесс реализации права международные договора, участником которых является АР. Позиция, которую занимает автор, несколько сомнительна с точки зрения необходимости различения права как системы и процесса ее реализации [19, с. 141].

Однако с точки зрения законодательства АР можно согласиться с мнениями, что понятие «правовая система» является научной категорией [5, с. 175] и «нормативно не регулируется» [18, с. 160]. Несмотря на то, что, в российской правовой доктрине указывается о том, что категория «правовая система РФ» носит нормативный характер [7, с. 25]. Так, хотя в законодательстве АР установлены понятия «законодательная система» (Конституция АР, глава X), «система нормативных правовых актов» и «система права» (Конституционный Закон о нормативных правовых актах (ЗНПА) [23], ст. 6 и ст. 37), понятие «правовая система» не используется.

Таким образом, из анализа правовой доктрины, в том числе и АР, можно сделать следующий предварительный вывод: 1) нет необходимости отождествлять понятия «система права», «право» и «правовая система». Так, необходимо принять и дифференцировать систему права в узком и широком смысле. То есть, под системой права в узком смысле понимается внутренняя структура национального права АР, совокупность существующих правовых норм (нормативная система). В сущности, это означает понятие «система права»; 2) понятие «право», будучи широким понятием, включает в себя как систему права, так и систему законодательства в качестве внешней структуры; 3) понятие «правовая система» имеет более широкое содержание, включающее, в том числе, и право. Можно считать, что понятию «правовая система» порождает большей степени конкуренция понятие «право». Их соотношение, можно определить как соотношение понятий «право в целом» и «право как целое», предложенных Керимовым Д.А. Под понятие «право в целом» подпадают все проявления правовой реальности, рассматриваемые в своей совокупности, но безотносительно к специфике составляющих его частей. В этом смысле «право в целом» равнозначно понятию «все права», охватывающему все правовые явления независимо от их значимости в правовой жизни общества. Иной смысл вкладывается в понятие «право в целом». Здесь акцент делается на внутреннем единстве права, на отношении права как целого со всеми составляющими его частями и каждой правовой части к объединившему их правовому целому [8, с. 241]. Мы считаем, что “право, как целое” можно сравнить с правовой системой, а “право как целое” – с правом.

Правовая система каждого государства, в том числе и АР, независимо от того, как определяется ее нормативное регулирование, взаимоотношения с международным правом, включает правовую действительность или правовые явления, существующие в АР в целом, с учетом их исторических, политических, культурных, правовых и нравственных особенностей, а также внутренних особенностей, характерных для правовой системы. Как отметил Зимненко В.Л., "правовая система" – сложное, многоаспектное явление, не тождественное понятиям системы законодательства и системы права, включающее различные явления правовой действительности в конкретном государстве [6, с. 80]. Для правовой системы как части системы социального регулирования характерны следующие признаки, которые Керимов Д.А. относит к системности права [8, с. 234-235]: 1) части правового системного целого необходима объединены и тем самым находятся в соединенном состоянии. При этом такое соединение имеет объективный характер; 2) части правового системного целого соединены между собой по определенным содержательным основаниям, которые характеризуют субстанциональные особенности их свойств и связей. Иначе объединение правовых частей не будет иметь системной природы; 3) системное правовое целое образует единство в результате структурной упорядоченности его частей определяющей их функциональные зависимости и взаимодействия; 4) объективное объединение и соединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство обуславливает наличие у системного правового целого свойства относительной самостоятельности; 5) структурная упорядоченность придает системному правовому целому относительную устойчивость, лишь в пределах которой допустимы изменения свойств ее частей и их связей; 6) относительная самостоятельность системного правового целого обуславливает относительную автономность ее функционирования, степень которой определяет уровень данной системы.

По указанным признакам можно дать понятие правовой системы. Однако, перед этим попробуем уточнить, из каких правовых частей должна состоять правовая система. Кстати, в юридической литературе нет однозначного подхода к этому вопросу. Так, в юридической литературе существуют мнения, схожие по содержанию, но выраженные в различной форме. По мнению профессора М.Ф.Меликовой, правовая система выступает как целый комплекс правовых явлений, включающий в себя все многообразие правовых явлений, которые в той или иной степени относятся к праву: законодательство, правовая система, правовые институты, формы правовой деятельности государственных органов, учреждений, неправительственных организаций, правовая практика, правовые идеи, правовая культура [21, с. 223]. В учебнике «Теория права», изданном в 2017 году, отмечается, что правовая система включает три группы правовых событий: 1) правовые нормы, институты и отрасли (*нормативная сторона*) – правовые нормы, установленные или санкционированные государством, защищенные силой принуждения; совокупные охраняемые общественные ценности; 2) совокупность юридических учреждений и результаты их деятельности (*организационная сторона и юридическая практика*) - совокупность законодательных, исполнительных и судебных органов, правоохранительных органов, лиц и организаций, оказывающих населению различные виды юридических услуг, способы их деятельности и практика, полученная в результате; 3) совокупность правовых взглядов, идей, представлений, преобладающих в обществе (правовая культура) – совокупность идей, мыслей, мнений и чувств общества, различных социальных групп, слоев, отдельных лиц о праве в целом; доминирующие теоретические подходы применительно к системе правовых норм и правовых институтов в обществе [22, с. 121]. Т.И. Гусейнов также включает в правовую систему объективное право,

правовую практику и правовую идеологию как совокупность правовых норм [5, с. 175]. Как видно, подходы, существующие в правовой доктрине АР, в некоторой степени тождественны с подходами, которые содержатся в правовой доктрине РФ. В качестве примера можно привести взгляды С.С. Алексеева, выделяющегося своими исследованиями по данному вопросу. Отмечая, что правовая система включает в себя само право и его применение, по мнению Алексеева С.С., в правовую систему должны входить взаимодействующие основные элементы, имеющие конститутивное значение, – собственно право, правовая идеология и юридическая практика, состоящая из правоприменительной и правотворческой деятельности, а в качестве результатов последней и система нормативных актов [1, с. 65].

Как видно, в юридической литературе существуют различные подходы к содержанию правовой системы. Мы должны согласиться с двумя пунктами, которые мы можем принять в качестве общей характеристики упомянутых позиций: 1) входящие в правовую систему компоненты неодинаковы по своему значению, юридической природе, удельному весу, самостоятельности, степени воздействия на общественные отношения, но в то же время они подчинены некоторым общим закономерностям, характеризуются единством [11, с. 86]; 2) эти компоненты объединены в определенные блоки [11, с. 85]. Как видно из доктрины АР, в рамках правовой системы выделяют три блока. Конечно, не исключено, что эти блоки будут называться по-разному. Мы считаем, что соответствующие блоки как подсистемы в рамках правовой системы объединяют в себе компоненты, близкие друг к другу по вышеуказанным признакам. Эти подсистемы можно назвать различными, но считаем, что предлагаемые понятия или термины должны охватывать сущность и содержание соответствующей подсистемы. В этом отношении надо согласиться с тем мнением Саидова А.Х., что исследование правовой системы должно охватывать, во-первых, систему взглядов, идей, представлений, теорий, т.е. правопонимание в данный исторический период; во-вторых, анализ нормативной основы, ее структуры; в-третьих, систему осуществления права [16, с. 117]. По мнению профессора М.Ф.Меликовой, в литературе все указанные элементы правовой системы делятся на три взаимосвязанные группы: 1) законодательство; 2) правовая практика; 3) господствующая правовая идеология [21, с. 223]. По всей видимости, ссылаясь на юридическую литературу, М.Ф.Меликова принимает законодательство как системный элемент. Однако, по мнению М.Ф.Меликовой, подчеркивающей, что система права и система законодательства не тождественны, в то время как система права выражает содержание, определяемое состоянием общественных отношений, имея объективный характер, законодательная система выступает в качестве формы, выражая, по-видимому, правовую норму, отражая более субъективные факторы [21, с. 242]. На самом деле, хотя эта подсистема и называется объективным правом [5, 175] или правовыми нормами, институтами и отраслями [22, с. 121] она не полностью охватывает ее содержание. По нашему мнению, более приемлемым следует считать то, что эта подсистема является самим правом [1, с. 65] и называется «правом». *Прежде всего*, как упоминалось выше, понятие «право» включает в себя как систему права, так и законодательную систему в качестве внешней структуры. Еще раз отметим, что система права (*право в объективном смысле*) представляет собой внутреннюю логическую структуру, которая основана на согласовании и взаимодействии структурных элементов права (*правовых норм, институтов и отраслей*) [21, с. 111]. Законодательная система состоит из совокупности всех действующих в стране нормативно-правовых актов, их государственной регистрации в установленном порядке [20, с. 523]. *Во-вторых*, это понятие позволяет различать право и закон. Кроме того, далеко не случайно и раздел V Конституции АР, который включает в себя Главу X «Законодательная система», называется «Право и закон» и подлежит оценке с этой точки зрения. Учитывая, что закон является единицей законодательной системы [20, с. 521], Конституция, путем включения в законодательную систему АР международных договоров (ст. 148. II), стороной которых выступает АР, с одной стороны, подтверждает, что нормативная система состоит не только из норм национального права, но и международного договора, с другой стороны, позитивное право и право не тождественны. *В-третьих*, это понятие означает, что правовая система АР основана на теории естественного права. Таким образом, Конституция проводит различие между правом и законом, определяет защиту прав человека как высшую цель АР (ст. 12.I), право каждого с момента рождения на неприкосновенные, ненарушаемые и неотъемлемые права и свободы (ст. 24.II). Тот факт, что права и свободы непосредственно действуют на территории АР (статья 71.VI), обуславливает, что понятие «право» охватывает взаимодействующие друг друга естественное право и позитивное право.

Следующей подсистемой правовой системы АР является «реализация права». Реализация права представляет из себя деятельность по выполнению показателей (субъективных прав и обязанностей), которые определены правом. Целесообразность именованной упомянутой подсистемы «реализация права» выражается в том, что это понятие охватывает правопорядок [19, с. 143], акты правоприменения [14, 21], совокупность юридических учреждений и результаты их деятельности [22, с. 121], юридическую практику

[21, с. 65] и др.

Другую подсистему правовой системы образует «правовая культура». В связи с этим, мы выражаем полное согласие по поводу мнения в опубликованном в 2017 году учебнике «Теория права» о том, что *правовая культура* выступает в качестве совокупности правовых взглядов, представлений, идей, доминирующих в обществе теоретических подходов, в роли элемента правовой системы [22, с. 121]. Правовая культура как подсистема объединяет в себе правосознание, существующее в каждом обществе, правовую идеологию и правовую психологию как его составные элементы, включая правовую доктрину. В этой подсистеме правосознание играет более активную роль. Правосознание как форма общественного сознания выражается идеями и взглядами, представлениями, настроениями, эмоциями и чувствами, отраженными в сознании людей, связанных с правовыми явлениями [21, с. 302]. Таким образом, идеи и взгляды, сформированные в сознании, составляют правовую идеологию, а представления, настроения, эмоции и части составляют правовую психологию. Идеи и взгляды, выражающие правовую идеологию, в которой доминирует наука, играют руководящую роль в правотворчестве и правореализации, особенно в применении права, формируют их моральную основу, выступают в качестве принципа качества [21, с. 302]. Как подсистема, правовая культура сочетает правосознание, правовую идеологию и правовую психологию, а также правовую доктрину в качестве составных элементов, которые существуют в любом обществе. «Нормативные правовые акты должны основываться на праве и справедливости» (Конституция, ст.149.1), следовательно при применении аналогии права необходимо принимать во внимание требования предъявляемые к справедливости, совести и нравственности (ЗНПА, ст. 13.4; Гражданский кодекс АР (ГК) [24], ст. 11.2) и толковать законодательные положения именно в этом ключе.

Таким образом, каждая из подсистем (правовая культура – право – реализация права) создает правовую систему АР, объединяя в себе правовые части, близкие друг к другу по соответствующим признакам. Правовая система АР представляет собой совокупность правовых явлений (правовых частей), формирующихся и развивающихся под влиянием исторических, политических, культурных, правовых и нравственных особенностей, включая глобализацию, функционирующих в соответствии с присущими системе внутренними особенностями и объединенных в такие подсистемы, как правовая культура, право и реализация права. В этом смысле, объединение различных национальных правовых систем называется соответственно «правовой семьей».

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во проспект, 2008.
2. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права; правовые категории. М.: Спарк, 2002, 415 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. С. 449.
4. Гусейнов Л.Г. Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // *Beunəlxalq hüquq jurnalı*, 1998, № 1. С. 30; Гусейнов Л.Г. Международные обязательства государств в области прав человека. С. 10 – 11.
5. Гусейнов Т.И. Взаимодействие норм международного и азербайджанского права // *Azərbaycan hüquq jurnalı*, 2002. № 1. С. 173-184; С. 175.
6. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М.: Статут, РАП, 2010. С. 80.
7. Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М.: Международные отношения, 2004. С. 25.
8. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: СГА, 2003. С. 241.
9. Кузнецова О.А. Мариино. Общепризнанные принципы и нормы международного права – часть правовой системы, права или законодательства? // *Правовое государство: теория и практика*. 2010. № 2. С. 42 – 47.
10. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 280.
11. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 85.
12. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебника. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 210.
13. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 61.
14. Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебный курс: в 3-х ч. М.: ОАО Изд. дом «Городец», 2004. С. 21.

15. Павлова Л.В. Имплементация договорных обязательств Республики Беларусь в национальном законодательстве // Московский журнал международного права. 2006. № 1. С. 201 – 207
16. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под.мред. проф. В.А. Туманова. М.: Юристъ, 2000. С. 117.
17. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции РФ // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 18.
18. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. С. 160.
19. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2-х т. Том 1. Современные теоретические проблемы. М.: Изд-во НИМП, 1999. С. 140.
20. Əsgərov Z.A. Konstitusiya hüququ. Dərslik. Bakı, Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2011. P. 523.
21. Məlikova M.F. Hüquq nəzəriyyəsi. Dərslik. Bakı, Elm və təhsil, 2019. P. 302.
22. Mehdiyev F., Quliyev E. Hüquq nəzəriyyəsi. P. 121.
23. <http://www.e-qanun.az/framework/21300>
24. <http://www.e-qanun.az/framework/46944>

References

1. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: uchebnik. M.: TK Velbi, Izd-vo prospekt, 2008.
2. Anufrieva L.P. Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava; pravovye kategorii. M.: Spark, 2002, 415 s.
3. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 2-e izd. M.: Omega-L, 2005. S. 449.
4. Gusejnov L.G. Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki, prava cheloveka i mezhdunarodnoe pravo. Beynəlxalq hüquq jurnalı, 1998, № 1. S. 30; Gusejnov L.G. Mezhdunarodnye obyazatel'stva gosudarstv v oblasti prav cheloveka. S. 10 – 11.
5. Gusejnov T.I. Vzaimodejstvie norm mezhdunarodnogo i azerbajdzhanskogo prava. Azərbaycan hüquq jurnalı, 2002. № 1. S. 173-184; S. 175.
6. Zimnenko B.L. Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': Kurs lekcij. M.: Statut, RAP, 2010. S. 80.
7. Kanashevskij V.A. Mezhdunarodnye normy i grazhdanskoe zakonodatel'stvo Rossii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. S. 25.
8. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 3-e izd., pererab. i dop. M.: SGA, 2003. S. 241.
9. Kuznecova O.A. Mariino. Obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava – chast' pravovoj sistemy, prava ili zakonodatel'stva? Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2010. № 2. S. 42 – 47.
10. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2005. S. 280.
11. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: YUrist", 2004. S. 85.
12. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnika. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Eksmo, 2010. S. 210.
13. Myullerson R.A. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava. M., 1982. S. 61.
14. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodnyj grazhdanskij process: Uchebnyj kurs: v 3-h ch. M.: OAO Izd. dom «Gorodec», 2004. S. 21.
15. Pavlova L.V. Implementaciya dogovornyh obyazatel'stv Respubliki Belarus' v nacional'nom zakonodatel'stve. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2006. № 1. S. 201 – 207
16. Saidov A.H. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti): uchebnik. pod.mred. prof. V.A. Tumanova. M.: YUrist', 2000. S. 117.
17. Talalaev A.N. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v Konstitucii RF. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1995. № 2. S. 18.
18. Usenko E.T. Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava. M.: Norma, 2008. S. 160.
19. Chernichenko S.V. Teoriya mezhdunarodnogo prava: v 2-h t. Tom 1. Sovremennye teoreticheskie problemy. M.: Izd-vo NIMP, 1999. S. 140.
20. Əsgərov Z.A. Konstitusiya hüququ. Dərslik. Bakı, Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2011. P. 523.
21. Məlikova M.F. Hüquq nəzəriyyəsi. Dərslik. Bakı, Elm və təhsil, 2019. P. 302.
22. Mehdiyev F., Quliyev E. Hüquq nəzəriyyəsi. P. 121.
23. <http://www.e-qanun.az/framework/21300>
24. <http://www.e-qanun.az/framework/46944>

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАХОРОНЕНИЯ
РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ В КАРСКОМ И БАРЕНЦЕВОМ МОРЯХ**

**Анянова Е.С., кандидат юридических наук,
Legum Magister, Doctor iuris, юрисконсульт,
ООО «Балтторг»**

***Аннотация:** в статье речь идет о научно-правовом анализе относительно недавно появившегося в международном праве запрета сброса радиоактивных отходов в море в российской части Арктического региона. Последнее захоронение радиоактивных отходов было проведено в районе побережья Новой Земли в 1991 г. Точной информации о количестве и местонахождении реакторов судов, затопленных в Карском море, и других опасных подводных радиоактивных объектов, нет. Поскольку потенциальная угроза просачивания в морскую среду радиоактивных отходов возникает не только для России, но и для стран региона. Освещается необходимость проводить подробные исследования и регулярные экспедиции. Подчеркивается потребность в региональном соглашении о сотрудничестве в международных научных исследованиях, порядке мониторинга за захоронениями в море радиоактивных отходов и проведения комплексных экспедиций в арктическое море.*

В настоящее время планируются работы по подъему части отходов с задействованием усилий стран Евросоюза. Будущее данного региона зависит от совместных усилий государств. Такая деятельность будет трудоемкой, потребует больших финансовых вложений.

Подобная активизация экологически грамотного обращения с радиоактивными отходами в настоящий момент связана с председательством Российской Федерации в настоящее время в Арктическом совете.

Делается вывод, что полная реабилитация данной морской акватории от всех затопленных объектов или перезахоронение ядерных и радиационно-опасных объектов уже невозможна.

***Ключевые слова:** утилизация судов, верфь, охрана окружающей среды, международное морское право, Арктика, радиоактивные отходы, захоронение отходов*

**INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE RADIOACTIVE
WASTE DISPOSAL IN THE KARA SEA AND THE BARENTS SEA**

**Anyanova E.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Legum Magister, Doctor iuris, Legal Consultant,
LLC «BALTTORG»**

***Abstract:** the article is about the scientific legal analysis of the prohibition to dump the radioactive wastes into the sea in the Russian part of the Arctic region. This prohibition is a rather new development for the international law. The last disposal of radioactive wastes was carried out in the area of the coast of the Novaya Zemlya archipelago in 1991. There is no exact information on the amount and location of the vessels reactors and other underwater radioactive objects dumped in the Kara sea. Since the potential threat of the leak into the marine environment of the radioactive waste arises not only for Russia, but also other countries in this region. This article highlights the necessity to carry out the detailed research and regular expeditions. The need to adopt the regional agreement on the co-operation in the international scientific research, the way of monitoring for the radioactive waster disposal at sea and organization of the complex expeditions in the Arctic sea is stressed.*

At present the works to raise the part of waste with the involvement of the efforts of the countries of the European Union are planned. The future of this region depends on the common efforts of the states. This activity will be cumbersome, requires big financial investments. The revitalization of the environmentally benign radioactive handling at present is related to the chairmanship of the Russian Federation in the Arctic Council.

The conclusion is made that the full rehabilitation of this maritime area from all the sunken objects or redispasal of nuclear and radiation hazardous facilities are already impossible.

***Keywords:** ship recycling, shipyard, environmental protection, international law of the sea, Arctic*

Введение

Целью данной статьи является исследование вопросов международно-правового регулирования захоронения радиоактивных отходов в районе Карского и Баренцева морей.

Приблизительно в 1960-х г.г. началось захоронение в СССР радиоактивных отходов в данном регионе. Однако, точных данных о дате захоронения и местонахождения радиоактивных отходов нет. В годы холод-

ной войны вопросы о ядерных отходах в районе архипелага Новая Земля содержались в режиме строжайшей секретности. Этим и обусловлена важность и актуальность темы.

Захоронение радиоактивных отходов в морские глубины первоначально рассматривалось как безопасная и разумная техника утилизации опасных отходов, которая однако достаточно быстро стала источником беспокойства мирового сообщества, в особенности после того как значительно увеличилось количество захоронений в связи с развитием атомного ледокольного флота (например, на дно Карского моря сброшены три атомных реактора знаменитого ледокола «Ленин»).

Несмотря на появившийся в международном праве запрет дампинга радиоактивных отходов в море, долгое время наша страна считала Арктический регион своим внутренним морем, поэтому воспринимала себя как имеющую право на любую деятельность в районе.

Статья состоит из семи частей, рассматривающих вопросы характера сделанных у побережья Новой земли сбросов радиоактивных отходов, их потенциальной угрозы для окружающей среды и человека, методы захоронения таких отходов, возможные проекты по очистке данного района, потребность в участии международного сообщества и особенности международного права в этой сфере. Сделаны выводы о потребности России в международном сотрудничестве в вопросах реабилитации экологии данного района, опыте зарубежных государств в вопросах экологически безопасной утилизации радиоактивных отходов, необходимости разработать и заключить региональное соглашение о сотрудничестве в международных научных исследованиях о порядке мониторинга за захоронениями в море радиоактивных отходов и проведения комплексных экспедиций в арктическое море для целей установления точного количества и местонахождения сделанных радиоактивных захоронений, их воздействия на окружающую среду.

1. Сбросы в северные моря Россией радиоактивных отходов

С началом широкого развития атомной энергетики в конце 1940-х годов развитые страны стали сбрасывать радиоактивные отходы и отработавшее ядерное топливо в открытое море. Для подобных отходов Северного флота было «избрано» морское пространство у побережья Новой Земли.

Часть мусора на дне Баренцева и Карского морей составляют суда, затонувшие во время Великой отечественной войны [2, с. 40]. Также СССР сбросило чрезвычайно большое количество радиоактивных отходов в морских пространствах вдоль побережья Новой Земли (Баренцево и Карское моря) между 1945 и 1985 г.г. - в период «холодной войны» [6, р. 68].

С начала 1960-х годов Северный флот регулярно сливал в эту зону радиоактивные отходы и отработавшее ядерное топливо судов, иногда даже непосредственно в зоне ловли рыбы. Приблизительно 14 реакторов с кораблей затоплены в Карском море, в том числе после аварий, 17 000 контейнеров с твердыми радиоактивными отходами (ТРО) и 19 судов, заполненных радиоактивными отходами. На дне Карского и Баренцева морей находятся также 3 атомные подводные лодки с ядерным топливом в реакторах (Комсомолец, К-27, К-159), 1 контейнер с экранной сборкой атомного ледокола «Ленин», 735 радиоактивных конструкций и блоков [2, с. 40].

Последнее захоронение, жидких радиоактивных отходов (ЖРО) в море было осуществлено 1 ноября 1991 года [5].

Хотелось бы обратить внимание, что сбросы были остановлены только через появление в средствах массовой информации сообщений о сбросе и захоронении радиоактивных отходов в этом районе, что вызвало обеспокоенность мировой научной и широкой общественности, в особенности соседних государств Норвегии, Японии и Республики Корея.

2. Потенциальная угроза захороненных отходов

ТРО подвержены быстрому радиоактивному распаду, а вот у отработавшего ядерного топлива время радиоактивного распада составляет несколько сотен лет. Затопленные и затонувшие атомные подводные лодки (АПЛ) и радиоактивные отходы в советский период также до сих пор представляют собой потенциальную опасность, ведь некоторые ядерные реакторы подводных лодок заряжены ураном, который из-за коррозии может выйти наружу [1].

Ускорить проникновение радиоактивных веществ в морскую среду могут планы нефте- и газодобывающих компаний, а также возможности развития в Карском море рыболовного промысла. Кроме того, выбросы могут повлиять на вылов рыбы. Угроза возникает и из-за планов развития Северного морского пути. Также возникает угроза терроризма из-за нахождения «в свободном доступе» радиоактивных материалов в условиях роста экономической активности в Арктике [1].

Угрозу представляет и такое явление как ледовая экзарация, когда нижняя часть айсбергов и вставших дыбом льдов нарушает донный грунт, в результате чего радиоактивные вещества могут попасть в окружающую среду из захороненных объектов.

По мнению экспертов, потенциальную опасность представляют реакторы атомных подводных лодок и атомного ледокола «Ленин» [4, с. 6], специальный контейнер, содержащий отработавшее ядерное топливо одного из реакторов атомного ледокола «Ленин», затопленная баржа с реактором подводной лодки в аварийном состоянии [2, с. 40].

Таким образом, появляется необходимость заняться вопросами захороненных радиоактивных отходов на дне этого района.

Общепринятые требования к безопасности захоронения отходов (расположение на глубине минимум 3 000-4 000 метров, т.е. ниже глубины промыслового рыболовства, вдали от жилых пунктов и районов разработки минеральных ресурсов морского дна, районов с вулканической активностью) нарушались. Глубина затопления радиоактивных отходов в районе Новая Земля составляет от 18 до 370 метров рядом с населенными пунктами, активными морскими путями, рыбопромысловыми зонами [2, с. 3]. В частности, подлодка К-27 находится на глубине всего 50 метров, уже наблюдается незначительное ухудшение состояния, подлодка К-159 находится на глубине около 250 метров, ее загруженные ядерные реакторы уже находятся под риском утечки радиоактивных веществ). Считается, что объекты начнут разрушаться через несколько лет [1].

Контейнеры в Карском море также затапливались неграмотно. К примеру, иногда после процедуры захоронения поступали сообщения о контейнерах, плавающих в Карском море вдоль побережья Новой Земли. В 1984 году в заливе Абросимова близ архипелага Новая Земля был обнаружен плавающий контейнер с уровнем излучения 160 рентген/час [2, с. 40].

Проводимые анализы радиоактивных элементов выявили незначительные превышения радиоактивности в донной части Карского моря. В результате процесса осадконакопления захоронения уже покрыты «подушкой» из осадков. Потенциально вред может быть причинен не только населению и окружающей природной среде, но и привести к трансграничному загрязнению.

Более серьезную угрозу представляют собой АПЛ, ожидающие годами утилизации у причалов, т.к. у них в ожидании утилизации отказывают системы атомной безопасности, а корпуса судов начинают протекать.

3. Методы захоронения радиоактивных отходов

В настоящий момент атомные подлодки утилизируются через герметизацию вырезанных реакторных отсеков и другого радиационно опасного оборудования и их транспортирование в специализированное хранилище, которое функционирует частично на средства международных программ совместного уменьшения ядерной угрозы. Реакторное оборудование атомных ледоколов также выгружается, а судно перерабатывается. Однако в период холодной войны радиоактивные отходы Северного флота просто сбрасывали на дно северных морей.

Радиоактивные отходы помещали в контейнеры, устойчивые к морской воде и давлению на глубине, заливали радиационные отходы специальными консервирующими смесями (к примеру, реакторы из АПЛ заполняют твердеющей смесью на основе фурфурола). Такая смесь отсрочивает выход радиоактивных веществ в морскую среду на несколько сотен лет, однако полностью не предотвращают загрязнение ими окружающей среды.

Радиоактивные отходы иногда складировали на списанных судах ВМФ и Минморфлота и затапливали.

В Российской Федерации есть и ряд предприятий, которые занимаются утилизацией радиоактивных отходов кораблей. Работы по утилизации атомных судов проводятся на верфи «Звездочка» в г. Северодвинск Архангельской области и Дальневосточном заводе «Звезда». Например, утилизацией атомных ледоколов, плавучей технической базы «Лепсе» занимается судоремонтный завод «Нерпа» в г. Снежногорск в Мурманской области [3].

Работы по утилизации атомных ледоколов являются очень дорогостоящими. К примеру, утилизация атомного ледокола «Сибирь», который был выведен в 2016 г. из эксплуатации, стоит приблизительно 700-800 000 000 рублей.

С 1989 года на Дальневосточном заводе «Звезда» ведутся работы по утилизации списанных атомных подводных лодок, что отчасти финансируется иностранцами. К примеру, в 1993 г. заводом «Звезда» при софинансировании США получен заказ на утилизацию стратегических подводных лодок, выведенных из состава ВМФ России.

Экологически грамотная утилизация атомных подводных лодок принесла с собой проблему долгого хранения радиоактивных отходов. К примеру, в настоящее время зачастую такие отходы перед их обработкой и помещением в специализированное хранилище долгое время (несколько лет) хранятся на плаву [4, с. 1]. Проблема их дальнейшей утилизации пока что окончательно не решена. Необходимо заимствовать опыт зарубежных стран, т.к. не все возможные технологии есть в РФ на настоящий момент.

Можно сделать вывод, что своевременная утилизация атомных судов в настоящее время в нашей стране также невозможна [4, с. 1].

4. Предложения очистить морские пространства вокруг Новой Земли

Дальнейшее освоение морских пространств Арктики вызывает опасения проникновения радиационных отходов вследствие естественного разрушения внешних оболочек объектов. Однако, какое решение оптимальней: переконсервировать уже затопленные в районе объекты, либо их поднять, является спорным. Переконсервация имеющихся контейнеров является очень дорогой технологией [6, р. 68].

Существующие предложения поднять потенциально опасные объекты опираются на пример затонувшей аварийной АПЛ «Курск», осуществленный голландской компанией «Маммут» в 2002 г. Так было принято решение по подъему и утилизации затопленных ядерных объектов в северных морях с участием стран Евросоюза. Речь идет, в частности, о подъеме затопленных подводных лодок К-27 и К-159 и других опасных объектов и их утилизации на судовой верфи [7].

Подобная активизация экологически грамотной политики в данной зоне связана с председательством Российской Федерации в настоящее время в Арктическом совете.

Необходима разработка комплексной Программы приведения данной территории в «экологический порядок». Будущее данного региона зависит от совместных усилий государств. Такая «уборка» будет деятельностью крайне трудоемкой, потребует больших финансовых вложений, формирования новых норм экологического права.

5. Потребность России в участии международного сообщества

Период «холодной войны» оставил в наследство большое количество радиоактивных отходов в морских пространствах вокруг Новой Земли. Эти опасные объекты - потенциальная угроза не только для России, но и для соседних прибрежных государств. Радиоактивные отходы являются настолько важным вопросом, что зарубежные страны с готовностью выделяют средства на это направление [3]. К примеру, США участвует в софинансировании процесса демонтажа АПЛ, выведенных из состава российского ВМФ на российских верфях. Технологичные контейнеры, площадки временного хранения для отработавшего ядерного топлива АПЛ; системы переработки ЖРО и ТРО на отдаленных объектах, получаемых и накопленных в результате утилизации российских АПЛ стали изготавливаться в рамках Программы сотрудничества в военной области по вопросам охраны окружающей среды в Арктике (Arctic Military Environmental Cooperation Program), которые финансируются Соединенными Штатами и Норвегией с 1996 г.

В России безопасность радиоактивных материалов от устаревших атомных лодок осуществляется при финансовом содействии Соединенными Штатами и других стран, с целью ускорить вывод из боевого состава (атомных) кораблей и обеспечить безопасность радиоактивных материалов. Однако имеется нехватка людей и ресурсов, чтобы осуществлять подобные намерения с надлежащим темпом.

Во многих регионах России отсутствует современное оборудование по переработке, кондиционированию и хранению ТРО различной степени активности.

Необходимо создание промышленной инфраструктуры по сбору, переработке и захоронению ТРО. Так были построены комплексы по переработке ЖРО и ТРО низкого уровня на Дальневосточном заводе «Звезда» и заводе «Звездочка» в г. Северодвинске. К примеру, ФРГ приняло участие (Германия вложила около 600 миллионов Евро) в возведении пункта длительного наземного хранения реакторных отсеков для хранения 120 реакторных отсеков и центра кондиционирования и долговременного хранения радиоактивных отходов [6, р. 61].

В тех регионах России, где осуществляется демонтаж ПЛА или ведутся работы с отработанным ядерным топливом и радиоактивными отходами, практически нет современных систем радиационного контроля окружающей среды.

Без участия мирового сообщества в подобной деятельности России нормальное осуществление процесса утилизации невозможно, а если возможно, то продлится намного больше.

6. О необходимости проведения регулярных исследований

Точной информации о количестве и местонахождении реакторов судов (предположительно 14), затопленных в Карском море [4] и других опасных подводных радиоактивных объектов, нет.

Многие радиоактивные захоронения закартированы, хотя имеются таковые с неизвестными координатами, что подчеркивает необходимость отслеживать состояние объектов через исследования. В данном районе потенциальная угроза просачивания в воды Океана радиоактивных отходов возникает не только для России, но и для стран региона, в том числе Норвегии.

Что касается необходимости проведения тщательных и подробных исследований, в настоящее время для отслеживания радиационной обстановки в Арктике регулярно проводятся экспедиции.

На месте наблюдаются небольшие участки загрязненного радионуклидами дна в непосредственной близости (от единиц до десятков метров) к некоторым затопленным объектам, а в донных отложениях – радиоактивные частицы.

Однако, исследования показали, что данные выбросы незначительны, с локальным воздействием, а просачиваний на тот момент из реакторов подлодок в окружающую морскую среду не происходит [7]. Последствия разрушения контейнеров с ядерными отходами, которое может произойти в будущем, ещё не установлены.

Тем не менее, затопленные ТРО требуют постоянного контроля, ведь в будущем можно ожидать деградации защитных барьеров и последующего выхода долгоживущих радионуклидов в морскую воду, обследования состояния потенциально опасных подводных объектов, существующих на дне Карского моря, мониторинга состояния сброшенных радиоактивных отходов и их воздействия на окружающую среду.

К примеру, подлодка К-159 затонула аварийно в районе оживленного судоходства, ее реактор законсервировать не успели. Другой пример: содержание затопленных контейнеров с отходами с ядерной установки ледокола «Ленин» не соответствует экологически безопасным нормам [2, с. 40].

Из этого следует, что необходимо проводить международные исследования, учитывая, что соседние государства могут оказаться затронутыми воздействием захороненных в море радиоактивных отходов на морскую окружающую среду [6, р. 66]. Для должного исследования вопроса необходимо увеличение значения международных морских экспедиций с комплексными инженерно-экологическими исследованиями затонувших или затопленных объектов [1] и оценки степени загрязнения окружающей среды.

7. Международно-правовые основы регулирования дампинга радиоактивных отходов в Карском и Баренцевом морях.

Международное право содержит запрет на дампинг радиоактивных веществ в море [6, р. 57], хотя до 1972 г. не имелось международных соглашений, регламентирующих сброс радиоактивных веществ в море. Принятая в 1972 году Международной конференцией в Лондоне конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 15 декабря 1975 г. С 1976 г. эта Конвенция стала распространяться на российскую часть Арктики с запретом затопливать отработавшее ядерное топливо и ограничивать сброс низко- и среднеактивных отходов с судов.

Если Лондонскую конвенцию Россия подписала, то Протокол 1996 г. к Лондонской конвенции с полным запретом сброса в море всех отходов и материалов не подписала.

СССР долго не хотел соблюдать добровольный мораторий на дампинг радиоактивных отходов на море [6, р. 61]. Несмотря на подписание Лондонской конвенции СССР продолжил захоронение высокорadioактивных отходов в арктической зоне без уведомления международных органов. При этом ни один из районов сброса не соответствовал требованиям безопасного захоронения [4, с. 6].

Ни одним из международных соглашений, национальных норм и правил не предусмотрена реабилитация морских акваторий и не сформулированы предъявляемые к ней требования. Однако в случае расширенного толкования основных положений этих документов не исключается возможность частичной реализации подобной процедуры по взаимной договоренности заинтересованных сторон.

Общая обязанность охраны морской природной среды содержится в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Защите и сохранению морской среды посвящена часть XII Конвенции 1982 г. В соответствии со ст. 192 на государства наложено общее обязательство защищать и сохранять морскую среду. Ст. 194 содержит в п. 1 обязанность государств в соответствии со своими возможностями предпринять все меры, которые необходимы для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любого источника. Кроме того, п. 2 ст. 194 говорит о том, что государства должны принимать все меры, необходимые для обеспечения того, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем осуществлялась таким образом, чтобы она не причиняла ущерба другим государствам и их морской среде путем загрязнения и чтобы загрязнение, являющееся результатом инцидентов или деятельности под их юрисдикцией или контролем, не распространялось за пределы района, где они осуществляют суверенные права в соответствии с настоящей Конвенцией. Эти обязанности распространяются и на случаи выброса вредных веществ, загрязнения с судов и аварий в морской среде. Более того, в соответствии со ст. 195 на государства налагается обязанность не переносить ущерб или опасность загрязнения прямо или косвенно из одного района в другой.

Таким образом, отсутствие международных соглашений до 1972 г. не может означать отсутствие со стороны СССР/России ответственности за продолжавшееся вплоть до 1991 г. затопление радиоактивных отходов атомного флота в Арктическом регионе. Государства не должны забывать о своей обязанности реагировать на возникающее загрязнение радиоактивными веществами или угрозой такового [1]. Становится оче-

видной и необходимость принятия арктическими государствами юридически обязательного соглашения о сотрудничестве в международных научных исследованиях, что потенциально важно для мониторинга и оценки рисков, возникающих из-за захоронения в море радиоактивных отходов с проведением комплексных экспедиций в арктическое море.

Выводы

Поскольку точного количества и местонахождения сделанных захоронений опасных подводных радиоактивных объектов не известно, необходимо проведение тщательных и подробных исследований. Радиоактивные могильники в Карском море не убраны, и опасность остается. Необходимо провести тщательное обследование всех потенциальных мест радиоактивных захоронений, определить их точное местонахождение и состояние для окружающей среды. Для этих целей требуется принять региональное соглашение о сотрудничестве в международных научных исследованиях о порядке мониторинга за захоронениями в море радиоактивных отходов и проведения комплексных экспедиций в арктическое море.

Необходимость заниматься радиационными захоронениями вызывается активизацией деятельности человека в результате глобального потепления, в частности разработкой месторождений углеводородного сырья. Опасения вызывает нанесение ущерба окружающей среде, в особенности такой ранимой экосистеме как Арктика. Населению северных районов необходима экологически чистая природная среда Арктики для обеспечения здоровья людей и, в некоторых случаях, экономического жизнеобеспечения, что делает актуальным такое направление международного сотрудничества как безопасность обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами.

Самостоятельно справиться с проблемой утилизации отходов от АПЛ, доставшихся в наследство от СССР, Россия сейчас не в состоянии. Нашим потомкам предстоит подъем затонувших или затопленных АПЛ, контейнеров с радиоактивными отходами, их утилизация.

Литература

1. Митько А.В. Экологические проблемы безопасности твердых отходов в Арктическом регионе // Экологические проблемы безопасности твердых отходов в Арктическом регионе // Neftegaz.RU. 2018. № 9. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/ekologiya/654672-ekologicheskie-problemy-bezopasnosti-tverdykh-otkhodov-v-arkticheskom-regione/> 14 декабря 2020 (дата обращения: 02 декабря 2021 г.)
2. Никитин А.И. Натурные исследования последствий сброса и захоронения радиоактивных отходов в моря Северного и Дальневосточного регионов Российской Федерации: автореф.т дис. ... докт. геогр. наук. Обнинск, 2009. 50 с.
3. Чередниченко А. Так умирают ледоколы // Санкт-Петербургские ведомости. № 167 (6520). 09.09.2019.
4. Шишкин В.А., Мазокин В.А., Гонцарюк Н.И., Пименов А.О. Вывод из эксплуатации и утилизация надводных кораблей с ядерными энергетическими установками и судов атомного технологического обслуживания. Основные задачи и проблемы // Международное агентство по атомной энергии. Официальный веб-сайт. URL: https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/51/038/51038756.pdf (дата обращения: 04 ноября 2021 г.)
5. Bellona (изд.) Захоронение РАО и ОЯТ в морях // Bellona. Официальный веб-сайт. 30 августа 2002 г. URL: <https://bellona.ru/2002/08/30/zahoronenie-rao-i-oyat-v-moryah/> (дата обращения: 04 ноября 2021 г.)
6. Lott A. Pollution of the Marine Environment by Dumping: Legal Framework Applicable to Dumped Chemical Weapons and Nuclear Waste in the Arctic Ocean // Nordic Environmental Law Journal. 2015. № 1. P. 57 – 69.
7. The Barents Observer (изд.) Russia to Lift Radioactive Time Bombs From Ocean Floor in 2030 // The Barents Observer. 4 октября 2021 г. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/nuclear-safety/2021/11/europe-offers-pay-russia-raise-sunken-nuclear-subs> (дата обращения: 02 декабря 2021 г.)

References

1. Mit'ko A.V. Ekologicheskie problemy bezopasnosti tverdykh othodov v Arkticheskom regione Ekologicheskie problemy bezopasnosti tverdykh othodov v Arkticheskom regione. Neftegaz.RU. 2018. № 9. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/ekologiya/654672-ekologicheskie-problemy-bezopasnosti-tverdykh-otkhodov-v-arkticheskom-regione/> 14 dekabrya 2020 (data obrashcheniya: 02 dekabrya 2021 g.)
2. Nikitin A.I. Naturnye issledovaniya posledstvij sbrosa i zahoroneniya radioaktivnykh othodov v morya Severnogo i Dal'nevostochnogo regionov Rossijskoj Federacii: avtoref.t dis. ... dokt. geogr. nauk. Obninsk, 2009. 50 s.
3. CHerednichenko A. Tak umirayut ledokoly. Sankt-Peterburgskie vedomosti. № 167 (6520). 09.09.2019.

4. SHishkin V.A., Mazokin V.A., Goncaryuk N.I., Pimenov A.O. Vyvod iz ekspluatacii i utilizaciya nadvodnyh korablej s yadernymi energeticheskimi ustanovkami i sudov atomnogo tekhnologiče-skogo obsluzhivaniya. Osnovnye zadachi i problem. Mezhdunarodnoe agentstvo po atomnoj energii. Oficial'nyj veb-sajt. URL: https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/51/038/51038756.pdf (data obrashcheniya: 04 noyabrya 2021 g.)

5. Bellona (izd.) Zahoronenie RAO i OYAT v moryah. Bellona. Oficial'nyj veb-sajt. 30 avgusta 2002 g. URL: <https://bellona.ru/2002/08/30/zahoronenie-rao-i-oyat-v-moryah/> (data obrashcheniya: 04 noyabrya 2021 g.)

6. Lott A. Pollution of the Marine Environment by Dumping: Legal Framework Applicable to Dumped Chemical Weapons and Nuclear Waste in the Arctic Ocean. Nordic Environmental Law Journal. 2015. № 1. P. 57 – 69.

7. The Barents Observer (izd.) Russia to Lift Radioactive Time Bombs From Ocean Floor in 2030. The Barents Observer. 4 oktyabrya 2021 g. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/nuclear-safety/2021/11/euro>

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЛОГОВЫМ
ОРГАНОМ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД В РФ**

**Сидоров Ю.В., кандидат юридических наук, доцент,
Бочков П.В., кандидат экономических наук, доцент,
Блинова Е.А.,
Уральский институт управления
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации**

***Аннотация:** налоги стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. В статье рассматриваются основные направления, проблемы, видения на будущее налоговой политики в России, а также состояние на сегодняшний день. Представлены пути развития и усовершенствования налоговых проверок. Актуальность темы обусловлена в необходимости совершенствования организации выездных налоговых проверок в Российской Федерации, выявлении недостатков существующей системы и их устранении. Для успешного проведения налоговой политики государства необходима система организационных мероприятий, в которой одной из главных составляющих выступал бы налоговый контроль. Предметом работы выступают правовые особенности деятельности налогового органа при проведении выездных налоговых проверок налогоплательщиков. Цель работы – предложить мероприятия по совершенствованию правового проведения предпроверочного анализа с целью повышения результативности выездной налоговой проверки, составить анализ, путем обобщения действующей практики налогового контроля, разработка практических рекомендаций по совершенствованию выездных налоговых проверок. Практическая значимость результатов исследования обусловлена необходимостью разработки правовых рекомендаций с учетом особенностей выездных налоговых проверок, благодаря разрешению выявленных проблем и оценке возможного практического эффекта от реализации предложенных мер.*

***Ключевые слова:** налоги, COVID-19, налоговая политика, мораторий, Российская Федерация, постпандемия*

**ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF TAX POLICY BY
THE TAX AUTHORITY IN THE POST-PANDEMIC
PERIOD IN THE RUSSIAN FEDERATION**

**Sidorov Yu.V., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bochkov P.V., Candidate of Economic
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Blinova E.A.,
Ural Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Administration**

***Abstract:** taxes have become an integral part of our daily life. The article discusses the main directions, problems, visions for the future of tax policy in Russia, as well as the current state. The ways of development and improvement of tax audits are presented. The relevance of the topic is due to the need to improve the organization of on-site tax audits in the Russian Federation, identify the shortcomings of the existing system and eliminate them. For the successful implementation of the state's tax policy, a system of organizational measures is needed, in which tax control would be one of the main components. The subject of the work is the legal features of the tax authority's activities during on-site tax audits of taxpayers. The purpose of the work is to propose measures to improve the legal conduct of pre-verification analysis in order to increase the effectiveness of on-site tax audits, to compile an analysis by summarizing the current practice of tax control, to develop practical recommendations for improving on-site tax audits. The practical significance of the research results is due to the need to develop legal recommendations taking into account the specifics of on-site tax audits, due to the resolution of the identified problems and the assessment of the possible practical effect of the implementation of the proposed measures.*

***Keywords:** taxes, COVID-19, tax policy, moratorium, Russian Federation, post-pandemic*

Распространение коронавирусной инфекции внесло коррективы во все сферы нашей жизни. Изменения коснулись и сферы налогообложения. В данный период, в середине 2021 г. действуют значительные поправки в налоговом законодательстве Российской Федерации. Рассмотрим, какие изменения были внесены в систему налоговых проверок, их проблемы на сегодняшний день, промежуточные итоги, а также пути совершенствования, как для страны, так и для предпринимателей в целом.

Правительство на 2021 г. освободило малый бизнес от визитов представителей Федеральной налоговой службы, благодаря Постановлению Правительства РФ №30.11.2020 N 1969 «Об особенностях формирования ежегодных планов проведения выездных налоговых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2021 год, проведения проверок в 2021 году и внесении изменений в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения выездных налоговых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Есть исключение: полное освобождение только у НКО, не превышающих 200 человек сотрудников, а вот для МСП мораторий действует избирательно.

Рассмотрим формы проверок, применяемые с 1 июля 2021 года:

1. Дистанционный контроль. Проводится удаленно, с помощью аудио или видеосвязи. Ограничение срока – не более 10 рабочих дней.

2. Ограничение срока – не может превышать 10 рабочих дней.

3. Экспресс-проверка – продолжительность визита не должен превышать один рабочий день.

Рейтинг характеристик выездных проверок следует отметить с их численности.

Рис. 1. Анализ динамики выездных налоговых проверок в период за 2019-2021 гг.

На основании выше выделенного, проанализируем, тенденцию к снижению количества проводимых выездных налоговых проверок. Взяв за основу календарный год, как рассматриваемый период 2019-2021 годы, пришли к выводу, что снижение прослеживается три раза. За 2019 год было совершено 14200 выездных налоговых проверок, за 2020 год – 9334 ВВП, за 2021 год – 4017 ВВП.

Снижение количества проверок может еще говорить о снижении числа компаний, согласно данным реестра малого и среднего бизнеса.

Рис. 2. План деятельности Минфина РФ по сбору налогов на 2020-2024 гг.

Таблица 1

Сведения по выездным проверкам за 2020 год

Сводка по РФ в целом	Сводка по Свердловской области
В РФ за 2020 год проведено 4 017 выездных проверок, из них результативных – 3 878 проверок на общую сумму доначислений (налог, пени, штраф) 126,3 млрд. руб. (из них налогов – 87,7 млрд. руб.), или в среднем 32,6 млн.руб. (в т.ч. налогов – 22,6 млн. руб.) доначислений на 1 проверку.	Проведено 2,1 млн камеральных налоговых проверок. Начислено платежей в сумме 1 458,8 млн рублей. Выездные налоговые проверки – количество 171 налогоплательщиков дополнительно начислено платежей в сумме 2 049,0 млн рублей. Уровень результативности выездных налоговых проверок налогоплательщиков составил 97,4%.

Из приведенного выше, отметим: количество проверок будет постепенно расти.

За период двух пандемийных лет, предприниматели отметили(исходя из опроса) три основных риска для развития бизнеса:

- возрастает налоговая нагрузка
- рост очередных санкций
- весьма жесткий контроль за операциями бизнеса со стороны государства.

Остановимся подробнее на причинах для начала внеплановой проверки:

- замудренность налоговой базы;
- низкий объем налоговых отчислений;
- присутствие колоссального различия в налоговых отчетах за прошлый и текущий периоды;
- доказательную база кардинально отличается по контрагентам (цифры);
- допускаются нарушения по срокам подачи деклараций в бюджет.

Подводя итог вышесказанной работе: сформулированы правовые особенности деятельности налогового органа при проведении налоговых проверок налогоплательщиков за период пандемии.

На сегодняшний момент, при нынешних экономических реалиях(как в пандемийный и постпандемийный периоды), налоги являются основным инструментом формирования государственного бюджета, равно порождению необходимости четкой нормативно-правовой регламентации порядка проведения контрольной деятельности федеральных налоговых органов, повышению уровня доверия граждан к финансовой политике государства.

Налоговая проверка – является формой контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов налогоплательщиками, плательщиками сборов и налоговыми агентами, проводимая специально уполномоченными государственными органами.

Главнейшим, фактором повышения эффективности контрольной работы является совершенствование действующих процедур проведения налоговых проверок. **Приоритетными признаками результативной системы налогового контроля служат:**

1. наличие эффективной системы отбора налогоплательщиков;
2. применение действенных форм, приемов и методов налоговых проверок.

Анализируя вышеперечисленное в статье выделим: данные собираемости налогов должны быть четко и развернуто изложено методик налогообложения, технической оснащенности налоговых инспекций, квалификации их работников, а также от уровня правовой грамотности граждан и организаций.

В заключении, наконец, в последнюю очередь учтем необходимость модернизации, данная мера является эффективным механизмом достижения финансовой стабильности бюджета государства, нуждается в каждодневных доработках, и является способом повысить уровень доверия граждан и стабильность поступления налоговых платежей.

Литература

1. Акчурина Е.В. Оптимизация налогообложения: учебно-практическое пособие. М.: ОСЬ-89, 2017. 375 с.
2. Болатаева А.А. Налоговая система РФ: актуальные проблемы и пути совершенствования современной налоговой системы // Научные Известия. 2019. № 6. С. 41 – 45.
3. Гасиева З.П., Гюева Е.Г. Проблемы и перспективы развития налоговой системы РФ на современном этапе // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2018. № 2. С. 17 – 23.
4. Григорян Г.С. Роль налоговой отчетности в оптимизации налогового контроля и повышении его эффективности // Проблемы и перспективы развития экспериментальной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 5 ч. 2018. С. 125 – 127.
5. Мухина Е.Р. Теоретические аспекты налогообложения: история, понятия, функции, принципы // Apriori. Гуманитарные науки. 2020. № 5.
6. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.nalog.ru/rn23/> (дата обращения: 29.08.2021)
7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации по Свердловской области [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/activities_fts/10516953/ (дата обращения: 29.08.2021)
8. Постановление Правительства РФ от 30.11.2020 N 1969 «Об особенностях формирования ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2021 год, проведения проверок в 2021 году и внесении изменений в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс] – Доступ из системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369317/#dst100005 (дата обращения: 29.08.2021)
9. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 248-ФЗ [Электронный ресурс] – Доступ из системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 29.08.2021)

References

1. Akchurina E.V. Optimizaciya nalogooblozheniya: uchebno-prakticheskoe posobie. M.: OS'-89, 2017. 375 s.
2. Bolataeva A.A. Nalogovaya sistema RF: aktual'nye problemy i puti sovershenstvovaniya sovremennoj nalogovoj sistemy. Nauchnye Izvestiya. 2019. № 6. S. 41 – 45.
3. Gasieva Z.P., Gueva E.G. Problemy i perspektivy razvitiya nalogovoj sistemy RF na sovremennom etape. Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. 2018. № 2. S. 17 – 23.
4. Grigoryan G.S. Rol' nalogovoj otchetnosti v optimizacii nalogovogo kontrolya i povyshenii ego effektivnosti. Problemy i perspektivy razvitiya eksperimental'noj nauki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 5 ch. 2018. S. 125 – 127.
5. Muhina E.R. Teoreticheskie aspekty nalogooblozheniya: istoriya, ponyatiya, funkcii, principy. Apriori. Gumanitarnye nauki. 2020. № 5.
6. Oficial'nyj sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: <http://www.nalog.ru/rn23/> (data obrashcheniya: 29.08.2021)

7. Oficial'nyj sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossijskoj Federacii po Sverdlovskoj oblasti [Elektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/activities_fts/10516953/ (data obrashcheniya: 29.08.2021)

8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.11.2020 N 1969 «Ob osobennostyah formirovaniya ezhegodnyh planov provedeniya planovyh proverok yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej na 2021 god, provedeniya proverok v 2021 godu i vnesenii izmenenij v punkt 7 Pravil podgotovki organami gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i organami municipal'nogo kontrolya ezhegodnyh planov provedeniya planovyh proverok yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej» [Elektronnyj resurs] – Dostup iz sistemy «Konsul'tantPlyus». Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369317/#dst100005 (data obrashcheniya: 29.08.2021)

9. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» ot 31.07.2020 N 248-FZ [Elektronnyj resurs] – Dostup iz sistemy «Konsul'tantPlyus». Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/(data obrashcheniya: 29.08.2021)

ПОНЯТИЯ «ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ» И «ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ»

Дустов Д.В.,
Джураева М.Х.,

Российский университет дружбы народов

Аннотация: в современном мире и по сей день проблема отмены или применения смертной казни стоит весьма остро. Идут дискуссии, до сих пор, по поводу проблем, касающихся отмены смертной казни. Возникают споры о том, нарушает ли данная мера наказания права человека или же удерживает уровень преступности. Мы знаем, что любой человек – это биосоциальное существо, взгляды на жизнь, принципы и интересы которого формируются под влиянием общества, в котором живет человек. Получается, что социум причастен к тому, что человек может переступить грани и стать преступником, но как наказать того, кто нарушил закон, при этом, сохранить его права, закрепленные в Конституции. В связи с чем, неоднозначно решенный остается вопрос для современных демократических государств: сохранить или отменить смертную казнь. Поэтому актуальность данного вопроса остается неизменной.

Ключевые слова: смертная казнь, исключительная мера наказания, высшая мера наказания, смертная казнь в России, тенденции применения смертной казни, мораторий на смертную казнь

THE CONCEPTS OF "HUMAN RIGHT TO LIFE" AND "INSTITUTION OF THE DEATH PENALTY"

Dustov D.V.,
Dzhuraeva M.Kh.,
Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: in the modern world to this day, the problem of the abolition or application of the death penalty is very acute. Discussions are still going on about the problems concerning the abolition of the death penalty. There are disputes about whether this measure of punishment violates human rights or keeps the crime rate down. We know that any person is a biosocial being, whose views on life, principles and interests are formed under the influence of the society in which a person lives. It turns out that society is involved in the fact that a person can cross the line and become a criminal, but how to punish someone who violated the law, while preserving his rights enshrined in the Constitution. In this connection, the question remains ambiguously resolved for modern democratic states: to preserve or abolish the death penalty. Therefore, the relevance of this issue remains unchanged.

Keywords: capital punishment, exceptional punishment, capital punishment, the death penalty in Russia, trends in the use of the death penalty, moratorium on the death penalty

Право на жизнь является естественным и фундаментальным правом человека. В первоочерёдном порядке оно нашло отражение в актах международного значения, которые позволили уяснить его сущность.

Так Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в ст. 3 определяет: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность» [1], что позволяет сделать вывод о том, что данные права взаимосвязаны друг с другом, так как провозглашают ценность человеческой личности.

Более подробно право на жизнь регламентировано в ч. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишён жизни» [2]. По мнению Кальченко Н.В., указание на неотъемлемость основного права человека уточняет и подчёркивает его суть, а также «безусловно усиливает и психологическое восприятие этого права, и юридическое обязательство по его соблюдению» [3].

Однако самую широкую трактовку право на жизнь получило в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Так ч. 1 ст. 2 предусматривает: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишён жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание» [4].

Благодаря международному признанию права на жизнь, оно получило регламентацию в качестве субъективного права в конституциях практически всех государств, что является разумным объяснением именовать данное право «конституционным», а равно основополагающим правом человека.

В российской юридической науке нет однозначного понимания того, что является содержанием права на жизнь, а равно отсутствует и единое мнение относительно самого понятия данного конституционного пра-

ва, ведь, как и любое другое определение, оно выводится благодаря признакам и элементам, составляющих его содержание.

Рассмотрим и проанализируем несколько точек зрения, а также обозначим авторское понятие права на жизнь, выведенное исходя из наиболее удачных на наш взгляд научных позиций. Г.Б. Романовский придерживается традиционного подхода к пониманию содержания субъективного права. В своей работе он раскрывает его составные правомочия применительно к праву на жизнь [5].

Так право-поведение следует рассматривать, как любую деятельность гражданина, направленную на нормальное обеспечение своей жизнедеятельности. Однако, стоит отметить, что человек не просто биологическое существо, а существо социальное. Поэтому здесь речь идёт не только об удовлетворении материальных потребностей, выраженных достойным уровнем жизни, включая питание, одежду, жилище и др., но и потребностей духовных, заключающихся в занятии физическим трудом, промыслом, образованием и т.д.

Право-требование представляет собой право одного субъекта требовать совершения действий определённого характера от другого субъекта, обязанной стороны, либо, наоборот, требовать воздержаться от их совершения (в частности, не причинять вред жизни и здоровью другому лицу).

Право-притязание заключается в получении доступа к защите своего нарушенного права, путём обращения в правоохранительные органы.

Право-пользование представляет собой право воспользоваться определённым благом социального характера, а также действовать свободно, соблюдая границы, определённые правовыми предписаниями. То есть право-пользование есть не что иное, как социальное назначение права на жизнь. Р.А. Мюллерсон, советский и эстонский правовед, исходит из широкого понимания данного конституционного права и включает в его содержание: сохранение мира и безопасности; уменьшение случаев детской смертности, а равно увеличение продолжительности человеческой жизни; своевременное пресечение убийств и снижение их количества, предотвращение исчезновений людей [6].

Однако, на наш взгляд, такое понимание права на жизнь не выражает сущности самого права, а лишь определяет направления государственной политики по его сохранности и защите.

В.М. Танаев «конструирует» право на жизнь из трёх правомочий: собственно, право на жизнь, право на риск и право на прекращение жизни (право на смерть). Стоит отметить, первое правомочие – право на жизнь слишком обширно и не может выступать в качестве составной части самого же себя [7].

Право на риск представляет собой право на распоряжение своей жизнью и выражается в возможности подвергнуть её опасному состоянию.

Право на смерть, в свою очередь, оспаривается нами, поскольку нельзя рассматривать данное право в качестве субъективного и порождающего обязанности со стороны государства.

Аналогично Н.В. Кальченко «складывает» право на жизнь из трёх элементов, но уже других по своему содержанию: правомочия на неприкосновенность жизни, на распоряжение жизнью и по спасению жизни. Такая позиция разумно объяснима [8].

Так первый элемент, как мы уже выяснили ранее, находит отражение в диспозиции правовых норм международных актов и конституций большинства европейских стран.

Второй элемент означает случаи, когда личность ставит свою жизнь в опасное положение, например, в силу своей профессии, которая предполагает наличие риска для жизни (лётчики-испытатели, каскадёры). Автор отмечает, что правовой регламентации не подлежат некоторые формы реализации права на распоряжение своей жизнью в силу объективной невозможности (например, при самоубийстве). Не всегда лицо идёт на риск, в некоторых случаях право на распоряжение своей жизнью передаётся воле других, либо и вовсе осуществляется безвольно (ситуации стихийных бедствий, а также исполнение конституционных обязанностей гражданами Российской Федерации – прохождение срочной военной службы). В то же время, для лиц, которые выбирают контрактную военную службу, такой выбор профессии будет волевым и добровольным.

Третий элемент проявляется в тех ситуациях, когда болезнь, несчастный случай, преступное посягательство угрожают жизни человека, а устранить угрозу самостоятельно не представляется возможным, в результате чего лицо вправе (даже вынуждено) обратиться за помощью в государственные органы, представленными в лице их сотрудников, для сохранения своей жизни (работники медицинских организаций, должностные лица правоохранительных органов) [9].

Таким образом, резюмируя приведённые выше позиции, целесообразно представить право на жизнь в качестве сложносоставной юридической категории и обозначить два значения основополагающего права человека:

1) Право на жизнь в объективном смысле – это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся между человеком как биосоциальным существом с одной стороны и

государством с другой в процессе осуществления первым системы прав, гарантирующих право на жизнь: права на охрану здоровья и медицинскую помощь, на благоприятную окружающую среду, на достойный жизненный уровень, на безопасный труд и др., которые, в свою очередь, обеспечиваются вторым субъектом путём реализации им механизма защиты и осуществления государственной политики в соответствующих областях. Иными словами, право на жизнь в объективном смысле – это государственно-правовой институт.

2) Право на жизнь в субъективном смысле – это неотъемлемое и естественное право человека, которое выражается прежде всего в неприкосновенности жизни и запрете на её произвольное лишение, гарантированное положениями национального законодательства и нормами международного права (абсолютное право на жизнь), либо, в оговорённых законодательством случаях, допускающее лишение жизни (относительное право на жизнь), а также выражающееся в возможности человека распоряжаться своей жизнью (а в некоторых случаях не исключается возможность распоряжения жизнью без воли её обладателя) и требовать её соблюдения и сохранности от других лиц, в том числе путём обращения за защитой в государственные органы.

Чтобы изучить институт смертной казни, необходимо рассмотреть признаки данного вида уголовно-правового наказания:

1. Смертная казнь является мерой наказания, так как ей присущи черты, характеризующие именно эту меру государственного принуждения. Сущность любого наказания – кара. Профессор Н.А. Стручков определяет «кару» как «комплекс установленных законом правоограничений, конкретно выражающихся при применении того или иного наказания» [10]. В смертной казни «кара» выражается в наибольшей степени, ведь у осужденного отбирается самое ценное – жизнь.

2. Данный вид уголовного наказания вызывает страдания. Из-за биологического страха смерти осужденный испытывает страдания в момент оглашения ему приговора, ожидания итогов апелляции, ходатайства о помиловании и исполнения приговор. У многих осужденных всё это совмещается с осмыслением безнадежности своего положения, иногда с угрызениями совести, осознанием вины и т.д. Эти страдания прекращаются именно самой смертной казнью [10].

3. Задачи смертной казни не исправить осужденного или убедить в чем-либо, но вычеркнуть преступника из членов общества, обезопасить его. Данная мера наказания обладает такой целью, как достижение частной превенции, то есть не допустить совершения новых тяжких преступлений осужденным.

4. Как и всякое наказание, смертная казнь, являясь мерой государственного принуждения, применяется независимо от желания осужденного и, как правило, вопреки ему.

5. Любой приговор выносится и исполняется «именем Российской Федерации», именно поэтому самосуд не является смертной казнью, так же как суицид и убийство при обороне или задержании [11].

6. Исполнение смертной казни только по приговору суда. Обвиняемый согласно ст. 20 Конституции РФ имеет право на рассмотрение его дела судом присяжных. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 65 УК РФ к лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающему снисхождения, смертная казнь не применяется.

7. Назначается смертная казнь только за преступление, т.е. за деяние, предусмотренное в Уголовном кодексе [12]. Конституция указывает, что рассматриваемое наказание может устанавливаться только за особо тяжкие преступления против жизни.

8. Назначаться смертная казнь только лицу, признанному виновным в совершении преступления, при этом именно умышленного преступления. Это утверждение исходит из ч. 5 ст. 15 УК РФ.

9. Смертная казнь, согласно Конституции Российской Федерации, может применяться «впредь до ее отмены». Это дает основание утверждать то, что данное наказание в нашем законодательстве – временная мера.

10. Назначается смертная казнь достаточно редко, а ее применение широко ограничивается институтом помилования.

11. Статья 59 УК РФ называет смертную казнь исключительной мерой наказания, что обусловлено совокупностью всех вышеперечисленных признаков.

Таким образом, смертная казнь представляет собой особенный институт уголовного права. Это обуславливается редкостью ее применения, ограниченностью применения помилованием осужденного, в настоящее время она является временной мерой наказания и рядом других особенностей. Касательно видов смертной казни можно изложить следующее.

Первый способ классификации – по способу осуществления. В своем развитии смертная казнь перешла от более жестоких ее видов, когда приговоренный мучился в агонии публично (например, сожжение заживо, посадение на кол, сварение в кипятке и т.д.) до более гуманных способов ее применения.

В современном мире применяются такие способы смертной казни как расстрел, повешение, смертельная инъекция, электрический стул, обезглавливание, газовая камера. Также стоит отметить, что существует деление смертной казни на неквалифицированную (один способ ее осуществления за все преступления) и квалифицированную (определенный способ ее осуществления за определенные преступления). Например, в США. Основной метод – смертельная инъекция, другие – электрический стул, газ, расстрел и повешение – могут использоваться только по просьбе заключенных и при определенных условиях. В Саудовской Аравии используется более «варварский» способ – обезглавливание. Зачастую тела вывешивают на всеобщее обозрение, сами казни бывают публичные [13].

Следовательно, можно утверждать о том, что разновидность смертной казни в наше время объясняется историческими особенностями развития и традициями государств.

Смертная казнь – это самое суровое наказание, которое известно уголовному праву. Законодательство именуется казнь как исключительную меру. Исключительность смертной казни как меры наказания проявляется в крайне исключительном ее применении.

Если санкция статьи предусматривает смертную казнь, эта мера дается в альтернативе с лишением свободы на определенный срок и с пожизненным лишением свободы. Смертная казнь назначалась только в исключительных случаях лишь тогда, когда ее применение обусловлено особыми обстоятельствами, отягчающими ответственность, и исключительной опасностью виновного лица [14].

При изучении нормативно-правового регулирования института смертной казни в РФ необходимо обратить внимание на институты помилования и смягчения наказания. Смягчение или замена наказания – это процедура, при которой смертный приговор заменяется на менее тяжкое наказание, например, тюремное заключение, часто судебными органами по апелляции, но иногда также и исполнительной властью. Помилование – это полное освобождение осужденного от дальнейшего наказания [15].

Таким образом, смертная казнь назначается за особо тяжкие преступления, при этом существует ограничение лиц, к которым она может быть применима. Существование института помилования позволяет сократить вероятность судебной ошибки при назначении наказания виновному. По нашему мнению, исполнение смертной казни в форме расстрела с присутствием специалистов обуславливает ее гуманный характер по отношению к другим ее видам (например, повешение, избивание камнями и пр.).

Для проблемных вопросов смертной казни специфичны международно-правовые, экономические, юридические, социальные, культурные и другие аспекты, но в последнее время принятие или отказ от этой меры наказания связывался с политической целесообразностью. При этом общество – за смертную казнь, – воспринимая её как вынужденную и высшую меру общественной защиты. Действие моратория на смертную казнь вызывает массу вопросов, порождает неоднозначную оценку гражданского общества в России, а невообразимые по своей бессердечности и жестокости преступления вызывают яростный общественный резонанс с требованиями использовать смертную казнь как высшую меру наказания [15].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что смертная казнь не назначается по принципу «око за око», ее применение не представляет собой массовую ликвидацию убийц. Данный институт необходим в силу существования особо опасных лиц, неспособных к исправлению. Существование подобных девиантов подвергает опасности общество, а их неэффективное, а порой и способствующее более глубокой асоциализации, исправление в местах лишения свободы создает условия для дальнейших преступлений. Из этого следует, что смертная казнь способствует достижению цели частной превенции, но при этом особенностью смертной казни является то, что она не способствует исправлению виновного.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 05.02.2020)
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, М., 1978 г. Вып. XXXII. С. 44.
3. Кальченко Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 105.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 18 мая 1998 г., N 20, ст. 2143
5. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. СПб: Изд-во "Юридический центр Пресс". 2018. С. 116.

6. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 2001. С. 74.
7. Танаев В.М. Право на смерть // Вестник Гуманитарного Университета. Сер.: Право. Екатеринбург, 2015. № 1. С. 39.
8. Кальченко Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 30.
9. Кальченко Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 32.
10. Веселов А.Е. Пути решения проблемы наказания в виде смертной казни в России // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 90.
11. Вольфсон Э.Н., Загара С.С. Институт смертной казни в контексте государственного управления: проблемы и дискуссии // Шестой сборник научных статей. Кемерово, 2020. С. 163.
12. Саидов Л.М. Смертная казнь и ее место в современном мире // Сборник статей по материалам XXXII международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 111.
13. Тарыкин В.К., Атанов Р., Мельникова А. Особенности уголовного наказания в борьбе с преступностью // В сборнике: Будущее науки – 2019 сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции. 2019. С. 173.
14. Хоружий В.В. Смертная казнь как вид наказания в России и в мире // Научно-практические исследования. 2020. № 2-1 (25). С. 72.
15. Черненко Е.В. Противоречия исследований эффективности смертной казни // Научно-практические исследования. 2020. № 1-2 (24). С. 162.

References

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON rezolyuciej 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 g.). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru> (data obrashcheniya: 05.02.2020)
2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (N'yu-Jork, 16 dekabrya 1966 g.). Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami, M., 1978 g. Vyp. XXXII. S. 44.
3. Kal'chenko N.V. Pravo cheloveka i grazhdanina na zhizn' i ego garantii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2015. S. 105.
4. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS N 005 (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) (s izm. i dop. ot 21 sentyabrya 1970 g., 20 dekabrya 1971 g., 1 yanvary 1990 g., 6 noyabrya 1990 g., 11 maya 1994 g.). Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 18 maya 1998 g., N 20, st. 2143
5. Romanovskij G.B. Gnoseologiya prava na zhizn'. SPb: Izd-vo "YUridicheskij centr Press". 2018. S. 116.
6. Myullerson P.A. Prava cheloveka: idei, normy, real'nost'. M.: YUrid. lit., 2001. S. 74.
7. Tanaev V.M. Pravo na smert'. Vestnik Gumanitarnogo Universiteta. Ser.: Pravo. Ekaterinburg, 2015. № 1. S. 39.
8. Kal'chenko N.V. Pravo cheloveka i grazhdanina na zhizn' i ego garantii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2015. S. 30.
9. Kal'chenko N.V. Pravo cheloveka i grazhdanina na zhizn' i ego garantii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2015. S. 32.
10. Veselov A.E. Puti resheniya problemy nakazaniya v vide smertnoj kazni v Rossii. Molodoj uchenyj. 2020. № 2 (292). S. 90.
11. Vol'fson E.N., Zagara S.S. Institut smertnoj kazni v kontekste gosudarstvennogo upravleniya: problemy i diskussii. SHestoj sbornik nauchnyh statej. Kemerovo, 2020. S. 163.
12. Saidov L.M. Smertnaya kazn' i ee mesto v sovremennom mire. Sbornik statej po materialam XXXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2020. S. 111.
13. Tarykin V.K., Atanov R., Mel'nikova A. Osobennosti ugovolnogo nakazaniya v bor'be s prestupnost'yu. V sbornike: Budushchee nauki – 2019 sbornik nauchnyh statej 7-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii. 2019. S. 173.
14. Horuzhij V.V. Smertnaya kazn' kak vid nakazaniya v Rossii i v mire. Nauchno-prakticheskie issledovaniya. 2020. № 2-1 (25). S. 72.
15. CHernenko E.V. Protivorechiya issledovanij effektivnosti smertnoj kazni. Nauchno-prakticheskie issledovaniya. 2020. № 1-2 (24). S. 162.

СОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА УСТРАНЕНИЮ НЕДОСТАТКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗОРГАНОВ

Машкова А.С., аспирант,
Московский городской педагогический университет

Аннотация: статья посвящена характеристике деятельности Государственного арбитража СССР в направлении борьбы с недостатками в работе хозяйственных организаций. Автором были рассмотрены такие формы борьбы с недостатками, как сигнализация, возбуждение дел по инициативе Госарбитража, наложение штрафных санкций на должностных лиц, обобщение материалов споров, пропаганда хозяйственного законодательства.

Госарбитраж содействовал повышению эффективности хозяйственной деятельности предприятий за счет ликвидации конфликтов, выявления нарушений и организации договорной кампании. В 1930-1960-е гг. Госарбитраж выявлял нарушения в деятельности предприятий в процессе разрешения споров, сигнализировал о них в вышестоящие инстанции, рекомендовал меры по их устранению. В 1970-е гг. одной из главных задач деятельности Госарбитража стало не только устранение нарушений, но и их предупреждение. В 1980-е гг. органы Государственного арбитража осуществляли деятельность по контролю за соблюдением государственной и договорной дисциплины и предупреждению правонарушений в экономической сфере.

Ключевые слова: государственный арбитраж, хозорганы, договорная кампания, плановая дисциплина, сигнализация, предупреждение нарушений законности

ASSISTANCE OF THE STATE ARBITRATION TO ELIMINATE SHORTCOMINGS IN THE ACTIVITIES OF ECONOMIC BODIES

Mashkova A.S., Postgraduate,
Moscow City Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to the characteristics of the activities of the State Arbitration of the USSR in the direction of combating shortcomings in the work of economic organizations. The author considered such forms of combating shortcomings as signaling, initiating cases on the initiative of the State Arbitration, imposing penalties on officials, summarizing the materials of disputes, and promoting economic legislation.

The State Arbitration helped to improve the efficiency of economic activities of enterprises by eliminating conflicts, identifying violations, and organizing a contractual campaign. In the 1930s-1960s. the State Arbitration identified violations in the activities of enterprises in the process of dispute resolution, signaled to higher authorities, and recommended measures to eliminate of violations. In the 1970s. one of the main tasks of the State Arbitration was not only the elimination of violations, but also their prevention. In the 1980s, the State Arbitration carried out activities to monitor compliance with state and contractual discipline and prevent offenses in the economic sphere.

Keywords: State Arbitration, economic bodies, contractual campaign, planned discipline, alarm system, prevention of violations of the law

Органы Государственного арбитража содействовали укреплению договорной, плановой дисциплины и революционной законности посредством разрешения имущественных споров и сигнализации о выявленных недостатках в хозяйственной деятельности предприятий [2]. Первоначально ведущим направлением деятельности Госарбитражей являлось именно разрешение споров. В случае выявления недостатков Госарбитраж ставил в известность руководителей предприятий, вышестоящие органы и в особых случаях – прокуратуру [2]. Сведения о недостатках заносились в протокол и направлялись вышеуказанным органам в виде письма. Указание на обнаруженные недостатки только в протоколе допускалось лишь в случаях выявления несущественных нарушений, при этом госарбитр не требовал ответов о принятых мерах. По мнению А. Белова, наиболее эффективными были сигнализации, составленные «на основе обобщения нарушений по нескольким делам с привлечением дополнительных данных и сведений, необходимых для безупречного обоснования выдвигаемого вопроса» [15, с. 22].

К формам сигнализации также относились совещания с хозяйственниками, на которых заслушивались доклады о выявленных недочетах, доклады разъездных госарбитров по колхозным делам [19], публикации госарбитров в печати.

В декабре 1931 г. органам Государственного арбитража было предоставлено право возбуждать дела по собственной инициативе в случаях «документального установления нарушений договоров» [3]. Главные госарбитры могли налагать на руководителей и главных бухгалтеров предприятий взыскания в пределах месячного оклада в случае выявления частых нарушений договорной дисциплины. Помимо осуществления контроля за устранением недостатков, органы Госарбитража следили за привлечением к ответственности должностных лиц. В случае бездействия прокурора госарбитры сообщали об этом вышестоящим органам прокуратуры и Госарбитража.

«Остро реагируя на недостатки в работе хозорганов, выявляемые в процессе рассмотрения споров, способствуя своими сообщениями устранению этих недостатков, арбитраж может и должен оказать существенную помощь в деле улучшения работы хозяйственных организаций» [14, с. 95], – отмечали В.Н. Можейко и З.И. Шкундин. Однако в конце 1930-х гг. работа Государственного арбитража в обозначенном направлении была признана неудовлетворительной. Из резолюции актива Госарбитража при СНК СССР [14, с. 124-125] следует, что Государственные арбитражи почти не направляли сообщения о выявленных нарушениях, а если направляли, то не требовали ответов и не контролировали процесс устранения нарушений. В 1938 г. местные органы Госарбитража направили «5700 сигнализаций. Более одной трети этих сигнализаций послано судебно-следственным органам» [13, с. 19]. Однако на них было получено только 25% ответов. Также Госарбитраж не ставил перед органами исполнительной власти вопросы о разработке комплекса мероприятий по устранению нарушений. Итак, в 1930-х гг. к проблемам организации сигнализационной работы относились недостаточное внимание направлению сообщений о выявленных нарушениях, неправильный выбор адресатов сообщений, слабое взаимодействие с прокуратурой и первичными партийными организациями предприятий, отсутствие контроля за устранением нарушений.

В послевоенные годы от Госарбитража требовалось систематически сигнализировать о выявленных недостатках, акцентировать внимание на нарушениях, препятствовавших выполнению народнохозяйственного плана. Руководители предприятий должны были сообщать о принятых мерах главным госарбитрам [14, с. 167-171]. Обобщенные материалы о выявленных недостатках Госарбитражи направляли органам исполнительной власти, о наиболее серьезных недостатках требовалось сообщать в печати. Обобщенные сигнализации направлялись в тех случаях, когда предприятие допускало ряд нарушений или когда один и тот же недочет присутствовал в деятельности нескольких хозорганов. Если материалы дела указывали на нарушение, однако не позволяли сформулировать предложения по его устранению, Госарбитраж был вправе запрашивать дополнительные материалы, объяснения должностных лиц и созывать совещания с участием представителей заинтересованных организаций. Также Госарбитражи должны были активно участвовать в организации кампании по заключению хозяйственных договоров и обобщать материалы договорной практики в целях совершенствования процедуры заключения и исполнения договоров [14, с. 126-129].

Однако по-прежнему сохранялись серьезные недостатки в организации борьбы с нарушениями. «Некоторые арбитры, уделяя все внимание разрешению имущественных споров, как бы не замечают отражающихся в материалах споров недостатков, увлекаясь решением юридических казусов, не обращают внимания на факты нарушения договоров, не сигнализируют о недочетах, нарушающих нормальную работу хозяйственных предприятий» [14, с. 92], – резюмировали В.Н. Можейко и З.И. Шкундин. Существенным недостатком оставался и недостаточный контроль за устранением нарушений.

В 1950 г. сигнализационная работа Госарбитража при Совмине РСФСР была признана слабой [20, л. 1]. Госарбитры несвоевременно направляли сообщения, не вносили предложения об устранении недостатков, не учитывали возражения руководителей предприятий, не обжаловали действия и бездействие должностных лиц. В 1952 г. Госарбитраж при Совмине РСФСР направил 554 сообщения министрам, руководителям центральных учреждений и начальникам главков по вопросам о нарушении договоров, финансовой дисциплины, выпуску недоброкачественной продукции, по вопросам о недостачах товаров и несвоевременном возврате тары [21, л. 76].

В 1959 г. Совет Министров СССР в очередной раз потребовал от органов Государственного арбитража усилить борьбу с недостатками в работе предприятий, сообщать о фактах невыполнения без уважительных причин планов и заданий по поставкам продукции органам исполнительной власти, а при неоднократных нарушениях – органам прокуратуры [4]. Также требовалось внедрить в практику работы рассмотрение дел, возникавших на почве срыва поставок и поставок недоброкачественной продукции, непосредственно на предприятиях [22, л. 31].

В 1960-х гг. «предприятия и организации ... стремились передать ... в арбитраж любой сложный или неудобный вопрос ... в надежде, что арбитраж разберётся, согласует интересы и примет какое-то удовлетворяющее всех решение» [16, с. 122]. Госарбитраж осуществлял полномочия посредством обобщения споров по одному предприятию и внесения предписаний об исправлении нарушений; рассмотрения вопросов

привлечения к ответственности лиц, виновных в невыполнении планов перевозок, в поставке некачественной продукции или же в недопоставке товара, в нарушении порядка расчётов [17, л. 154-155].

В 1963 г. Госарбитраж при Совмине РСФСР направил 912 сообщений о выявленных недостатках в деятельности хозорганов, на которые было получено 58,8% ответов [23, л. 1]. Осуществлялась работа и по обобщению материалов о выявленных недостатках. В 1970 г. Совет Министров РСФСР на основании представления Госарбитража при Совмине РСФСР обязал хозяйственные министерства принять меры к устранению выявленных нарушений. Помимо сигнализации предприятиям и вышестоящим органам, Госарбитраж направлял письма в отдел административных органов ЦК КПСС, а также республиканским органам МВД по вопросу об исках предприятий к исправительным трудовым учреждениям. Отметим, что неэффективность сигнализации в обозначенный период была обусловлена значительными временными промежутками (в том числе в несколько месяцев) между совершением правонарушения и направлением сообщения [11].

В 1970-е гг. важнейшими задачами Госарбитражей являлись «борьба с проявлениями местничества и ведомственности, систематическое изучение и обобщение арбитражной практики и разработка предложений, направленных на совершенствование хозяйственных отношений, на устранение недостатков в деятельности предприятий» [5]. Руководители предприятий были обязаны в месячный срок сообщать органам Госарбитража о принятых мерах по устранению нарушений. В отдельных Госарбитражах практиковались устные консультации главных госарбитров по вопросам устранения недостатков [24, л. 52].

Сообщения о фактах систематической поставки недоброкачественной или некомплектной продукции, невыполнения без уважительных причин планов по поставкам направлялись органам прокуратуры по месту нахождения поставщика. В органы внутренних дел направлялись сообщения о хищениях, крупных недостачах, должностных преступлениях, которые требовали расследования. В сообщениях раскрывался характер выявленных нарушений, описывались доказательства, подтверждавшие факт нарушений. Госарбитры должны были оценивать и эффективность принятых мер, а в случае их недостаточности уведомлять об этом вышестоящие органы [8].

Обобщение материалов по отдельным предприятиям, категориям споров и по отраслям хозяйства позволяло не только изучить причины возникновения споров, но и разработать комплекс мероприятий, направленных на их предупреждение и обеспечение соблюдения доарбитражного урегулирования споров. К подобным мероприятиям относилась пропаганда правовых знаний и хозяйственного законодательства. В 1974 г. Совет Министров СССР обязал органы Госарбитража проводить более активную работу в обозначенном направлении [6]. В Законе СССР от 30 ноября 1979 г. №1163-Х «О Государственном арбитраже в СССР» пропаганда правовых знаний и хозяйственного законодательства была отнесена к мерам по предупреждению нарушений законности в хозяйственной деятельности предприятий [1]. В комплекс мероприятий по пропаганде правовых знаний входили: проведение совещаний с юристами, юрисконсультами, хозяйственниками и бухгалтерами; организация лекций и семинаров для директоров, главных бухгалтеров предприятий и претензионистов службы потребительской кооперации; выступления госарбитров в печати, на радио и телевидении [24, л. 14].

В 1970-е гг. в направлении разработки мероприятий по предупреждению и устранению недостатков в деятельности хозорганов Госарбитражи взаимодействовали с органами исполнительной власти, правоохранительными органами и непосредственно с предприятиями [1]. Местные Госарбитражи координировали деятельность с отделами юстиции, разрабатывали ежеквартальные планы совместных проверок. Главные госарбитры могли принимать участие в работе совещаний, проводимых органами прокуратуры и УВД [18, л. 18].

Следует отметить, что принцип активного воздействия при разрешении споров на хозорганы, как один из принципов арбитражного процесса, проявлялся в праве Госарбитража возбуждать дела по собственной инициативе, во взыскании штрафных санкций, в воздействии на стороны при урегулировании преддоговорных споров; в праве Госарбитража не принимать отказ от иска или его признание, если они противоречили закону, в проверке соответствия акта органа управления законодательству [12].

И в 1980-е гг. сигнализация оставалась одной из мер по предупреждению законности в хозяйственной деятельности предприятий. Проверка соблюдения требований законодательства по заключению договоров, доарбитражного урегулирования споров, применения санкций за нарушения была включена в комплекс мер по контролю за соблюдением договорной дисциплины [1]. Проверки проводились и на предприятиях, и в министерствах, которые осуществляли организацию работы по соблюдению хозяйственного законодательства. Предписания об устранении нарушений подлежали исполнению в десятидневный срок, а о результатах проведенной работы ведомства и предприятия отчитывались перед органами Госарбитража. По вопросам организации договорной кампании Госарбитраж взаимодействовал с министерствами и ведомствами,

осуществлявшими функции межотраслевого управления. «Разработка предложений и осуществление мер, направленных на совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности» [9] являлась одной из важнейших задач деятельности республиканских Госарбитражей. Сотрудники местных Госарбитражей знакомились с практикой применения хозяйственного законодательства на предприятиях. К примеру, госарбитры Госарбитража при Курском облисполкоме осуществляли подобную деятельность ежеквартально. По результатам подобного обследования госарбитры проводили совещания-семинары с представителями райпотребсоюзов, с руководителями объединений и торговых управлений, оказывали консультативную помощь сотрудникам юридических служб [18, л. 18].

В годы перестройки Госарбитражи должны были усилить работу по повышению роли договора, борьбе с бесхозяйственностью на предприятиях, ознакомлению с практикой применения законодательства при заключении договоров, должны были способствовать улучшению претензионной работы. Соответственно, от Госарбитражей требовалось рассматривать споры на предприятиях, привлекая к участию представителей трудовых коллективов, добиваться оперативного устранения недостатков, которые могли привести к экономическим правонарушениям. По вопросам предупреждения нарушений законности Госарбитражи должны были сотрудничать с органами исполнительной власти и правоохранительными органами. Лекционная работа, связанная с пропагандой хозяйственного законодательства, осуществлялась совместно с органами юстиции и обществом «Знание» [10]. Однако в конце 1980-х гг. работа органов Госарбитража по укреплению законности в деятельности предприятий была признана неудовлетворительной по причинам слабого воздействия на предприятия по вопросам заключения договоров, низкого уровня изучения причин невыполнения планов и договорных обязательств, медлительности при разрешении споров. От Государственных арбитражей требовалось содействовать укреплению договорной дисциплины без вмешательства в оперативную деятельность предприятий и их вышестоящих органов; улучшить координацию с другими правоохранительными и контролирующими органами в направлении предупреждения экономических правонарушений; расширить связи с трудовыми коллективами предприятий для усиления борьбы за выполнение договорных обязательств и повышения ответственности должностных лиц [7]. Взаимодействие Госарбитража с иными правоохранительными органами, в том числе судами общей юрисдикции, прокуратурой и органами внутренних дел, было принципиально важно, так как деятельность всех вышеуказанных правоохранительных органов была направлена на укрепление законности и ускорения социально-экономического развития СССР.

В заключение следует отметить, что борьба с недостатками в хозяйственной деятельности предприятий оставалась приоритетным направлением на протяжении всего периода функционирования органов Государственного арбитража. В 1930-1960-е гг. Госарбитраж выявлял нарушения в деятельности предприятий в процессе разрешения споров, сигнализировал о них в вышестоящие инстанции, рекомендовал меры по их устранению. Однако, направляя сообщения о недостатках руководителям предприятий и в компетентные органы, госарбитры далеко не всегда отслеживали судьбу сообщений. Госарбитраж, на наш взгляд, в обозначенный период содействовал повышению эффективности хозяйственной деятельности предприятий за счет ликвидации конфликтов, выявления нарушений, организации договорной кампании. Роль Госарбитража в направлении борьбы с недостатками в деятельности хозорганов возросла в 1970-е гг., когда одной из главных задач деятельности изучаемых органов стало не только устранение нарушений, но и их предупреждение. В 1980-е гг. органы Государственного арбитража осуществляли работу по контролю за соблюдением государственной и договорной дисциплины и предупреждению правонарушений в экономической сфере.

Литература

1. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1163-Х «О Государственном арбитраже в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 844.
2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 03 мая 1931 г. «Положение о государственном арбитраже» // СЗ СССР. 1931. № 26. Ст. 203.
3. Постановление СНК СССР от 08 декабря 1931 г. № 1085 «О мерах укрепления работы органов государственного арбитража» // СЗ СССР. 1931. № 70. Ст. 470.
4. Постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1959 г. № 824 «Об улучшении работы государственного арбитража» // СП СССР. 1959. № 15. Ст. 105.
5. Постановление Совета Министров СССР от 07 августа 1970 г. № 646 «О повышении роли органов государственного арбитража и арбитражей министерств и ведомств в народном хозяйстве» // СП СССР. 1970. № 15. Ст. 122.

6. Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1974 г. № 60 «О дальнейшем совершенствовании организации и деятельности органов государственного арбитража» (вместе с «Положением о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР») // СП СССР. 1974. № 4. Ст. 19.

7. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 12 декабря 1987 г. № 190 «О дальнейшем совершенствовании деятельности органов государственного арбитража и повышении их роли в укреплении законности и договорной дисциплины в народном хозяйстве» // СП СССР. 1987. № 15. Ст. 59.

8. Постановление Государственного арбитража СССР от 30 декабря 1976 г. № 136 «Об утверждении Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1977. № 4.

9. Постановление Совета Министров РСФСР от 05 декабря 1980 г. № 590 «Об утверждении Положения об органах Государственного арбитража в РСФСР» // СП РСФСР. 1981. № 2. Ст. 8.

10. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 марта 1984 г. № 104 «О работе Государственного арбитража при Совете Министров РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 300.

11. Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.

12. Абова Т.Е. Арбитражный процесс в СССР: понятие, основные принципы. М.: Наука, 1985. 143 с.

13. Александровская К. Сигнализация местных органов Госарбитража // Арбитраж. 1939. № 8. С. 19 – 21.

14. Можейко В.Н., Шкундин З.И. Арбитраж в советском хозяйстве (сборник законов, указов, постановлений и инструкций с вводной статьей). М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 667 с.

15. Белов А. О сигнализациях в органах Госарбитража // Арбитраж. 1939. № 13. С. 20 – 22.

16. Воронин Д.В. Органы государственного арбитража в период экономических реформ и контрреформ 1960-х гг. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. № 4 (36). С. 122 – 128.

17. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-13 (Государственный арбитраж Курской области). Оп. 1. Д. 307 (Годовой и полугодовой отчеты о работе Госарбитража за 1970 г.). 285 л.

18. ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 455 (Статистический отчет о работе Госарбитража при Курском облисполкоме за 1980 г.). 138 л.

19. Гамбург И.К., Можейко В.Н., Шкундин З.И. Арбитраж в советском хозяйстве: Комментированный сборник важнейших постановлений и распоряжений по вопросам арбитража. М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1936. 420 с.

20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А512 (Государственный арбитраж при Совете Министров РСФСР (Госарбитраж РСФСР)). Оп.1. Д. 34 (Постановление СМ РСФСР от 18 августа 1950 г. № 1013 «О неудовлетворительной работе Государственного арбитража при СМ РСФСР»). 4 л.

21. ГАРФ. Ф. А512. Оп. 1. Д. 57 (Акт проверки работы Госарбитража РСФСР комиссией Госарбитража СССР от 23 октября 1952 г.). 101 л.

22. ГАРФ. Ф. А512. Оп. 1. Д. 108 (Краткий обзор Госарбитража РСФСР о работе местных арбитражей за 1958 г.). 35 л.

23. ГАРФ. Ф. А512. Оп. 1. Д. 380 (Статотчет ГА РСФСР о работе за 1963 г.). 4 л.

24. ГАРФ. Ф. А512. Оп. 1. Д. 1113 (Справки и сведения местных госарбитражей РСФСР о применении имущественных санкций, пропаганде правовых знаний, о направлении сообщений). 250 л.

References

1. Zakon SSSR ot 30 noyabrya 1979 g. № 1163-X «O Gosudarstvennom arbitrazhe v SSSR». Vedomosti VS SSSR. 1979. № 49. St. 844.

2. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 03 maya 1931 g. «Polozhenie o gosudarstvennom arbitrazhe». SZ SSSR. 1931. № 26. St. 203.

3. Postanovlenie SNK SSSR ot 08 dekabrya 1931 g. № 1085 «O merah ukrepleniya raboty organov gosudarstvennogo arbitrazha». SZ SSSR. 1931. № 70. St. 470.

4. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyulya 1959 g. № 824 «Ob uluchshenii raboty gosudarstvennogo arbitrazha». SP SSSR. 1959. № 15. St. 105.

5. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 07 avgusta 1970 g. № 646 «O povyshenii roli organov gosudarstvennogo arbitrazha i arbitrazhej ministerstv i vedomstv v narodnom hozyajstve». SP SSSR. 1970. № 15. St. 122.

6. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 17 yanvarya 1974 g. № 60 «O dal'nejshem sovershenstvovanii organizacii i deyatel'nosti organov gosudarstvennogo arbitrazha» (vmeste s «Polozheniem o Gosudarstvennom arbitrazhe pri Sovete Ministrov SSSR»). SP SSSR. 1974. № 4. St. 19.

7. Postanovlenie CK KPSS, Soveta Ministrov SSSR ot 12 dekabrya 1987 g. № 190 «O dal'nejshem sovershenstvovanii deyatelnosti organov gosudarstvennogo arbitrazha i povyshenii ih roli v ukreplenii zakonnosti i dogovornoj discipliny v narodnom hozyajstve». SP SSSR. 1987. № 15. St. 59.
8. Postanovlenie Gosudarstvennogo arbitrazha SSSR ot 30 dekabrya 1976 g. № 136 «Ob utverzhdenii Pravil rassmotreniya hozyajstvennyh sporov gosudarstvennymi arbitrazhami». Byulleten' normativnyh aktov ministerstv i vedomstv SSSR. 1977. № 4.
9. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 05 dekabrya 1980 g. № 590 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob organah Gosudarstvennogo arbitrazha v RSFSR». SP RSFSR. 1981. № 2. St. 8.
10. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 23 marta 1984 g. № 104 «O rabote Gosudarstvennogo arbitrazha pri Sovete Ministrov RSFSR». Svod zakonov RSFSR. 1988. T. 8. S. 300.
11. Abova T.E., Tadevosyan V.S. Razreshenie hozyajstvennyh sporov. M.: YUridicheskaya literatura, 1968. 176 s.
12. Abova T.E. Arbitrazhnyj process v SSSR: ponyatie, osnovnye principy. M.: Nauka, 1985. 143 s.
13. Aleksandrovskaia K. Signalizaciya mestnyh organov Gosarbitrazha. Arbitrazh. 1939. № 8. S. 19 – 21.
14. Mozhejko V.N., SHkundin Z.I. Arbitrazh v sovetskom hozyajstve (sbornik zakonov, ukazov, posta-novlenij i instrukcij s vvodnoj stat'ej). M.: YUrid. izd-vo MYU SSSR, 1948. 667 s.
15. Belov A. O signalizacijah v organah Gosarbitrazha. Arbitrazh. 1939. № 13. S. 20 – 22.
16. Voronin D.V. Organy gosudarstvennogo arbitrazha v period ekonomicheskikh reform i kontr-reform 1960-h gg. Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2014. № 4 (36). S. 122 – 128.
17. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO). F. R-13 (Gosudarstvennyj arbitrazh Kurskoj oblasti). Op. 1. D. 307 (Godovoj i polugodovoj otchety o rabote Gosarbitrazha za 1970 g.). 285 l.
18. GAKO. F. R-13. Op. 1. D. 455 (Statisticheskij otchet o rabote Gosarbitrazha pri Kurskom obl-ispolkome za 1980 g.). 138 l.
19. Gamburg I.K., Mozhejko V.N., SHkundin Z.I. Arbitrazh v sovetskom hozyajstve: Kommentirovan-nyj sbornik vazhnejshih postanovlenij i rasporyazhenij po voprosam arbitrazha. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «So-vetskoe zakonodatel'stvo», 1936. 420 s.
20. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A512 (Gosudarstvennyj arbitrazh pri Sovete Min-istrov RSFSR (Gosarbitrazh RSFSR)). Op.1. D. 34 (Postanovlenie SM RSFSR ot 18 avgusta 1950 g. № 1013 «O neudovletvoritel'noj rabote Gosudarstvennogo arbitrazha pri SM RSFSR»). 4 l.
21. GARF. F. A512. Op. 1. D. 57 (Akt proverki raboty Gosarbitrazha RSFSR komissiej Gosarbitrazha SSSR ot 23 oktyabrya 1952 g.). 101 l.
22. GARF. F. A512. Op. 1. D. 108 (Kratkij obzor Gosarbitrazha RSFSR o rabote mestnyh arbitrazhej za 1958 g.). 35 l.
23. GARF. F. A512. Op. 1. D. 380 (Statotchet GA RSFSR o rabote za 1963 g.). 4 l.
24. GARF. F. A512. Op. 1. D. 1113 (Spravki i svedeniya mestnyh gosarbitrazhej RSFSR o primenenii imush-chestvennyh sankcij, propagande pravovyh znaniy, o napravlenii soobshchenij). 250 l.

**РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА:
ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ПОДХОДОВ**

**Миц Д.С., кандидат юридических наук, эксперт,
Парламентская Ассамблея Организации Договора
о коллективной безопасности (ОДКБ), г. Санкт-Петербург**

***Аннотация:** устойчивость уголовно-процессуальной политики достигается точностью детализации основных позиций, которые выстраивают положения уголовно-процессуального права.*

Уголовно-процессуальное законодательство на каждом этапе своего совершенствования приближает антитеррористическую функцию государства к модели эффективной борьбы с проявлениями терроризма на национальном и международном уровнях. Актуальными являются новые формы взаимодействия субъектов, участвующих в формировании правового воспитания и правовой культуры.

Правовая культура, влияющая на процесс наступательности уголовно-процессуальных ресурсов, развивается под воздействием антитеррористической политики. Эффективность борьбы, в том числе уголовно-правовой, с террористами и их пособниками не реализуема без уголовно-процессуальных ресурсов, то есть реальных возможностей в системе выявления, предупреждения и пресечения. Уголовно-процессуальное право, обладающее прикладной мощностью снижения террористической активности, в дальнейшем локализуется комплексным профилактическим подходом, с учетом принципа сдержек и противовесов при его реализации, что является актуальным алгоритмом и механизмом антитеррористической функции государства.

Взаимосвязь оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных форм с антитеррористической функцией государства очевидна с позиции практической значимости. Новизна современной уголовно-процессуальной политики выделяется своей закрытостью от относительного проникновения иных правовых институтов. Данный вывод связан с необходимостью максимальной защиты интересов личности и прогнозирования всех возможных конституционных нарушений.

При этом оперативно-разыскные ресурсы не имеют в прикладном разрезе механизмов легализации в судебный процесс как соответствующей гарантии.

Современные тенденции укрепления гарантий прав и свобод человека, минимизации вмешательства в личную жизнь со стороны государства повышают требования к любым судебным решениям, ограничивающим права и свободы личности. Судебные контрольные механизмы, в том числе в досудебном производстве, не до конца исполнимы. Оторванность политики совершенствования оперативно-разыскного законодательства от уголовно-процессуального права формирует правоприменительное воззрение.

Рассмотренные в статье оперативно-разыскные и процессуальные требования, которые учитываются в судебных решениях, создают понимание единства в системе уголовного преследования за проявления терроризма.

***Ключевые слова:** антитеррористическая функция государства, уголовно-процессуальное право, оперативно-разыскная деятельность, судебный контроль, правовая культура, судопроизводство, толкование, юридическая техника, уголовное преследование, УПК РФ*

**DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE CONTEXT
OF THE ANTI-TERRORIST FUNCTION OF THE STATE:
ATTEMPT TO UNDERSTAND APPROACHES**

**Mits D.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Expert,
Parliamentary Assembly of the Collective Security
Treaty Organization (CSTO), St. Petersburg**

***Abstract:** the stability of the criminal procedure policy is achieved by the accuracy of detailing the main positions that build the provisions of criminal procedure law.*

At every stage of its improvement, the criminal procedure legislation brings the State's anti-terrorist function closer to the model of effective struggle against manifestations of terrorism at the national and international levels. New forms of interaction of subjects involved in the formation of legal education and legal culture are relevant.

The legal culture that influences the process of offensive criminal procedure resources develops under the influence of anti-terrorist policy. The effectiveness of the fight, including criminal law, against terrorists and their ac-

complices cannot be realized without criminal procedural resources, that is, real opportunities in the system of detection, prevention and suppression. Criminal procedure law, which has the applied power to reduce terrorist activity, is further suppressed by a comprehensive preventive approach.

The principle of checks and balances in its implementation is an actual algorithm and mechanism of the anti-terrorist function of the state, and also have a relationship in the system of criminal procedure forms.

The relationship of operational-investigative and criminal-procedural forms with the anti-terrorist function of the state is obvious from the position of practical significance. The novelty of modern criminal procedure policy is distinguished by its closeness from the relative penetration of other legal institutions. This conclusion is connected with the need to protect the interests of the individual as much as possible and to predict all possible constitutional violations.

At the same time, operational and investigative resources do not have in the applied context mechanisms of legalization in the judicial process as an appropriate guarantee, thereby canceling the intent of the article.

Modern trends in strengthening the guarantees of human rights and freedoms, minimizing interference in personal life by the state increase the requirements for any court decisions that restrict the rights and freedoms of the individual. Judicial control mechanisms, including in pre-trial proceedings, are not fully implemented. The isolation of the policy of improving operational and investigative legislation from criminal procedure law forms the law enforcement view. The two sides highlighted in the work, law enforcement, promote this function.

The operational-search and procedural requirements considered in the article, which are taken into account in court decisions, create an understanding of unity in the system of criminal prosecution for manifestations of terrorism.

Keywords: *antiterrorist function of the state, criminal procedure law, operational investigative activities, judicial control, legal culture, legal proceedings, interpretation, legal technique, criminal prosecution, Code of Criminal Procedure*

Многоступенчатость уголовного процесса связана с конкретными пределами и стадиями правоприменения [10, с. 45]. Конструкция влияния на уголовный процесс обличается в новую форму, которую следует характеризовать как подмену понятийного аппарата. Поводом для подобной конструкции является содержание риска формальной оптимизации уголовно-процессуального судопроизводства. Продвижение идеи о частой и пустой оптимизации уголовно-процессуальной политики ставит на второй план все достижения конституционно-правового режима.

Соприкосновение уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности обозначает направление интеграции, в частности выделив из оперативно-разыскной деятельности «гласный блок». Элементы данного блока через законодательное обеспечение могут быть в дальнейшем детально унифицированы с уголовным процессом. Будущее согласование рассматриваемой проблематики не будет сверхзатратным решением по причине наличия устойчивой судебной практики. Важно соблюдение при такой унификации принципа «добросовестности», не допустив каких-либо нарушений. Преобразование уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности – это продолжение адекватной политики в ходе распространения новых рисков и вызовов современности.

База развития уголовного процесса зависит от различных познавательных ресурсов. Признаки правильности данных ресурсов позволяют формировать механизмы детализации уголовно-процессуального права. Отражение в этой области различных концептуальных подходов дает основание к пониманию новых перспектив оптимизации уголовного процесса. Практическое значение данной оптимизации зависит от профессионального искусства реализации согласованных подходов. Оптимизация судопроизводства стремится к охвату различных передовых подходов, при этом важно понимание вероятности их совместимости.

Новые тенденции уголовно-процессуальной политики не должны парализовать уголовный процесс. Согласованный подход, который, как правило, затягивается по времени, может иметь направленность по сковыванию благоприятных для уголовного процесса новаций. Зависимость уголовного процесса от частых изменений может привести к собственному дроблению, что станет итогом всей негативной «оптимизации». Каждый элемент уголовного процесса реализуется в досудебной, судебной и исключительной системе, в рамках адекватного правового механизма, изменить курс которых – грубейшее нарушение.

Гуманизм уголовного процесса должен проявляться в истине и справедливости. Автоматизация процесса утрачивает рассматриваемое значение [12, с. 192]. Закономерности уголовного процесса связаны с теоретическими и практическими аспектами построения правоотношений и правового обеспечения порядка регулирования различных процедур и режимов, объединенными единым уголовно-процессуальным замыслом. Свойства построения уголовно-процессуальной политики являются движущими силами и средствами для уголовно-процессуального права. Новая концепция развития уголовного процесса способна вместить в

себя содержание различных взглядов и идей. Позиция преобладания истины в уголовном процессе позволяет разрешить устоявшийся вопрос воспроизводства социальных конфликтов. Перспектива преодоления многих исключений – это не основной результат рассматриваемого совершенствования, генеральная задача остается в приведении всех направлений на раннее предупреждение указанных конфликтов.

Процесс обладает саморазвитием при сопровождении уголовно-процессуальной политики. Комплекс мероприятий по развитию уголовного процесса нацелен на формирование согласованных подходов. Укрепление позиций обеспечения данного комплекса зависит от научно-правового потенциала. Санкционирование данного потенциала также требует процесса согласования.

Качество уголовного процесса разделено на детали и их взаимосвязи. Будущее уголовного процесса расширяет диапазон взаимодействия разных деталей. Перевес этих деталей в сравнении с другими правовыми процедурами в ходе уголовного преследования выставляет на оценку эффективность уголовно-процессуальной политики.

Детализированное взаимодействие уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности чревато искушением формирования доказательственной базы из негодных источников [14, с. 161]. Эффект от реализации уголовного процесса возможен при активности сил и оптимизации средств. Уголовно-процессуальная политика учитывает данные особенности при подготовке новых проектов корректировки уголовного процесса. Курс уголовно-процессуальной политики, направленной на разрешение возможных коллизий, зависит от успехов деятельности по новой детализации уголовно-процессуального законодательства. Поиск новых технологий совершенствования уголовно-процессуального права, уголовного процесса и уголовно-процессуальной политики должен опираться на апробацию и согласование различных подходов.

Изобилие новых терминов, применяемых в современном уголовно-процессуальном праве, не стыкуется с устоявшейся теорией и практикой. Его адекватность подчеркивается учетом различных передовых подходов в этой области.

Влияние зарубежного подхода в концепции развития уголовного процесса создает режим наибольшего благоприятствования на внедрение новых форм и корректировку содержания. Внимание законодателя на новые тенденции актуально в современных условиях при учете отечественного подхода. Правила обновления уголовного процесса выработаны на основе критического анализа с преобладанием объективной оценки технологии совершенствования.

Имеет место нарушение прав при осуществлении уголовного процесса. В этой связи актуален механизм повторного рассмотрения отдельных вопросов в ходе следственных действий и (или) судебных заседаний [2, с. 62]. Оказание помощи в преодолении уголовного преследования в рамках закона не предполагает широкого политического обеспечения. Рассматриваемые действия представляются сложноподчиненными в рамках профессиональной подготовки. Их формы являются актуальными для адвокатской корпорации, но ведомственные и иные вузы будут крайне неохотно готовить специалистов по этим программам, что требует внесения на рассмотрение новой согласованной концепции развития уголовного процесса.

Перспективы повсеместной корректировки уголовно-процессуального права видятся преждевременными по ряду причин. Должен быть выработан специальный комплекс пределов по этому случаю. Без его наличия масштаб бесполезных норм уголовно-процессуального закона будет расти и наращивать свое негативное воздействие. Принципиальность в этом построении основывается на выделении сути совершенствования уголовного процесса.

Аспекты продвижения национальных интересов Российской Федерации в общественном сознании воспринимаются все чаще как идеи тоталитаризма. Опыт «цивилизованных» стран говорит о допустимости прямого продвижения авторитета своих национальных интересов. Поиск порядка замещения национальных интересов на корпоративные интересы заслуживает пристального внимания со стороны институтов гражданского общества, но российский конституционно-правовой режим успешно обеспечивает баланс национальных интересов. Наличие незначительных коллизий остро не воздействует на основные положения национальной правовой базы. Средства корректировки выгодно отличаются при сравнении с иными странами.

Мотивированная позиция стороны обвинения обоснована позициями и оценкой обстоятельств с учетом руководства нормами уголовно-процессуального закона [9, с. 75]. Рост попыток совершенствования уголовного процесса отражает не их необходимость, а эффективность процесса в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Комплекс различных задач уголовного процесса восстанавливает решимость законодателя идти по направлению дилемм согласований. Вторжение новейшей теории уголовно-процессуального права в систему построения уголовного процесса предполагает детализацию различных проблематик. Нагрузка на юридическую технику при оптимизации уголовного процесса связана с

отсутствием важных согласований. Усиление их присутствия не всегда приводит к консенсусу, если есть варианты политического давления.

Положительный результат рассуждения по поводу эффективности уголовного процесса зависит от различных источников познания. Попытки сформулировать адекватную модель уголовного процесса связаны с взаимодействием со смежными процедурами.

Совершенствование уголовного процесса проходит без должного прогноза последствий корректировки. Решимость законодателя без учета вероятности риска объясняется государственной политикой, которой свойственно долгосрочное совершенствование и развитие. Построение взвешенного уголовного процесса возможно при добросовестности и активности законодателя, который, в свою очередь зависит, от экспертного мнения. Оптимизация – это не сплошная перестройка, а обнаружение проблемных мест и дальнейшее воздействие на них с позиции изменений. Присутствие барьеров в этих вопросах требует формирования концепции устранения нерешаемых (сложных) проблем в уголовном процессе.

В современных реалиях, учитывая национальное и конфессиональное многообразие большинства государств, актуальны своевременное выявление и качественное уголовное преследование, а также оперативная профилактика [11, с. 57-64].

Выявление, предупреждение и пресечение терроризма в современных реалиях стремится по направлению баланса принципа наступательности и принципа интенсивности. Целеполагание выявления и профилактики подобным образом выстраивается на основе комплексной антитеррористической функции государства и мер по защите конституционного строя. Зачастую реализация данного баланса выводит на поверхность практику реализации комплекса задач, реализация которых возможна негласным способом с элементами провокаций.

Целью уголовного судопроизводства является вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения, в котором формулируются выводы о существовании общественно опасного деяния, о причастности к нему лица, в отношении которого велось судопроизводство, о его виновности или невиновности, о назначении ему уголовного наказания или об освобождении от наказания либо об оправдании этого лица. Такие судебные постановления называются итоговыми судебными решениями.

В ходе производства по уголовному делу принимается масса частных, вспомогательных судебных решений. Их принято называть промежуточными судебными решениями, из совокупности которых состоит само судопроизводство, выстраиваются итоговые судебные постановления. Образно говоря, здание правосудия выстраивается из множества промежуточных действий и решений [15, с. 58-83].

Обновленное правосудие, формируемое в том числе для снижения террористической активности, осознает важность базирования на имеющейся информационно ориентированной платформе. При этом военная судебная система, задействованная в том числе на антитеррористической линии, зарекомендовала себя на профессионально высоком уровне. Соответствующая оптимизация всех промежуточных в данной системе процессуальных действий наполнит элементами новые механизмы.

В ходе реализации правоприменителями принципа сдержек и противовесов между органами государственной власти из-за созданных законодателем в уголовно-процессуальном и оперативно-разыскном праве коллизий слабо учитывается судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве воздействует на процессы в ходе реализации рассматриваемого принципа как самостоятельный обеспечивающий фактор, который направлен на сдерживание власти правоохранительных органов и специальных служб при их намерениях нелегально ограничить права и свободы личности, а также неправомерного преодоления попыток противодействия стороной защиты уголовному преследованию [3, с. 57].

Свободный индивид выстраивает свою самозащиту от различных правовых угроз. Преодоление попыток его самозащиты со стороны определенных государственных или общественных структур либо иных индивидов расставляют приоритеты интуитивного права с позиции доминирования, что создает дисбаланс устойчивого развития механизмов уголовного преследования.

Уголовная политика как государственная политика реализуется в трех основных формах:

- 1) правотворчество;
- 2) правоприменение;
- 3) развитие правосознания и правовой культуры населения.

Указанные формы тесно связаны и взаимодействуют в процессе правоприменения.

1. Правотворчество в рассматриваемой политике – это постоянный процесс разработки правил поведения, обусловленных предметом и методами регулирования.

2. Правоприменение означает деятельность правоохранительных органов по применению на социальном уровне с учетом обратной связи. Обратную связь законодательства и практики (в том числе судебной) его

применения характеризуют такие компоненты, как толкование закона, его отдельных понятий и терминов, информация о состоянии и структуре преступности, ее изменениях, формах и способах совершения преступлений. Судебная практика отражает действенность законодательства, его положительные и отрицательные элементы.

3. В правосознании проявляется представление людей о том, каким право должно быть. Запрещаемое законом деяние устанавливается как общественно опасное:

- 1) в реальности;
- 2) в восприятии картины мира (коллективном и индивидуальном) [8, с. 14-16].

Политическое обеспечение модернизации оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных ресурсов возможно при оснащении государственного правового блока системами юридического мониторинга, то есть информационных сигналов.

Современная система поводов для возбуждения уголовного дела включает все возможные способы получения информационных сигналов о совершенных или готовящихся преступлениях, но для того, чтобы каждое сообщение о преступлении стало законным поводом для возбуждения уголовного дела, оно должно отвечать определенным требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом [13, с. 28-32].

Уголовно-процессуальная деятельность зависит от детального и качественного информационного обеспечения. Свободные и несвободные доказательства информационного обеспечения в установленном порядке замыкаются на комплекс информационных решений, реализованных на совокупности результатов оперативно-разыскных мероприятий. Заменить данную конструкцию на более эффективную иную правовую реальность трудно в условиях реализации современной концепции развития права. Данные обстоятельства обоснованно подтверждаются в ходе повышения интенсивности многогранной антитеррористической функции государства.

Судебный, ведомственный контроль и прокурорский надзор – повсеместные форматы уголовного преследования и преодоления противодействия ему, где рассматриваемый принцип востребован в усеченном виде. Без реализации подобного актуального принципа можно с осторожностью предположить и предвидеть множество проблем.

Меры и способы противодействия терроризму детализированы на стыке уголовно-процессуального и оперативно-разысканного права. Оптимизация с учетом качественной юридической техники способна активизировать улучшение состояния уголовного преследования. Современная юридическая теория активно внедряет свои наработки в различные законопроекты рассматриваемого профиля, в частности в перспективный проект оперативно-разыскного кодекса и в иные акты. Данное обстоятельство связано с довольно противоречивым соотношением основополагающих положений антитеррористической нормативной правовой базы.

В уголовно-процессуальном законодательстве используются положения, не детализированные законодателем. К данным негативным факторам относятся:

- 1) отсутствие практики использования нового положения в начале принятия нормы;
- 2) многообразии правоприменительной практики;
- 3) оценочный характер положений или норм;
- 4) традиции стилистики юридической техники.

Данные факторы стимулируют законодателя на применение дополнительных толкований. Поиск толкования реализуется в ходе обобщения судебной практики и оптимизации судебно-рекомендательной деятельности. Однако, в современном уголовно-процессуальном праве значение указанного влияния не определено. Предметом подобного влияния являются воззрения, теории и позиции, не закрепленные в действующем законодательстве, в том числе отсутствие формулировок положений УПК РФ, актов Пленума Верховного суда и Конституционного суда Российской Федерации [5, с. 69].

Положения УПК РФ, создающие уравновешенные отношения и позиции, в том числе при реализации антитеррористической функции государства, способствуют установлению качества воздействия права. Уголовно-процессуальные ресурсы антитеррористической функции государства при особых случаях имеют повышенные требования к представителям предварительного следствия, что дополнительно детализирует рассматриваемые общественные отношения.

В применении права реализуются следующие качества воздействия права на общественные отношения:

- 1) властный характер применения правовой нормы к фактическим отношениям, порождающий обязательность реализации правового предписания;
- 2) учитывающий характеристики частного, особого случая (индивидуальный);
- 3) основанный исключительно на правовой норме) характер такого воздействия (поднормативный).

При этом применение права всегда сопряжено:

- 1) с принятием правоприменительного акта;
- 2) с переводом содержания предписания общей нормы в область реальной жизни и единичного общественного отношения.

К особенностям применения права следует отнести:

- 1) властно-императивную форму реализации права;
- 2) осуществление применения права компетентными, уполномоченными на то органами и должностными лицами;
- 3) процессуально-процедурный характер правоприменения;
- 4) стадийность правоприменительной деятельности;
- 5) необходимость установления соответствующих фактических и юридических оснований;
- 6) наличие и обязательность правоприменительного акта;
- 7) разовый и индивидуально определенный характер воздействия на общественные отношения с целью урегулирования конкретных ситуаций;
- 8) персонифицированность воздействия на субъектов правоотношения.

Указанные особенности правоприменительного характера проявляются при осуществлении уголовного судопроизводства.

Все эти особенности проявляются при осуществлении уголовного судопроизводства, раскрывая правоприменительный характер этой деятельности [1, с. 127-132].

Форматирование права при реализации этапов совершенствования правовых позиций не лишена смысловой нагрузки и по отношению к уголовному судопроизводству. При этом важно учитывать передовые позиции ученых, которые отсекают слабые стороны научного обоснования и обеспечения.

Позиции ученых по правовым проблемам являются правовой доктриной, но источником права в России остаются лишь нормативный правовой акт и судебная практика. При этом юристы особое внимание уделяют изучению судебной практики, которая без наличия норм права способствует толкованию правоприменения.

Следует отметить, что, правовая доктрина выстроила следующие целеполагания:

- 1) установление содержания правовых норм;
- 2) восполнение пробелов в правовом регулировании;
- 3) толкование правовых норм.

Системный подход целеполаганий связан:

- 1) с теоретическими положениями;
- 2) с научно обоснованными положениями;
- 3) с положениями прикладного значения.

Варианты разрешения практических проблем учитываются в процессе правоприменения. Толкование и применение правовых норм, в том числе для устранения пробелов определяется оптимальностью правового решения на основе теоретического положения.

Учитывая значительную нагрузку в российских судах, участники спора, обосновывая свои доводы в составленных процессуальных документах, используют корректные и понятные формулировки, логически их обосновывают, подкрепляют свои суждения ссылками на применимые нормы действующего законодательства и судебную практику, доктринальные источники при наличии пробелов и неясностей в определенных правовых вопросах [4, с. 320-335].

Нагрузка судов, участвующих в реализации антитеррористической функции государства очерчивает круг общей антитеррористической эффективности. Доктринальные источники, способствующие росту данной эффективности, оказывают прилив потенциала правового обеспечения при наличии согласованных концептуальных доводов. При этом сущность проводимых антитеррористическими силами мероприятий поделила активные замыслы на свободные и несвободные по смыслу возможной доброкачественности в уголовно-процессуальном праве. В условиях возможностей для процессуального оформления.

Процессуальное оформление этапов оперативно-разыскных мероприятий зависит от установленной законодательством и ведомственными актами системы оснований и условий, а также сущности конкретного мероприятия [7, с. 177].

Для повышения культуры уголовного преследования рекомендовано совершенствование определенных действий направленных:

- 1) на соби́рание доказательств;
- 2) на обеспечение необходимых предпосылок для законного и своевременного разрешения дела.

При этом правосудность рассматриваемых решений связано с законностью процедур оперативно-разыскной деятельности и предварительного расследования.

Отсюда правосудность итогового решения по уголовному делу зависит и от того, насколько законными были те решения, которые суд принимал на протяжении всего уголовного судопроизводства, как до возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения дела [15, с. 114].

Судебные органы США, Польши и Израиля наделены полномочиями по контролю за обеспечением безопасности в информационной сфере, при этом у данных государств имеется сложность по обнаружению и ликвидации сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов) террористических групп, по причине специфики технической организации Интернета, в том числе устойчивой практики регистрации доменных имен сайта в одной стране, а размещение информации в другой.

Современные взаимозависимые облачные технологии и вычислительные мощности осуществляют воспроизводство распределений между разными юрисдикциями. Интернет-сервиса представляют собой архитектурно распределенную систему правовых отношений, хотя пользователи, взаимодействующие в рамках такого сервиса, относятся к разным юрисдикциям.

Проблемы реализации оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности в этой сфере замыкаются:

- 1) на конкретизацию правовых отношений;
- 2) на местоположение серверов
- 3) на способах организации адресации и маршрутизации информации (по каким юрисдикциям протекает передача данных; в каких из них к ней возможен доступ; в какой форме).

Размещенная на интернет-сервисе информация террористического характера:

- 1) относится к определенной юрисдикции;
- 2) может выражаться на негосударственном языке.

В этой связи:

1. Рассматриваемый сервис является ориентированным только на свою аудиторию.
2. Тактические цели будут указывать на идентификацию локального законодательства по степени и последствиям.

Следует указать, что международный характер взаимодействия архитектуры глобальной информационно-телекоммуникационной сети обуславливает трудности определения применимого права.

Применительно к контенту интернет-сайта можно рекомендовать использование возможностей экстерриториальности правовых норм в связи с ориентированностью аудитории, но в таком случае есть вероятность интерпретировать расширительно применение права одной правовой системы к отношениям другой.

Оперативно-разыскная и уголовно-процессуальная деятельность при разрешении вопросов о юридической ответственности за терроризм выходит на новый уровень международной коммуникации в целях обеспечения уголовного преследования. Однако современные судебные и доктринальные интерпретации правового регулирования слабо способствуют оптимизации рассматриваемого процесса в условиях цифровизации с учетом соответствующей компетенции.

В перспективную организационную форму международной коммуникации допустимо включить:

- 1) согласование этапов правовой гармонизации;
- 2) нормативное программирование;
- 3) разработка символично-цифровых конструкций.

В границах процесса действий права возможна универсализация правового регулирования получения, передачи, переработки и использования информации.

В процессе движения информации выделяются генераторы (законодатели и разработчики) и рецепторы (физические и юридические лица), устанавливающих, воспринимающих и перерабатывающих правовую информацию, которая оказывает информационное воздействие, направленное на сознание личности.

Направления развития оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности связаны:

- с расширением пределов допустимости доказательств и появления новых источников фактических данных;
- с увеличением количества следственных и судебных действий, применяемых в ходе производства по уголовному делу;
- с разработкой дополнительных гарантий соблюдения законности при производстве следственных и судебных действий;
- с применением цифровых технологий для принятия значимых решений в рамках уголовного преследования.

Остается дискуссионным содержание критериев для электронных доказательств в уголовном преследовании.

В оперативно-разыском и уголовно-процессуальном законодательстве содержатся положения, регламентирующие процессуальный порядок изъятия, копирования и хранения материальных носителей информации в электронном формате. В этой связи законодательное обеспечение учитывает основополагающие принципы применения цифровых технологий в целях более подробной регламентации уголовно-процессуальных форм следственных и судебных действий, производимых с их использованием, а также совершенствования оперативно-разыскных мероприятий [6, с. 176-200].

Позиции оперативного выявления и процессуального преследования являются наиболее эффективными инструментами активных мероприятий антитеррористической функции государства. Выстроенные позиции на принципах наступательности и интенсивности являются важными формирующими основополагающими процессуальными правилами. Сложной является реализация данных принципов без учета существующих и институтов предполагает изменение различных комплексных подходов, в том числе по вопросам обеспечения.

Общегосударственные меры по защите конституционного строя как инструменты реагирования могут базироваться лишь на действующих оперативно-разыскных мероприятиях и уголовном процессе. Выводы о наличии общественного опасного деяния сложным многогранным этапом фиксации признаков терроризма подтверждается формой реализации. Итоговые судебные решения, поддерживаемые стороной обвинения и оперативным составом, отличаются обеспечивающим большим объемом оперативно-следственного документооборота. Внедряемые судебные позиции со стороны оперативно-следственной области имеют существенные разногласия и противоречия.

Корректировка, оптимизация и совершенствование оперативно-следственного взаимодействия с учетом судебно-прокурорских позиций требует серьезного согласования. Без данной комплексной работы закончить завершающую фазу построения антитеррористической функции государства является сложно прогнозируемым.

Осложняет антитеррористическую деятельность явное отсутствие синхронизации оперативно-разыскных, уголовно-процессуальных сил и средств антитеррористической функции государства, а также зажатость судопроизводства антироссийскими межгосударственными рекомендациями.

Без наличия систем сдержек и противовесов возможно наличие недобросовестной конкуренции, ухудшение качества профессионализма и этики поведения, конфликтов интересов среди правоохранительных структур. Что является негативным фактором снижения динамики совершенствования антитеррористической функции государства.

Особый порядок модернизации антитеррористической нормативной правовой базы связан с согласованием многих подходов законодателя и правоприменителя, в том числе посредством разъяснения спорных юридических конструкций и разработке научно обоснованных рекомендаций для улучшения правового обеспечения антитеррористической функции государства.

С учетом изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Обеспечение уголовно-процессуального режима возлагает на себя надежду на реализацию большинства национальных ценностей, которые формируют оптимальную национальную безопасность Российской Федерации. Разрешение многих правовых коллизий, которые осуществляет уголовно-процессуальная политика, способствует активизации всех сил и средств уголовного процесса.

2. Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве множества концептуальных подходов не позволяет справиться устоявшейся юридической техники. Охрана интересов оптимизации уголовно-процессуальной политики нуждается в выявлении и последующему блокированию излишней критики и пересудов по содержанию и сути уголовного процесса.

3. Крайность не уголовно-процессуальных процедур в ходе уголовного преследования создают мнимое понимание их несовершенства. Но без указанных процедур эффективность уголовного процесса будет резко снижаться. Действия законодателя по равномерному изменению всех процедур уголовного преследования оправданно в современных реалиях.

4. Планирование уголовного преследования предусматривает хорошую подготовку к различным стадиям уголовного судопроизводства. Порядок защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства это та действительность, которая позволяет добиться взвешенного уголовного процесса.

5. Сценарий развития уголовного процесса предполагает оценку смежной нагрузки. Политика развертывания идеального уголовного процесса всегда будет иметь скрытые и явные недостатки. Их источники имеют место для анализа в дальнейшем из расчета объект и его воздействие.

Литература

1. Антонович Е.К., Вилкова Т.Ю., Володина Л.М., Воронин М.И., Воскобитова Л.А., Дворянкина Т.С., Масленникова Л.Н., Матвеев С.В., Насонов С.А., Осипов А.Л., Паничева А.И., Панокин А.М., Россинский С.Б., Собенин А.А., Сушина Т.Е., Таболина К.А., Шереметьев И.И. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. проф. Л.Н. Масленникова. Москва. Норма: ИНФРА-М. 2017. 384 с.
2. Аристархов А.Л. О правилах общей и специальной преюдиции в российском уголовном процессе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 58 – 67.
3. Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica. 2020. Т. 73. № 2. Москва. МГЮА. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.044-062. С. 44 – 62.
4. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. Москва. Инфотропик Медиа. 2016. 480 с.
5. Великий Д.П. Специально-юридический способ толкования норм уголовно-процессуального права. 2020. Т. 73. № 2 (159). Lex russica. МГЮА. С. 63 – 74.
6. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А., Кашепов В.П., Кошаева Т.О. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. Москва. Юридическая фирма Контракт. 2019. 212 с.
7. Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-розыскных процедур. Москва. Проспект. 2019. 220 с.
8. Кашепов В.П., Гравина А.А., Кошаева Т.О. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В.П. Кашепова. Москва. ИНФРА-М. 2015. 336 с.
9. Лавров М.А. Право прокурора на отказ от обвинения в условиях длящейся реформы российского уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 72 – 79.
10. Лось С.Л. О стадии правоприменения процесса правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса (вопросы теории уголовного процесса) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 39 – 46.
11. Назаркулова Ч.Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды: монография / под ред. О.В. Чельшевой. Москва. Юстицинформ. 2019. 176 с.
12. Поляков М.Л., Смолин А.Ю. Технология уголовного процесса «за» или «против» человека процессуального // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 189 – 192.
13. Румянцева М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. Москва. Юстицинформ. 2019. 148 с.
14. Тусупбеков К.Р. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2015. № 2 (38). С. 160 – 163.
15. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: монография. Москва. Проспект. 2017. 376 с.

References

1. Antonovich E.K., Vilkova T.YU., Volodina L.M., Voronin M.I., Voskobitova L.A., Dvoryankina T.S., Maslennikova L.N., Matveev S.V., Nasonov S.A., Osipov A.L., Panicheva A.I., Panokin A.M., Rossinskij S.B., Sobenin A.A., Sushina T.E., Tabolina K.A., SHERemet'ev I.I. Dokazyvanie i prinya-tie reshenij v sostyazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. отв. red. prof. L.N. Mas-lennikova. Moskva. Norma: INFRA-M. 2017. 384 s.
2. Aristarhov A.L. O pravilah obshchej i special'noj preyudicii v rossijskom ugovnom processe. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskije i yuridicheskije nauki. 2020. № 2. S. 58 – 67.
3. Burmagin S.V. Metamorfozy sostyazatel'nosti ugovolnyh proizvodstv po delam sudebnogo kontrolya. Lex russica. 2020. T. 73. № 2. Moskva. MGYUA. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.044-062. S. 44 – 62.
4. Bychkov A.I. Aktual'nye problemy sudebnogo razbiratel'stva. Moskva. Infotropik Media. 2016. 480 s.
5. Velikij D.P. Special'no-yuridicheskij sposob tolkovaniya norm ugovolno-processual'nogo prava. 2020. T. 73. № 2 (159). Lex russica. MGYUA. S. 63 – 74.
6. Golovanova N.A., Gravina A.A., Zajcev O.A., Kashepov V.P., Koshaeva T.O. i dr. Ugolovno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizacii: monografiya. Moskva. YUridicheskaya firma Kontrakt. 2019. 212 s.

7. Gusev V.A., Lugovik V.F. Teoriya operativno-rozysknyh procedur. Moskva. Prospekt. 2019. 220 s.
8. Kashepov V.P., Gravina A.A., Koshaeva T.O. Gumanizaciya sovremennogo ugolovnogogo zakonodatel'stva: monografiya. pod obshch. red. V.P. Kashepova. Moskva. INFRA-M. 2015. 336 s.
9. Lavrov M.A. Pravo prokurora na otkaz ot obvineniya v usloviyah dlyashchejsya reformy rossijskogo ugolovnogogo processa. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 2 (53). S. 72 – 79.
10. Lon' S.L. O stadii pravoprimereniya processa pravovogo regulirovaniya otnoshenij, vznikayushchih v sfere ugolovnogogo processa (voprosy teorii ugolovnogogo processa). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 283. S. 39 – 46.
11. Nazarkulova Ch.N. Ispol'zovanie special'nyh znaniy pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh po motivu nacional'noj, rasovoj, religioznoj nenavisti ili vrazhdy: monografiya. pod red. O.V. CHelyshevoj. Moskva. YUsticinform. 2019. 176 s.
12. Polyakov M.L., Smolin A.Yu. Tekhnologiya ugolovnogogo processa «za» ili «protiv» cheloveka processual'nogo. YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 4 (40). S. 189 – 192.
13. Rumyancheva M.O. Vozbuzhdenie ugolovnogogo dela: problemy i perspektivy: monografiya. Moskva. YUsticinform. 2019. 148 s.
14. Tusupbekov K.R. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v processe dokazyvaniya po ugolovnym delam. Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2015. № 2 (38). S. 160 – 163.
15. CHervotkin A.S. Promezhutochnye sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. Moskva. Prospekt. 2017. 376 s.

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ
ПРЕДЕЛОВ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ**

**Аношенко И.Н.,
Ильин А.В., кандидат экономических наук, доцент,
Сибирский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской Федерации**

***Аннотация:** осуществления прав при исчислении налогов имеют для всех налогоплательщиков России очень важное значение, от которых напрямую зависит их финансовое благополучие. В представленной статье рассмотрены аспекты совершенствования налогового законодательства, которые происходят с 2017 года и продолжаются в настоящее время, отражена позиция автора по рассматриваемому вопросу, в контексте анализа складывающейся судебной правоприменительной практики. Цель исследования: Теоретическая обоснованность необходимости грамотного налогового планирования, а также совершенствование форм и методов предотвращения нарушений (ограничений) прав и законных интересов юридических лиц при проведении налоговых проверок. Задачи исследования: Изучить и теоретически обосновать необходимость развития налогообложения в России. Представить рекомендации, направленные на совершенствование эффективности налогового законодательства. Актуальность исследования связана с тем, что проблемы, связанные с исчислением налогов и сборов, никуда не исчезли и требуют постоянного анализа, консолидации сведений для более оптимального решения разногласий в сфере налогообложения.*

***Ключевые слова:** право, налоги, судебная практика, налоговый кодекс, схемы уклонения от налогообложения, ответственность*

NEW TRENDS IN THE DEFINITION OF LIMITS OF TAXPAYERS' RIGHTS

**Anoshenko I.N.,
Ilyin A.V., Candidate of Economic Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Siberian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration**

***Abstract:** the exercise of rights in the calculation of taxes is very important for all taxpayers in Russia, on which their financial well-being directly depends. The article considers aspects of improving tax legislation that have been taking place since 2017 and are continuing at the present time, reflects the author's position on the issue under consideration, in the context of the analysis of the emerging judicial law enforcement practice. The purpose of the study: The theoretical validity of the need for competent tax planning, as well as the improvement of forms and methods of preventing violations (restrictions) of the rights and legitimate interests of legal entities during tax audits. Research objectives: To study and theoretically substantiate the need for the development of taxation in Russia. To present recommendations aimed at improving the effectiveness of tax legislation. The relevance of the study is due to the fact that the problems associated with the calculation of taxes and fees have not disappeared anywhere and require constant analysis, consolidation of information for a more optimal solution of disagreements in the field of taxation.*

***Keywords:** law, taxes, judicial practice, tax code, tax evasion schemes, liability*

В данной статье рассмотрены новые подходы фискальных органов Российской Федерации, направленные против не совсем легальных способов налоговой экономии, которые граничат с уклонением от уплаты налогов. При этом, в настоящее время у налоговых органов, налогоплательщиков, а также судебных органов возникает много вопросов, в части применения налогового законодательства, в связи с добавлением в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ, Кодекс) норм статьи 54.1 (далее – ст. 54.1), которые посвящены налоговой экономии.

Так, при выявлении нарушений, налоговые органы должны ссылаться на определенный пункт статьи 54.1 Кодекса, о чем указывает ФНС России (далее – налоговая служба) (письмо от 31.10.2017 N ЕД-4-9/22123@ [18]).

Основные изменения, внесенные статьей 54.1 Кодекса:

I. Уменьшение налоговых обязательств невозможно, если данный факт произошел умышленно, то есть

налогоплательщик целенаправленно осознавал, что нарушает нормы устоев бухгалтерского и налогового законодательства (п.1 ст.54.1 Кодекса).

II. Уменьшать налоги по сделке возможно, но, если при этом будут соблюдены следующие условия: обязательство по сделке исполнено лицом по договору, а также уклонение от уплаты налогов не должно являться самой целью налогоплательщика (п.2 ст.54.1 Кодекса).

Необходимо отметить, что п. 3 ст. 54 Кодекса теперь поддерживает налогоплательщиков, так как в нем в настоящее время законодательно утверждено, что подписание какой-либо документации, несоблюдение контрагентами налогоплательщика закона (в том числе в сфере налогообложения), а также если налогоплательщик мог достичь того же результата, не вовлекая в свои финансово-хозяйственные отношения других контрагентов, теперь это не может служить основанием для предъявления претензий со стороны налогового органа. На что, в том числе, указала ФНС России в свои разъяснениях (письмо от 16.08.2017 N СА-4-7/16152@ [3]).

Однако для налогоплательщиков не все так радужно, так ФНС России указала, если налоговый орган сможет уличить налогоплательщика в целенаправленной (умышленной) неуплате налогов, а, равно как и выполнение операций (сделок) не тем лицом с кем заключен договор, то здесь налогоплательщик будет привлечен к предусмотренной Налоговым кодексом РФ ответственности в полном объеме.

Основные нарушения, которые налоговые органы в настоящее время вменяют налогоплательщикам связаны с так называемыми несформированными налоговыми вычетами по НДС, которые автоматически формируются на основании специализированного программного комплекса.

Сведения, содержащиеся в программном комплексе о несформированных источниках для принятия к вычету сумм НДС, образуются в основном за счет того, что кто-либо из налогоплательщиков не сдал налоговую декларацию по НДС или сдал ее с некорректными данными.

При этом источник не сформированного НДС может быть не только у налогоплательщика с его непосредственным контрагентом, но и зачастую он образуется по цепочке контрагентов через несколько звеньев. И уже здесь возникает множество вопросов, касающихся того, кто же должен отвечать за то, что у каких-либо организаций не сформирован источник НДС.

На практике налоговым органам не всегда удается достоверно установить, в чем же заключается «схема уклонения от налогообложения» и кто фактически является бенефициаром по рассматриваемым сделкам.

Оценка налогового органа должна быть объективной, так как от нее зависит кому в дальнейшем будут предъявляться претензии, в части правильности исчисления налогов. При этом, под особым вниманием налоговых органов всегда находятся налогоплательщики, которые обладают трудовыми, производственными и иными активами.

К примеру, не понятно, как производить оценку того, если в силу закона, в целях исполнения федеральных законов, регулирующих процесс государственных закупок (например ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ, 54 от 05.04.2013 N 44-ФЗ), налогоплательщики обязаны заключать договора с определенными контрагентами, которые выиграли тендера, даже если они обладают признаками «транзитных» звеньев. Или как учитывать такие факторы, что многие производители реализуют свою продукцию только через подконтрольных им лиц.

Факторов, которые необходимо проанализировать, с целью того, кто является фактическим получателем налоговой экономии от несформированного источника НДС, всегда достаточно много, при этом их не всегда объективно можно проанализировать, что может привести к нарушению прав налогоплательщиков.

До сих пор четко не установлен порядок, когда налоговые органы обязаны учитывать реальные налоговые вычеты по НДС и расходы при исчислении налога на прибыль по цепочке «схемных» операций, а когда нет.

В итоге все спорные вопросы приводят нас к статье 54.1 Кодекса, нормы которой вызывают еще больше вопросов у специалистов.

С августа 2017 года после введения данной статьи в Налоговый кодекс РФ в России так и не сложилась однозначная судебная практика по данной статье, при том, что прошло уже более четырех лет. Периодически ФНС России предпринимает попытки разъяснить, как использовать нормы ст. 54.1 Кодекса.

И разъяснения, как казалось, появились в марте 2021 года, налоговая служба (письмо от 10.03.2021 №БВ-4-7/3060@ [22]) обобщила практику применения ст. 54.1 Кодекса. Однако данные разъяснения, в должной мере, не смогли окончательно упорядочить систему применения ст. 54.1 Кодекса.

При этом, сама статья 54.1 Кодекса нуждается в определенном дополнении и конкретизации.

Так, к примеру, нередки ситуации, когда операции с конкретным контрагентом признаны нереальными, но при этом подтверждено наличие товара или, к примеру, выполнение работ, цена которых была завышена.

Однако ст. 54.1 Кодекса, в настоящий момент, не содержат норм, указывающих на то, как в данной ситуации должен поступать налоговый орган, в результате и наблюдается некий дисбаланс правовых норм.

Таким образом, с целью единого подхода к применению норм налогового законодательства (ст. 54.1 Кодекса), направленного на применение предсказуемости и определенности, а также исключение претензий в отношении добросовестных налогоплательщиков, можно предложить внести следующие изменения в данную статью:

1) в п. 1 ст. 54.1 Кодекса:

I) при установлении отсутствия реальных фактов осуществления деятельности налогоплательщиком с заявленным в документах контрагентом, налогоплательщик должен быть изначально привлечен к налоговой ответственности, связанной с грубым нарушением правил ведения бухгалтерского и налогового учета (ст. 120 Кодекса).

Пункт 1 статьи 54.1 Кодекса изначально должен корреспондировать со статьей 120 Кодекса. И связано это с тем, что налоговый орган изначально должен доказать, что налогоплательщик неправильно отражал сведения в бухгалтерском и налоговом учете.

II) в случае подтверждения налоговым органом фактического отсутствия фактов реальной финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика с его контрагентами, в отношении налогоплательщика должны применяться штрафные санкции, предусмотренные п. 3 ст. 122 Кодекса, которые указывают, что нарушение совершено умышленно и подразумевают повышенный размер.

Применение п. 3 ст. 122 Кодекса, именно в привязке к п. 1 статьи 54.1 Кодекса должно дисциплинировать налогоплательщиков, которые только на «бумаге» оформляют себе финансово-хозяйственные взаимоотношения со своими контрагентами. Тем самым подрывая финансовые устои в стране и ставя других добросовестных налогоплательщиков в заведомо худшие условия, что нарушает принцип конкуренции.

2) в пп. 1 п. 2 ст. 54.1 Кодекса:

I) подтвержденные (документально) налогоплательщиком расходы, связанные с исчислением налога на прибыль и налоговые вычеты по НДС по операциям, связанные с приобретением материальных и иных ресурсов для достижения результата выполнения работ (оказания услуг), в том числе приобретённых контрагентами налогоплательщика, должны учитываться налоговым органом в ходе проведения проверок.

II) налогоплательщик вправе, в целях правомерности применения налоговых вычетов (при исчислении НДС) и расходов (при формировании налоговой базы по налогу на прибыль) представить сведения о лице, осуществившем фактическое исполнение договорных обязательств, и действительных параметрах спорной операции, в случае, если контрагент, отраженный в документах фактически не исполнял договорные обязательства.

По сути, представленные выше изменения (дополнения) в пп. 1 п. 2 ст. 54.1 Кодекса представляют собой «налоговую реконструкцию» и введение вышеуказанных норм должно упорядочить применение ст. 54.1 НК РФ и дать определенные гарантии налогоплательщикам для защиты своих прав при проведении проверок, а налоговым органам дать четкие понятия того, что необходимо доказывать в ходе проведения проверок.

ФНС России уже неоднократно анонсировало, что основной приоритет налоговой службы – это улучшение качества оказываемых услуг, при этом введение норм статьи 54.1 Кодекса должно было дать дополнительные гарантии налогоплательщикам, защитить их права при проведении камеральных и выездных проверок. При этом налоговая служба указала, что налоговые органы должны проводить налоговые проверки более пристально и вдумчиво, не нарушая прав налогоплательщиков, о чем указала в письме от 31.10.2017 N ЕД-4-9/22123@ [18].

При этом, по мнению налоговой службы, статья 54.1 Кодекса подразумевает, что налогоплательщик является субъектом добросовестных налоговых правоотношений – как одного из принципов правового государства до того момента, как налоговый орган не докажет обратного.

С момента, как статья 54.1 была введена в Налоговый кодекс РФ, прошло уже более четырех лет, а для сферы налогообложения данный период является целой эпохой. При этом, судебная практика по указанной статье до настоящего времени так еще и до конца и не сформирована.

В конце 2018 года налоговая служба (письмо ФНС России от 29.12.2018 N ЕД-4-2/25984 [21]) указала, что налогоплательщик вправе сам выбирать бизнес-структуру, в рамках которой он будет осуществлять налоговые правоотношения.

Однако в этом же письме налоговая служба обратила внимание налогоплательщиков, что для них существует возможность добровольного уточнения своих налоговых обязательств, без применения штрафных санкций, если они сами пересчитают налоги, в случае применения схем уклонения от налогообложения.

После большого количества споров по фактам применения норм ст. 54.1 Кодекса, ФНС России выпусти-

ло большое письмо (от 10.03.2021 N БВ-4-7/3060@ [22]) с рекомендациями по применению данной статьи.

Однако данные рекомендации в настоящее время так и дают в полной мере оценить, как должен действовать налогоплательщик, например, при заключении договора, когда с контрагентом должен быть заключен государственный контрагент, так как именно он выиграл тендер в рамках государственных закупок, при этом у него нет численности, имущества, иных активов. И какие действия в данной ситуации должен предпринять налоговый орган.

Нельзя не указать позицию Верховного Суда РФ, озвученную в обзоре судебной практики ВС РФ N 2 (2021) (утв. Президиумом ВС РФ 30.06.2021)), где отмечено, что если налогоплательщик целенаправленно и согласовано с другими лицами участвовал в схемах уклонения от налогообложения, то ему должно быть полностью отказано в налоговых вычетах по НДС.

Однако не понятно, что суд имел в виду, указывая о согласованных действиях и какими документами, фактами это должны быть подтверждено.

Введение статьи 54.1 Кодекса, рассматривалась как революционная норма, способная упорядочить контрольную работу налоговых органов и дать новые права налогоплательщикам.

При этом, если провести аналогию, то еще в далеком 2004 году Конституционный Суд РФ (Определение от 04.11.2004 N 324-О [4]) указал, что налогоплательщику может быть отказано в применении налоговых вычетов по НДС, если фактически источник для формирования НДС не был сформирован. А в 2021 году Верховный Суд РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.01.2021 N 309-ЭС20-17277 [14]) подтвердит, что ранее устоявшаяся судебная практика (до введения ст. 54.1 Кодекса), в части исчисления НДС, по существу федеральным законодателем изменена не была, с принятием ст. 54.1 Кодекса. Так по смыслу п. 1 ст. 54.1 НК РФ налогоплательщик отвечает за недостоверность сведений, отраженных в учете, при этом такие же требования предъявлялись и ранее.

Таким образом, как и до введения ст. 54.1 Кодекса, Верховный Суд РФ, уже в 2021 году, по сути указал, что налогоплательщик отвечает за действие свои контрагентов.

28.07.2021 ФНС России выпустило новое письмо N БВ-4-7/10638 [24], с обобщением судебной практики Конституционного и Верховного судов РФ, по принятым судебным актам во втором квартале 2021 года. В котором основной акцент делался на то, чтобы налогоплательщик, при наличии у него рискованных операций, сам должен уточнить свои налоговые обязательства, при этом не понятно, в какой сумме необходимо уточнить данные налоговые обязательства и должно ли добровольное уточнение налоговых обязательств оформляться каким-либо документом, кроме представления уточненной налоговой декларации

Рассматривая неоднозначность складывающихся взаимоотношений налогоплательщиков и налоговых органов, в рамках ст. 54.1 Кодекса, можно найти и ряд положительных моментов, складывающихся в пользу налогоплательщиков:

- позиция Конституционного Суда РФ, указанная в Определении от 25.11.2020 N 2823-О [5], об исключении в рамках налоговых проверок формального одностороннего подхода к нацеленности налоговых органов исключительно на доначисление налогов;

- возможность применения налогоплательщиком «налоговой реконструкции». Верховный суд подтвердил право на «налоговую реконструкцию», а также на ее актуальность после введения ст. 54.1 в Кодекс, однако подчеркнул, что применение этого механизма поставлено в зависимость от роли налогоплательщика в причинении ущерба казне.

В заключении хотелось бы отметить, что нормы ст. 54.1 Кодекса, в той редакции, в которой они существуют в настоящее время не позволяют четко определять, что необходимо делать налогоплательщику при заключении договоров с контрагентами, должен ли он отвечать за других контрагентов по цепочке операций, с которыми у него не было непосредственных договорных отношений. Не урегулирован вопрос, какие действия должны предпринимать налоговые органы, направленные на то, чтобы доказать согласованность действий налогоплательщика с другими контрагентами. Не регламентирована процедура «налоговой реконструкции», не установлены четкие критерии ее проведения.

При этом, налогоплательщикам нужно четко понимать, что после введения в НК РФ статьи 54.1, проверка контрагента перед заключением договора стала обязательной процедурой.

Ошибки в оформлении первичных документов, счетов-фактур ушли в прошлое, налоговые органы теперь проверяют реальность сделки, а не правильность оформления документов, что является вполне логичным.

Проверка деловой репутации контрагента, экономическая обоснованность заключения договора, именно с данным лицом и другие значимые сведения, теперь являются обязательным элементом перед заключением договора с контрагентом. Данные критерии в итоге сложились в такое понятие как «коммерческая осмотрительность», соблюдении которой гарантирует налогоплательщику, в большей степени, налоговое благополучие и отсутствие значимых претензий со стороны налоговых органов.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ: принят Государственной Думой 16 июля. 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.: [ред. от 18 июля 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ: принят Государственной Думой 07 июля 2017 г.: одобрен Советом Федерации 12 июля 2017 г.: [ред. от 18 июля 2017 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 30. Ст. 4443.
3. О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 N 163-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-7/16152@: [ред. от 16 августа 2017 г.]. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно -правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 ноября 2004 г. № 324-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 г. № 2823-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г.) // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/30181> (дата обращения: 20.11.2021)
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 03 июля 2012 г. № 2341/12. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2018 г. по делу № А67-4506/2016. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06 марта 2018 г. № 304-КГ17-8961. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05 апреля 2018 г. № 305-КГ17-20231. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. № 307-ЭС19-8085. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-9789. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 305-ЭС19-16064. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
14. Определение Верховного суда Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2021 г. N 309-ЭС20-17277 по делу № А76-2493/2017. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2021 г. № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. No 308-ЭС21-364 по делу No А20-5385/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: КонсультантПлюс: [справочно-правовая система], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

17. О направлении информации: письмо Федеральной налоговой службы от 5 июля 2018 г.: URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

18. Письмо Федеральной налоговой службы России от 31 октября 2017 г. No ЕД-4-9/22123@) // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/7465350 (дата обращения: 20.11.2021).

19. Письмо Федеральной налоговой службы России от 05 июля 2018 г. No СА-4-7/12933@: URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

20. Письмо ФНС России от 29 декабря 2018 г. No СА-4-7/26060. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

21. Письмо ФНС России от 29 декабря 2018 г. No ЕД-4-2/25984. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

22. Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. No БВ-4-7/3060@: URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

23. Письмо ФНС России от 06 апреля 2021 г. No БВ-4-7/4549@: URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки.

24. Письмо ФНС России от 28 июля 2021 г. No БВ-4-7/10638. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 20.11.2021). Режим доступа: Гарант: [справочно-правовой портал], свободно из локальной сети Красноярской краевой библиотеки

References

1. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii. Чл. 1: Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 1998 goda No 146-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 16 iyulya. 1998 g.: odobren Sovetom Federacii 17 iyulya 1998 g.: [red. ot 18 iyulya 2021 g.]. Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998. No 31. St. 3824.

2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: Federal'nyj zakon ot 18 iyulya 2017 g. No 163-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 07 iyulya 2017 g.: odobren Sovetom Federacii 12 iyulya 2017 g.: [red. ot 18 iyulya 2017 g.]. Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2017. No 30. St. 4443.

3. О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 N 163-FZ "О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: пис'мо FNS Rossii ot 16 avgusta 2017 g. No SA-4-7/16152@: [red. ot 16 avgusta 2017 g.]. Dokument opublikovan ne byl. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno -pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoy biblioteki.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 ноябрия 2004 г. No 324-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoy biblioteki.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноябрия 2020 г. No 2823-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoy biblioteki.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г.). Verhovnyj sud Rossijskoj Federacii: [sajt]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/30181> (дата обращения: 20.11.2021)

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 03 июля 2012 г. No 2341/12. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoy biblioteki.

8. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 yanvarya 2018 g. po delu No A67-4506/2016. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 26.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tant-Plyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

9. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06 marta 2018 g. No 304-KG17-8961. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 26.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 05 aprelya 2018 g. No 305-KG17-20231. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

11. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 sentyabrya 2019 g. No 307-ES19-8085. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

12. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 sentyabrya 2019 g. No 305-ES19-9789. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 26.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

13. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 maya 2020 g. No 305-ES19-16064. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 26.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

14. Opredelenie Verhovnogo suda Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 yanvarya 2021 g. N 309-ES20-17277 po delu No A76-2493/2017. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

15. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 maya 2021 g. No 309-ES20-23981 po delu No A76-46624/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

16. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 maya 2021 g. No 308-ES21-364 po delu No A20-5385/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus: [spravochno-pravovaya sistema], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

17. O napravlenii informacii: pis'mo Federal'noj nalogovoj sluzhby ot 5 iyulya 2018 g.: URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 27.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

18. Pis'mo Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii ot 31 oktyabrya 2017 g. No ED-4-9/22123@). Federal'naya nalogovaya sluzhba: [sajt]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/7465350 (data obrashcheniya: 20.11.2021).

19. Pis'mo Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii ot 05 iyulya 2018 g. No SA-4-7/12933@: URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

20. Pis'mo FNS Rossii ot 29 dekabrya 2018 g. No SA-4-7/26060. URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

21. Pis'mo FNS Rossii ot 29 dekabrya 2018 g. No ED-4-2/25984. URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

22. Pis'mo FNS Rossii ot 10 marta 2021 g. No BV-4-7/3060@: URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki.

23. Pis'mo FNS Rossii ot 06 aprelya 2021 g. No BV-4-7/4549@: URL: [http:// www.garant.ru](http://www.garant.ru) (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki. URL: [http:// www.garant.ru](http://www.garant.ru) (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj krae-voj biblioteki.

24. Pis'mo FNS Rossii ot 28 iyulya 2021 g. No BV-4-7/10638. URL: [http:// www.garant.ru](http://www.garant.ru) (data obrashcheniya: 20.11.2021). Rezhim dostupa: Garant: [spravochno-pravovoj portal], svobodno iz lokal'noj seti Krasnoyarskoj kraevoj biblioteki

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «ОККУПАЦИЯ» В ПРОЦЕССЕ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. ЧАСТЬ I:
ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА – КОНЕЦ XVI ВЕКА**

**Жеравов Г.Г., начальник отдела
по учебно-методической работе,
Институт иностранных языков,
Российский университет дружбы народов**

***Аннотация:** изучение исторических аспектов развития международного права и семантической трансформации терминологических единиц, являют собой необходимый базис, способствующий более глубокому пониманию внутренних процессов формирования правовых норм в частности и международного права как правовой системы в целом. Основной целью данного исследования является изучение процесса развития и трансформации термина «оккупация» в рамках исторических процессов, сопутствующих зарождению и преобразованию международного права. В ходе исследования изучены основные этапы развития терминологических единиц, связанных с захватом и завладением территорий в историческом периоде от древних времен до конца XVI века. Неустанное развитие права, способствует всестороннему преобразованию семантических свойств терминов, используемых в различные периоды времени, в нашем случае – терминов «захват», «заятие», «завладение», «приобретение» и др., приведшее впоследствии к формированию термина «оккупация».*

***Ключевые слова:** завладение территорией, захват территории, оккупация, международное право, Римское право, международные отношения*

**THE EVOLUTION OF THE TERM ‘OCCUPATION’ IN
THE PROCESS OF THE INTERNATIONAL LAW DEVELOPMENT.
PART I: ANCIENT TIMES – LATE 16TH CENTURY**

**Zheravov G.G., Head of the Department
for Educational Methodical Work,
Institute of Foreign languages,
Peoples’ Friendship University of Russia**

***Abstract:** the study of historical aspects of the international law development alongside the semantic transformations of terminological units represent the necessary basis which facilitates a deeper insight into the inner processes of the formation of particular legal regulations and the whole legal framework of the international law. The main purpose of the research is to study the process of the development and transformation of the term ‘occupation’ within the context of historical processes accompanying the birth and transformation of the international law. The research establishes the main development stages of the terminological units connected with the seizure and acquisition of territories in the historical period from the ancient times to the end of the 16th century. The continuous development of the law contributes to the comprehensive transformation of the semantic properties of the terms used in different historical periods, such as the terms ‘seizure’, ‘capture’, ‘acquisition’, etc., which has eventually led to the formation of the term ‘occupation’.*

***Keywords:** acquisition of territory, seizure of territory, occupation, international law, Roman law, international relationships*

Стремление человечества к непрерывному развитию, амбициозность ведущих представителей общества, корыстные или благие намерения множества возвеличенных или забытых историей личностей привели к формированию современного устройства общества. Складывающаяся в различные исторические периоды конъюнктура способствовала развитию науки, техники и общественных отношений таким образом, что многие народы, несмотря на территориальную отдаленность друг от друга, прошли сквозь века от объединений в виде семей и кланов до построения демократических государств объединяющих огромные территории и одновременно развивающих идею правового государства, учреждающих международные организации и способствующих созданию транснациональных корпораций.

Но необходимо с сожалением признать, что несмотря на все достижения человечества, новейшая история в равной степени с историей древности испещрена войнами, насилием, захватом территорий и имущества, а также усеяна явными примерами агрессивного поведения в отношении друг друга, как отдельных

народов, так и многонациональных государств, что в свою очередь призывает всех ученых к более скрупулёзному и ответственному изучению ошибок предков для дальнейшего их недопущения потомками.

Приступая непосредственно к исследованию периодизации международного права в контексте изучения термина «оккупация», следует отметить, что тексты древних времен если и содержали используемые сегодня термины, то могли по мере развития международных отношений приобретать новые семантические особенности.

Также, в контексте данной статьи целесообразно учитывать особенности используемого понятийного аппарата, касательно термина «государство», а именно тот факт, что данный термин в силу исторических особенностей исследуемого периода может подразумевать не только государства в современном понимании, но равным образом относиться и к их историческим предшественникам (города-государства, полисы, номы и др., т.е. субъекты представляющие себя в качестве отдельных административных единиц и не имеющие над собой единой централизованной власти).

В древние времена в каждом из государств преобладали воззрения превосходства определенной народности над другой, что в свою очередь предопределяло внешние отношения как факт маловероятный или носящий исключительный характер. Данные особенности подкреплялись отсутствием четких территориальных границ и всеобщим убеждением о законности захвата территорий других народов.

Ф.Ф. Мартенс, в трактате «Современное международное право цивилизованных народов» [6, с. 29] указывал на особые обычаи различных народов, возникшие из убеждений о собственном превосходстве над остальными (схожее мнение также высказывал Ф. Лист [5, с. 18]), в т.ч. по причине уверенности в обладании исключительными правами представительства богов на земле, что в свою очередь приводило к опасениям оскорбить божественный дар и богов в случае поддержания сношений с другими народами (в труде перечислены следующие народности: Индусы, Иудеи, Персы, Финикияне). Данные обычаи добросовестно соблюдались и регламентировали основные базисы отношений между нациями на протяжении многих веков, но в процессе ведения захватнических войн, у народов возникла необходимость в установлении общности между воюющими сторонами, что в свою очередь привело к появлению зачатков международных отношений. Явными примерами развития общества в данном направлении может служить отмеченный Ф.Ф. Мартенсом факт положительного влияния победы Греции в Мидийских военных кампаниях, приведшей к развитию в дальнейшем торговых сношений между народами Греции и Персии. Впоследствии, сторонниками развития международных сношений посредством осуществления завоеваний был как Александр Македонский, так и великие Римские полководцы, несшие европейскую культуру побежденным народам Азии и Африки.

Л. Оппенгейм, проводя сравнительный анализ периода зарождения международного права с современным международным правом, несмотря на частые соприкосновения и невозможность абстрагирования одного народа от других, пришел к выводу об отсутствии возможности соединения всех цивилизованных государств в единое общество народов до достижения определенного этапа развития человечества.

Л. Оппенгейм полагал, что народы, находящиеся на начальном этапе развития сношений, участвуя в войнах, заключая мирные договоры, налаживая торговлю и контактируя посредством направления послов, были вынуждены формировать базовые обыкновения и правила взаимодействия друг с другом. В силу верований того времени, подобные обыкновения и правила по мнению некоторых народов становились объектом пристального контроля богов, в связи с чем их нарушение влекло за собой ещё и религиозные последствия [8, с. 86].

Учитывая возникновение подобных обыкновений и поступательные движения на пути к развитию права международных отношений древних времен, необходимо отметить, что даже сам факт **наличия сношений** для некоторых народов играл чрезвычайно важное значение, и особенно – при ведении войн. В труде «Международное право» Л. Оппенгейм, подтверждая данный тезис приводит пример, в котором указывает, что народы семитского происхождения в случае принятия участия в войнах с представителями этносов к которым они относятся как к «заключенным врагам» [8, с. 86], использовали более жестокие принципы и способы ведения войн нежели к тем с кем не являлись «заключенными врагами».

Данный принцип отнесения народности к разряду **«заключенных врагов»** применялся и в практике построения внешних сношений, что подтверждается **отсутствием сношений** с амалекитянами. В остальных случаях народы семитского происхождения **поддерживали сношения** с другими нациями и принимая во внимание особенности существующих в то время моральных принципов, использовали способы ведения войны не отличающиеся особой жестокостью [8, с. 86].

Рассматривая факты ведения войн в контексте изучения термина «оккупации» следует также заметить, что в этот период времени, все завоевания были легализованы, и ни перед одним государством не

стояло как таковых запретов в отношении завоевания и присоединения чужих земель к своим территориям, кроме случаев наличия мирных или иных договоров. В случае же заключения международных соглашений (в т.ч. мирных договоров) в них зачастую указывались условия дальнейшего поддержания взаимоотношений между подписантами – государями. Примером этому может служить, старейшее на сегодняшний день соглашение о заключении мира – «Мирный договор между Хаттусили и Рамсесом II» от 2369 г. до н.э., который включил в себя взаимное обязательство не воевать и не захватывать имущество другой стороны, что было выражено в следующем тексте: «И вовеки не вступит великий князь страны хеттов на землю египетскую, чтобы захватить имущество ее, и вовеки не вступит Рамсес II, великий правитель Египта, на землю [хеттскую, чтобы захватить имущество] ее».

Примечательно, что в древние времена под «**захватом имущества**» подразумевался как захват материальных ценностей, так и захват территорий, на что необходимо обращать внимание при изучении текстов данного периода.

Анналы и надписи Ассирийских царей IX-VII вв. до н.э. преимущественно передают события захватнических и грабительских войн, которые почти непрерывно в эти столетия вела Ассирия [10, с. 193]. В контексте изучения термина «оккупация» важен факт употребления в документах того времени, в равной степени с термином «захват» земель, понятий «**приобретение**», «**подчинение**» и «**присвоение**», что означало переход к захватчику всей власти над определенной территорией.

В Главе VII Законов Ману, регламентирующей аспекты управления государством (в т.ч. ведения войн) содержались нормы, регламентирующие переход права собственности (на материальные ценности, женщин и др.) в случае произведения воинами их «захвата». Также, в данной главе содержатся нормы, поощряющие стремление завоевателей «**[приобрести] силой (danda)**» собственность, доселе им не принадлежащую. Для достижения цели «**подчинения**» противников, рекомендовалось пользоваться четырьмя способами: проведение переговоров; произведение внутреннего раскола; осуществление подкупа; применение силы.

Помимо стратегических способов реализации захватнической политики, в данном трактате также описывались тактические приемы «**подчинения (samgraha)**» страны противника, а именно – необходимость размещения отрядов войск между деревнями, а также назначение старосты (adhipati) для каждой из деревень и управителей (pati) десяти, ста и тысячи деревень. Подобные способы осуществления подчинения страны схожи с современным осуществлением «эффективного контроля» над захваченной территорией [4, с. 135-136].

Помимо Законов Ману, обстоятельства «захвата» и «присвоения» территорий указаны в Бисутунской надписи, описывающая военные походы Царя Персии Дария I: «В свою очередь Царство, которое Гаумата-маг отнял у Камбиза, принадлежало искони нашему народу. И Гаумата-маг отнял у Камбиза и Персию, и другие провинции, захватил [их], присвоил [их] себе, стал царем» [10, с. 256]. Также, подобные обстоятельства упоминаются в других исторических документах (примером тому могут служить: изложение об образовании Мидийского государства [10, с. 251-254]; поход Дария I в Скифию [10, с. 267-268] и другие письменные источники).

В Греческих источниках, несмотря на отсутствие как таковой разницы по существу, наличествуют различия в форме изложения термина «захват территории». Так, рассматривая в качестве примера предшествовавшие Анталкидову миру события, следует вспомнить упоминание в абзаце 73 книги 5 «Терпсихора» труда «История» Геродота о предоставлении «земли и воды» [1, с. 259], что в обозначенный период было синонимично «**признанию над собой верховной власти**» [11, с. 81].

Также, в рамках данного исследования невозможно оставить без внимания наиболее наглядную и оказавшую существенное влияние на развитие международно-правовых учений, а в последствии и на становление современного международного права в целом – правовую систему, сформировавшуюся и регулирующую общественную жизнь множества народов на обширной европейской территории начиная с VIII века до н.э. и заканчивая VI веком н.э. – Римское право.

Многовековая история правовой мысли Римской империи достигла своего апогея к середине VI века и была выражена в правовом сборнике, кодифицировавшем в том числе нормы «права народов» (ius gentium) Римской империи под названием – «Corpus Juris Civilis», а также в трудах известных ученых.

Согласно изложенного в трудах Исидора Севильского о «Началах» (Origines) и «Этимологии» (Etymologiae)» [3, с. 14]: «Право народов составляют: **занятие**, застроение и укрепление мест, войны, плен, рабство, постлимиины, [союзы], мирные договоры, перемирия, священный долг не оскорблять послов и запрещение браков между чужеродцами; правом же народов [эти институты называются] потому, что этим правом пользуются почти все народы» [3, с. 15].

Данное определение было заимствовано Исидором Севильским из учений Ульпиана, и хотя непосредственно в «Corpus Juris Civilis» не использовалось, оно впоследствии было закреплено в декрете Грациана и учениях канонистов. Окончательно же данное определение было принято в качестве основы для формирования международного права на основе Римского права лишь в XVII веке [3, с. 17].

Исследуя непосредственно право завладения, следует отметить, что Римским правом устанавливались два вида «завладения»: по частному праву и по международному праву.

Завладение по частному праву касалось никому не принадлежащих вещей, т.к. в Древнем Риме чужеземцы считались бесправными – они могли быть взяты в рабство, а их вещи признавались «*res nullius*» (перевод: «бесхозная вещь»). В данном случае было два основания для приобретения права собственности: «оккупация» (*occipatio*) – подразумевающая под собой обращение в свою собственность имущества, которое никому не принадлежит; и «дереликция» (*derelictio*) – осуществление отказа от собственности (противоположное оккупации понятие) [2, с. 29-35].

Завладение по международному праву касалось вещей, которые были захвачены в войне (*occipatio bellica* – перевод «военная оккупация»). При этом военное завладение распространялось как на вещи, так и на людей.

В.Э. Грабарь отмечал, что согласно воззрениям Римской империи, война считалась одним из способов приобретения **права собственности над территорией путем завладения**, в результате чего, даже лица, попавшие в плен к неприятелю становились его собственностью (рабами) [3, с. 80]. (Карл Маркс в своей работе «Критика философии государственного права Гегеля» указывал, что само рабство как явление объясняется правом войны, правом оккупации [6, с. 614]).

Обращая внимание на некоторые аспекты, как частного, так и публичного Римского права регламентирующего особенности ведения войн, становится ясна взаимосвязь терминов «права завладения» и «права занятия». Некоторые аспекты сопоставления данных понятий были освещены в труде «Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV веков», в котором автор (В.Э. Грабарь) указывал, что в случаях, когда мирные граждане не пользовались правовой охраной и теряли свою свободу, будучи захваченными врагами, их имущество, **захваченное неприятелем в качестве военной добычи (*praeda*)** имущество становилось собственностью захватчика, т.к. отождествлялось с вещью не имеющей владельца, в итоге чего законно переходило в собственность оккупанта.

При этом, недвижимое имущество, воспринимаемое в качестве публичной собственности, переходило в собственность государства, в то время как движимое, считалось частной собственностью и становилось имуществом лица, которое впервые фактически завладело им, отняв у неприятеля.

С точки зрения международного права вышеуказанное отличие не имеет существенного значения, т.к. всё имущество переходило во владение неприятеля, самостоятельно определявшего способ распределения добычи между гражданами и государством.

В свою очередь рассматривая вопрос о статусе вещей, захваченных неприятелем и после определенного промежутка времени – отбитых обратно требовалось определить момент, с которого захваченная вещь перешла в собственность оккупанта. Согласно мнению В.Э. Грабаря – **данный момент наступал, когда терялась надежда на возможность возвращения вещи**. При этом данный временной промежуток определялся различно для вещей движимых и недвижимых.

Так, движимое имущество в том случае, если неприятель скрывал его в безопасном месте на своей территории или в своем лагере (*intra praesidia*) считалось безвозвратно утраченным (прежний собственник терял на него все имеющиеся ранее права), а в международном обороте данное имущество признавалось приобретенным захватчиком законным образом и не могло быть виндцировано прежним собственником даже в том случае, если бы данная вещь вновь очутилась в пределах территориальных владений его первоначального государства. Но с целью урегулирования юридических последствий от подобных ситуаций юристы того времени применяли к некоторым предметам (к рабам и вещам, служившим для военных целей, исключая оружие и одежду солдата) фикции постлиминии. Подобно тому, как военнопленный, освободившийся из рабства, считался не терявшим своей свободы, так и предметы, захваченные неприятелем и затем снова возвратившиеся в границы первоначальной или приятельской территории, считались вовсе не менявшими собственника.

Территория в свою очередь (в т.ч. находящееся на ней недвижимое имущество), несмотря на факт «завладения неприятелем», меняла свой правовой статус исключительно по результатам окончания войны. Таким образом, с юридической точки зрения земли и всякая недвижимость на протяжении всего периода ведения войны оставалась собственностью первоначального владельца, хотя фактически собственник не был в со-

стоянии осуществлять своих прав. По итогам ликвидации фактических препятствий (вытеснения захватчика из занятой им территории), существовавшие прежде правовые отношения восстанавливались.

В.Э. Грабарь также отмечает, что Римские юристы, как и некоторые глоссаторы не применяли фикции к недвижимым вещам, но несмотря на это в Глоссе существовало не вполне ясное представление о действительном их значении, в связи с чем постлиминии начали отождествляться с фактическим восстановлением владения, нарушенным вследствие войны: "Заметь, говорит Ацо, что по отношению к земле соблюдаются иные правила, чем по отношению к вещам движимым. Ибо движимость принадлежит неприятелям и имеет постлиминии, земля же не принадлежит никому в частности, и не говорится, что землей **завладели (occu-pari)**, а что ее **заняли (invadi)**; занимают же все, или вся община, а не кто-нибудь в отдельности. Поэтому и следует говорить, что она принадлежит неприятельской общине".

Позднейший глоссатор счел нужным прибавить к этим словам свое замечание: «но разумеется, и о недвижимости говорят, что она получается обратно в силу права постлиминии». В смысле этой именно позднейшей прибавки понимают право постлиминии последующие юристы, отождествляя постлиминии с восстановлением владения, фактически нарушенного во время войны» [3, с. 84-86].

Последующие несколько веков представляют собой период выдвижения на первое место теологических воззрений, что, в свою очередь, сопровождается сопоставлением норм Римского права с христианскими основами. После распада Римской империи, сформировавшаяся за века правовая система благодаря своей космополитичности и идее единства права смогла сохраниться в быстро меняющихся исторических условиях, хотя и была отодвинута на второй план. Основное место в этот период начинает занимать Богословие. Подтверждением тому может служить Фульдская летопись 876 года, содержащая описание нападения Карла Лысого на владения Людовика Немецкого: «отправил между тем послов к Карлу, говоря: зачем ты вступил войной против меня, когда предписано древнему (**т.е. ветхозаветному**) народу начинать войну даже с чужеземными народами только после того, как они отвергли предложенный им мир» [3, с. 17]. Как видно из цитаты, ссылки на нормы Римского права уже не используются, а вместо них авторы обращаются к рассказам о ветхозаветных войнах из Библии.

При этом Библия как правовой источник предоставляла достаточное количество примеров урегулирования отношений между народами, в связи с чем духовенство средних веков продолжило ранее описанную в трудах отцов церкви практику применения ветхозаветных международно-правовых представлений в отношениях между народами [3, с. 18].

Учитывая сложную систему регулирования междоусобных войн священнослужителями, предположительно в 975 г. на ассамблее в Сен-Жермен Лапраде (Франция) впервые было предложено заключить соглашение о так называемом «Божьем мире», ограничивающем воюющие стороны от использования насилия в отношении определенных категорий лиц, не обладавших правом ношения оружия (*inarmes*), таких как клирики, купцы, крестьяне и другие. Впоследствии, действие данного соглашения начало распространяться по всей территории Европы.

Подобное положение вещей прослеживается вплоть до XI века, после чего в некоторых документах начинают встречаться идеи, указывающие на возрождение Римского права. Одним из таких документов – Польская летопись 1109 года в которой содержится заявление посольства Генриха V к Болеславу Храброму, гласящее: «Недостойно императора и **римскими законами возбранено** вступать **враждебно в пределы неприятеля**, в особенности же своего вассала, не предложив ему предварительно мира если бы он пожелал принять его, или в случае отказа, не предупредив его о войне, чтобы дать ему возможность приготовиться к ней» [3, с. 20].

Последующее развитие права международных отношений находит продолжение в доктринальных исследованиях ученых болонской (глоссаторской) и комментаторской (постглоссаторской) школ, изучающих нормы римского права. В работах исследователей данной эпохи прослеживаются попытки соединения идей феодального (лангобардского) права и Римского права (что в свою очередь является понятным обстоятельством, т.к. при изучении любых исторических норм – происходит их логичное переключивание на современные реалии, что в свою очередь произвольно способствует их инкорпорации в новые нормы), но при этом отсутствует как таковое развитие последнего.

Активно развивающиеся в последующие нескольких веков национальное (феодалное) право и церковное право регулировали частноправовые и публичные отношения исключительно в зависимости от территориального подчинения (при этом нормы права могли существенно отличаться у разных правителей), а любые споры, возникающие в этот период, решались на основании вещного права. Феодальный строй не осуществлял разделение между частными и публичными отношениями, все землевладельцы становились собственниками и повелителями в одном лице, при том, что наличие **собственности (dominum)** автоматически становилось основанием для **получения власти (imperium)**. «Собственность и власть сливались в

феодалной Европе в одном представлении **господства над землей (территорией)** и всем, что находится в её пределах» [3, с. 33].

Тем более необычным кажется факт проведения в Священной Римской империи реформы 1495 г., посредством которой был учрежден высший судебный орган Священной Римской империи – Имперский камеральный суд (Reichskammergericht), учреждение которого стало важной вехой на стадии возрождения Римского права, как действующей правовой системы. Данную реформу можно назвать поворотным моментом в формировании на территории Европы правовой системы, базирующейся на нормах Римского права.

Параграф 3 Устава Имперского камерального суда содержал указание на необходимость принятия решений прежде всего «на основании общего права Империи» (*nach des Reichs gemeinen Rechten*), т.е. на основании Римского права. При этом «честные, почтенные и хорошие правила, установления и обычаи» (*redliche, ehrbare und leidliche Ordnungen, Statuten und Gewohnheiten*), на которые могли ссылаться стороны имели второстепенное значение. Таким образом, действие Римского права было закреплено на законодательном уровне.

Нужно понимать, что подобные реформы были вызваны, прежде всего необходимостью унификации законодательства и способствовали централизации власти. Имперским камеральным судом рассматривались в равной мере со спорами между субъектами империи (как церковными, так и светскими княжествами, свободными городами и рыцарями) споры, возникающие между монархами государств входящих в империю, споры между сословиями, жалобы на действия императора, а также апелляции и кассации на решения судов низших инстанций [9, с. 215].

Данный суд был одним из немногих элементов, объединявших в единую политическую систему сотни немецких государств и полунезависимых владений [9, с. 217].

Разрозненность и нестабильность, вызванная отсутствием объединяющей правовой системы, на протяжении многих веков приводила к систематическим войнам и непрекращающимся захватам территорий соседствующих княжеств. Появление же судебных органов, принятие главенствующих норм права содержащих систему сдержек и противовесов начали укреплять государственность и создавать основу для единения земель и последующего расширения владений за счет неисследованных земель. Проведение подобных Имперских реформ (1495 г., а впоследствии 1555 г.) оказало существенное влияние на дальнейшее правовое развитие всей Европы, в том числе на развитие *jus gentium* и *jus ad bellum*.

Таким образом, на протяжении нескольких тысячелетий, каждый народ имел в своей культуре терминологические единицы, имеющие сходные семантические значения, обозначающие получение в собственность территории, такие как «согласие на передачу земли и воды», «*danda* – приобретение силой», «захват», «приобретение», «отнятие», «подчинение», «присвоение» и др.

Только в процессе развития Римского права, появляются новые идеи закрепленные в нормы права, посредством которых производится своеобразная модернизация понятийного аппарата международных сношений, в процессе которого на первый план выходит два термина: «захват» – описывающий переход территории и имущества в собственность и «завладение» – описывающий процесс владения территорией и собственностью без как такового признания права собственности за стороной, произведшей завладение. Данные понятийные особенности не были забыты и в средние века в связи с чем в той или иной степени стали основой международного права. Благодаря этому, в международном праве и появилось понятие «*occupatio*» (*перевод – завладение*).

Литература

1. Геродот. История в девяти книгах: пер. и примечания Г.А. Стратановского. Л.: Изд-во «Наука», 1972. 600 с.
2. Гончаров И.А. Актуальные вопросы института собственности в римском частном праве // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 29 – 35.
3. Грабарь В.Э., Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII-XIV веков. 1911. 209 с.
4. Законы Ману: пер. с санскрит. С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным; Предисл. Г.Ф. Ильина. Москва: Изд-во вост. лит., 1960. С. 135 – 136.
5. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении: перевод с шестого немецкого издания / под ред. и с доп. проф. В.Э. Грабаря). Юрьев (Дерпт): «Типография К. Маттисена», 1917 г. 574 с.
6. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения. Т. 1. Критика философии государственного права Гегеля. 1938. С. 614.
7. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2-х т. Т. 1. / под ред. с биографическим очерком д.ю.н., проф. В.А. Томсинова. М.: «Зерцало», 2008. 368 с.

8. Оппенгейм Л. Международное право: в 2-х т. Т. 1, полутом 1: пер. с 6-го английского издания, дополненного Р. Лаутерпахтом под ред. и с предисловием проф. С.Б. Крылова. М.: «Государственное издательство иностранной литературы», 1948. 408 с.
9. Турыгин А.А. Имперский камеральный суд в Германии и его история // Научный журнал Вестник РГГУ. 2012. № 3 (83). С. 217.
10. Хрестоматия по истории древнего мира: в 3т. Т. 1 Древний Восток / под ред. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950. 361 с.
11. Эренберг В. От Солона до Сократа. Греческая история и цивилизация на протяжении 6-5 веков до н.э. Нью Йорк: Taylor & Francis e-Library, 2010. С. 81.

References

1. Gerodot. Istoriya v devyati knigah: per. i primechaniya G.A. Stratanovskogo. L.: Izd-vo «Nauka», 1972. 600 s.
2. Goncharov I.A. Aktual'nye voprosy instituta sobstvennosti v rimskom chastnom prave. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2020. № 3. S. 29 – 35.
3. Grabar' V.E., Rimskoe pravo v istorii mezhdunarodno-pravovyh uchenij: Elementy mezhdunarodnogo prava v trudah legistov XII-XIV vekov. 1911. 209 с.
4. Zakony Manu: per. s sanskrit. S.D. El'manovicha, prover. i ispr. G.F. Il'inym; Predisl. G.F. Il'ina. Moskva: Izd-vo vost. lit., 1960. S. 135 – 136.
5. List F. Mezhdunarodnoe pravo v sistematischeskom izlozhenii: perevod s shestogo nemeckogo izdaniya. pod red. i s dop. prof. V.E. Grabarya). YUr'ev (Derpt): «Tipografiya K. Mattisena», 1917 g. 574 s.
6. Marks K. i Engel's F., Sochineniya. T. 1. Kritika filosofii gosudarstvennogo prava Gegelya. 1938. S. 614.
7. Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov: v 2-h t. T. 1. pod red. s biograficheskim ocherkom d.yu.n., prof. V.A. Tomsinova. M.: «Zercalo», 2008. 368 s.
8. Oppengejm L. Mezhdunarodnoe pravo: v 2-h t. Т. 1, полутом 1: пер. с 6-го английского издания, дополненного Р. Лаутерпахтом под ред. и с предисловием проф. С.Б. Крылова. М.: «Государственное издательство иностранной литературы», 1948. 408 с.
9. Турыгин А.А. Имперский камеральный суд в Германии и его история. Научный журнал Вестник РГГУ. 2012. № 3 (83). С. 217.
10. Хрестоматия по истории древнего мира: в 3т. Т. 1 Древний Восток. под ред. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950. 361 с.
11. Erenberg V. Ot Solona do Sokrata. Grecheskaya istoriya i civilizaciya na protyazhenii 6-5 vekov do n.e. N'yu Jork: Taylor & Francis e-Library, 2010. S. 81.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЛИЦ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**Баглай Ю.В., кандидат юридических наук, доцент,
Костенко О.Ю., преподаватель,
Оренбургский государственный университет**

***Аннотация:** статья посвящена исследованию уголовно-правовых средств обеспечения защиты лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, закрепленных в законодательстве РФ и Республики Казахстан. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан не может в полной мере обеспечить уголовно-правовую защиту сотрудников оперативно-розыскной деятельности, которые нередко включаются в состав оперативно-следственных групп, действуют по отдельным поручениям и проводят неотложные следственные действия. Проблема, в том числе, заключается в сложности уголовно-правовой оценки действий виновных при причинении вреда сотрудникам уголовного розыска в ходе выполнения ими профессиональных обязанностей, например при задержании преступников. Указанные лица всегда находятся в зоне риска. В статье авторы проанализировали законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан, регулирующее уголовно-правовые средства защиты сотрудников оперативно-розыскной деятельности, а также выявили основные проблемы его применения на практике. Статья содержит анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Авторами выдвинуты предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства в указанной сфере.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, законодательство, преступление, представитель власти, уголовно-правовая защита, сотрудник правоохранительного органа, уголовный закон, интересы правосудия*

**CRIMINAL LEGAL MEANS OF ENSURING THE PROTECTION OF
PERSONS ENGAGED IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE
RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

**Baglay Yu.V., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kostenko O.Yu., Lecturer,
Orenburg State University**

***Abstract:** this article is devoted to the study of criminal legal means of ensuring the protection of persons engaged in operational investigative activities, enshrined in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

The relevance of the research topic is due to the fact that at present the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan cannot fully provide criminal protection for employees of operational investigative activities, who are often included in operational investigative groups, act on separate orders and carry out urgent investigative actions. The problem, among other things, lies in the complexity of the criminal legal assessment of the actions of the perpetrators when harming criminal investigation officers in the course of their professional duties, for example, when detaining criminals. These persons are always at risk. In the article, the authors analyzed the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan regulating criminal legal means of protecting employees of operational investigative activities, and also identified the main problems of its application in practice. The article contains an analysis of statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The authors put forward proposals to improve the Russian criminal legislation in this area.

***Keywords:** operational investigative activity, legislation, crime, government representative, criminal legal protection, law enforcement officer, criminal law, interests of justice*

Ни одно государство не может эффективно функционировать без обеспечения своей безопасности. Основой этого является правоохранительная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность (далее по тексту ОРД) выступает одним из направлений, обеспечивающих законность и правопорядок в обществе. Следует отметить, что сотрудники оперативно-розыскной деятельности являются представителями власти. Однако, обеспечивая безопасность всего общества, сотрудники ОРД сами нередко оказываются в ситуациях, которые требуют разрешения только с применением уголовно-правовых средств.

К сожалению, все, что касается деятельности сотрудников ОРД, а также обеспечения их безопасности не относится к общедоступным данным.

Анализ судебной статистики по Российской Федерации показывает следующее.

Преступлений в отношении представителей власти, предусмотренных ст.ст. 317-319 УК РФ в 2020 совершено 15054. Из них к лишению свободы приговорено – 1767 человек (3 – пожизненно), условно осуждены – 2820 лиц, 39 приговорены к ограничению свободы, 1812 человек к исправительным работам, 2024 – к обязательным работам, 28 лиц – к принудительным работам, 6178 – к штрафу.

К сравнению, в 2019 году указанных преступлений было совершено 15600. Из них к лишению свободы приговорено 1845 человека (2 – пожизненно), к условному осуждению – 2840 лиц, 42 приговорены к ограничению свободы, 1922 человека к исправительным работам, 2192 – к обязательным работам, 46 лиц – к принудительным работам, 6374 – к штрафу.

В 2018 году преступлений против представителей власти совершено 16891. Пожизненно лишены свободы 6 человек, к срочному лишению свободы приговорены 1945 человек, условно осуждены – 3025 лица, 27 приговорены к ограничению свободы, 2045 человек к исправительным работам, 2370 – к обязательным работам, 36 лиц – к принудительным работам, 7019 – к штрафу.

В 2017 году таких преступлений было совершено 17551. Лишены свободы пожизненно 3 человека, к срочному лишению свободы осуждены 2046 человек, условно осуждены – 3324 лица, 32 приговорены к ограничению свободы, 1946 человек к исправительным работам, 2572 – к обязательным работам, 11 лиц – к принудительным работам, 7165 – к штрафу.

В 2016 году указанных преступлений было совершено 18174. Из них осуждены пожизненно к лишению свободы 10 человек, к срочному лишению свободы – 2258 человек, условно осуждены – 3747 лица, 17 приговорены к ограничению свободы, 1887 человек к исправительным работам, 2348 – к обязательным работам, 263 человека – к принудительным работам, 7420 – к штрафу.

За 2015 год преступлений, предусмотренных ст.ст. 317-319 УК РФ совершено 16082. К пожизненному лишению свободы никто не приговорен, к срочному лишению свободы – 2084 человека, условно осуждены 3830 лиц, к ограничению свободы – 11, 1489 лиц должны были отбывать исправительные работы, 1583 – обязательные работы, 234 человека – принудительные работы. Наказание в виде штрафа назначено 6376 осужденным [1].

Таким образом, с 2016 года отмечается некоторое снижение количества совершаемых преступлений в исследуемой сфере. Однако, в последние годы очень мало преступлений указанной направленности прекращаются за примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием. Так, за примирением с потерпевшим в 2015 году прекращено 836 дел, в 2016 году – 802, в 2017 году – 755, в 2018 году – 185, в 2019 году – 609, в 2020 году – 393; в связи с деятельным раскаянием прекращено в 2015 году – 257 уголовных дел, в 2016 году – 252, в 2017 году – 200, в 2018 – 757, в 2019 – 130, в 2020 году – 107; с назначением судебного штрафа в 2018 году – 1188, в 2019 году – 2052, в 2020 году – 2293 [1].

Следует отметить, что пятнадцать лет назад от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ по вышеуказанным основаниям (кроме назначения судебного штрафа) виновные освобождались более чем в половине случаев. Ситуация кардинально изменилась в 2006 году. С этого времени освобождение от уголовной ответственности по таким делам на основании положений ст. ст. 75, 76 УК РФ снизилось максимально. Вместе с тем, суды активно применяют иную меру уголовно – правового характера – судебный штраф. Причиной данного обстоятельства является двуобъектность исследуемых преступлений. Основным непосредственным объектом выступает порядок управления как часть государственных интересов, а дополнительным непосредственным объектом – личность сотрудника.

Данное обстоятельство существенным образом повлияло на снижение тенденции роста таких преступлений. Однако, проблема квалификации преступлений в отношении представителей власти остается актуальной на сегодняшний день.

Деятельность сотрудников оперативно-розыскной деятельности в Российском государстве является основополагающей для достижения задач уголовного судопроизводства.

Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года №144 ФЗ сформулировал понятие оперативно-розыскной деятельности: «это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [2].

Специфика работы сотрудников уголовного розыска связана с тем, что они не действуют открыто, зачастую не одевают специализированную форму, но при этом исполняют задачи, предусмотренные вышеуказанным законом: «выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, а также выявлять и устанавливать лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществлять розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших; добывать информацию о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации; устанавливать имущество, подлежащего конфискации» [2].

Данное обстоятельство существенным образом осложняет ситуацию с уголовно-правовой охраной указанных лиц.

Существует несколько проблем в определении квалификации виновных в посягательствах на жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудников ОРД.

Во-первых, мы должны четко понимать, какими уголовно-правовыми нормами обеспечивается охрана жизненно важных интересов указанных лиц.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит три состава преступления, непосредственно обеспечивающих защиту сотрудников правоохраны, в том числе и сотрудников ОРД. Это деяния, закрепленные ст. ст. 317-319 (убийство и покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа, применение насилия и оскорбление представителя власти).

В примечании к статье 318 УК РФ формулируется понятие представителя власти – «это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости» [3].

Рассмотрим для сравнения уголовное законодательство Республики Казахстан. В уголовный кодекс РК включена глава 16 «Уголовные правонарушения против порядка управления». Данная глава содержит составы преступлений, обеспечивающих защиту сотрудников правоохранительных органов, но несколько иначе, чем по УК РФ. Помимо ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 380.1) оскорбление представителя власти и применения к нему насилия (ст. ст. 378, 380) УК РК регламентирует ответственность виновных за неповиновение представителю власти (ст. 379), воспрепятствование деятельности прокурора и неисполнение его законных требований (ст. 381). Однако, следует отметить определенное сходство составов преступлений, предусмотренных ст. 378 и ст. 380 УК РК и составов преступлений, предусмотренных ст. 319 и ст. 318 УК РФ.

Весьма примечательно, что УК РК в п. 9 ст. 3 также разъясняет понятие «представитель власти». «Это лицо, находящееся на государственной службе, наделенное в установленном законом Республики Казахстан порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, в том числе сотрудник правоохранительного или специального государственного органа, органа военной полиции, военнослужащий, участвующий в обеспечении общественного порядка» [4].

Таким образом, по УК Казахстана и УК РФ сотрудник правоохранительного органа как специальный потерпевший входит в число представителей власти. В то же время сотрудник ОРД в силу выполняемых функций является сотрудником правоохранительных органов.

До 2017 года ответственность за убийство сотрудника правоохранительного органа по УК Республики Казахстан, в отличие от УК РФ, регулировалась общей нормой – ст. 99 ч. 2 п. «2» – убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности либо выполнением профессионального или общественного долга. Однако законом РК от 03.07.17 г. №84-VI уголовный кодекс был дополнен ст. 380-1 – «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря, которая вошла в главу 16 «Уголовные правонарушения против порядка управления»» [4]. Такое решение представляется вполне обоснованным и закономерным.

Вместе с тем и УК РФ, и УК РК содержат главы «Преступления против правосудия» и «Уголовные правонарушения против правосудия и порядка исполнения наказаний» соответственно. В указанных главах

имеются нормы, регулирующие ответственность лиц за посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, отправляющих правосудие (в УК РФ – ст. 295 – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, ст. 296 – угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, ст. 297 – неуважение к суду, ст. 298.1 – клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации; в УК РК – ст. 408 – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование, ст. 409 – угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или досудебного расследования, ст. 410 – неуважение к суду, ст. 411 – клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, лица, осуществляющего досудебное расследование, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя).

К сожалению, указанные нормы не обеспечивают уголовно-правовую защиту сотрудников ОРД ни в России, ни в Казахстане. Несмотря на то, что сотрудники уголовного розыска обеспечивают функциональность правосудия, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан, они не являются потерпевшими в составах преступлений, предусмотренных данными главами. Учитывая, что сотрудники уголовного розыска нередко включаются в состав оперативно-следственных групп, действуют по отдельным поручениям и проводят неотложные следственные действия, они должны быть включены в число потерпевших от преступлений, совершаемых против интересов правосудия.

На основании изложенного, представляется вполне обоснованным уточнить редакцию ст. 295, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298.1 УК РФ, а именно, дополнить формулировку основных составов указанных норм следующим образом: после слов «лица, производящего дознание» включить слова «сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

Отметим и другую проблему в исследуемой области, которая заключается в сложности уголовно-правовой оценки действий виновных при причинении вреда сотрудникам уголовного розыска в ходе выполнения ими профессиональных обязанностей, например при задержании преступников. Указанные лица всегда находятся в зоне риска.

Судебная практика сталкивается с такими обстоятельствами, когда виновные в причинении вреда сотрудникам органа оперативно-розыскной деятельности не признают факт осознания ими самого факта принадлежности потерпевших к должностным лицам, осуществляющим деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Это случаи задержания преступников, когда сотрудники ОРД не имеют общедоступных знаков отличия. Достаточно ли, для вменения виновным специальных составов преступлений, простой осведомленности о принадлежности потерпевших к числу сотрудников правоохранительных органов, или необходимо достоверное знание?

Так, например, нам известны уголовные дела, которые свидетельствуют о том, что сотрудники ОРД успевали только представиться таковыми при проведении оперативного мероприятия, не успев даже предъявить удостоверение.

С нашей точки зрения, в подобных ситуациях ответственность должна наступать в соответствии со специальными нормами УК РФ. Уже достаточно того факта, что задерживаемому стало известно, что это оперативное мероприятие, проводимое сотрудником ОРД. Нет необходимости доказывать наличие достоверного знания.

Приведенные выше предложения послужат более эффективной уголовно-правовой защите указанных лиц.

Литература

1. Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. Статистические сведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru>
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144 ФЗ (с изм. от от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (ред. от 02.07.2021 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://online.zakon.kz>

5. Дудулина Н.В. Оперативно-розыскная деятельность как разновидность правоохранительной деятельности // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 11. [Электронный ресурс]. URL:<https://web.snauka.ru>

6. Современное состояние науки и законодательства об оперативно-розыскной деятельности // Материалы конференции. Душанбе: Вектор-Принт. 2016. 200 с.

References

1. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom sude RF. Statisticheskie svedeniya. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru>

2. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: federal'nyj zakon RF ot 12 avgusta 1995 g. № 144 FZ (s izm. ot ot 01.07.2021) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>

3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 01.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954

4. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V (red. ot 02.07.2021 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://online.zakon.kz>

5. Dudulina N.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak raznovidnost' pravooxranitel'noj deyatel'nosti. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2017. № 11. [Elektronnyj resurs]. URL:<https://web.snauka.ru>

6. Sovremennoe sostoyanie nauki i zakonodatel'stva ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti. Materialy konferencii. Dushanbe: Vektor-Print. 2016. 200 s.

АККАУНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Манько О.В., старший преподаватель,
Пелипенко В.А.,
Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: в представленной статье рассматривается теоретическая и практическая проблема наследования аккаунтов в социальных сетях. Во всем мире социальные сети стали неотъемлемой частью жизни человека. На сегодняшний день они превратились из платформы для быстрого и удобного общения в полноценный источник доходов. Актуальность темы связана с тем, что законодательство в числе видов имущества и прав на него не указывает цифровые активы, в частности, электронные кошельки, аккаунты и т.п. Вместе с тем, цифровые активы сегодня пользуются большим спросом и наделяются экономической ценностью. Автор предпринимает попытку выработки подхода к решению правовой проблемы и приходит к выводу, что вопрос правового регулирования наследования аккаунтов в социальных сетях должен стать одним из приоритетных направлений развития наследственного права.

Ключевые слова: наследование, наследственная масса, имущество, экономическая ценность, исключительные права, аккаунт, социальная сеть

SOCIAL NETWORK ACCOUNTS AS OBJECTS OF HEREDITARY LEGAL RELATIONS

Manko O.V., Senior Lecturer,
Pelipenko V.A.,
Saratov State Law Academy

Abstract: the presented article discusses the theoretical and practical problem of inheritance of accounts in social networks. All over the world, social networks have become an integral part of human life. To date, they have turned from a platform for quick and convenient communication into a full-fledged source of income. The relevance of the topic is due to the fact that the legislation does not specify digital assets among the types of property and rights to it, in particular, electronic wallets, accounts, etc. At the same time, digital assets are in great demand today and are endowed with economic value. The author attempts to develop an approach to solving the legal problem and comes to the conclusion that the issue of legal regulation of inheritance of accounts in social networks should become one of the priority directions of the development of inheritance law.

Keywords: inheritance, hereditary mass, property, economic value, exclusive rights, account, social network

Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни почти каждого человека. Сегодня это не просто ресурс для общения, но и инструмент по продвижению товаров и услуг. Всё больше людей и компаний заводят в социальных сетях аккаунты с целью заработка. Следовательно, нет сомнения в том, что аккаунт в социальной сети может нести в себе большую экономическую ценность. Возникает резонный вопрос – может ли аккаунт быть объектом наследственных правоотношений?

Что такое аккаунт? Аккаунт – это учетная запись в социальной сети, имеющая логин и пароль. Представляет собой совокупность сведений о пользователе: фамилии, имени, отчестве, дате и месте рождения, образовании, месте работы, а также различных медиафайлов (аудио-видеозаписи, фотографии, посты и т.д.). Кроме того, аккаунт в социальной сети можно рассматривать как цифровой актив – результат творческой и интеллектуальной собственности пользователя (собственные фотографии, тексты, музыка и т.д.). Владельцем аккаунта является лицо, которое от своего имени зарегистрировалось в социальной сети и располагается аккаунтом [8].

Согласно статье 1112 Гражданского кодекса РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается законодательством [2]. В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная

собственность); нематериальные блага [1]. В 2019 году были введены цифровые права – обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (статья 141.1 Гражданского кодекса РФ).

При этом аккаунты нередко выступают объектом сделок купли-продажи. Для продажи аккаунта на него должны быть подписаны реальные люди, должна быть активность, а представляемый продукт должен пользоваться спросом. Однако, вопрос возможности наследования аккаунтов на сегодняшний день не решен [6].

Для того, чтобы понять, как рассматривать аккаунты в социальных сетях в наследственных отношениях, нужно ответить – можно ли считать аккаунт товаром в рыночном понимании. На вопрос можно ответить утвердительно ответ, но с некоторыми оговорками. Так, аккаунты допустимо признавать товаром в понимании гражданских правоотношений как объект купли-продажи, интересов и притеснений со стороны других лиц [4].

В принципе, объектом наследственных отношений может стать любой аккаунт, однако, интерес проявляется к тем, что представляют экономическую ценность. Например, являются частью реального бизнеса либо инструментом онлайн-заработка, то есть представляют финансовый актив для человека [7, с. 29-30]. Можно ли отнести такие аккаунты к имуществу? В какой-то степени можно, но только не в том понимании, в котором мы привыкли рассматривать имущество – как осязаемые объекты окружающего мира. Речь может идти о доступе к финансовым счетам наследодателя (онлайн банковским, биржевым, букмекерским счетам), в том числе остаткам денежных средств на специализированных онлайн-сервисах. Такие цифровые активы подлежат инвентаризации, описи и управлению и превратиться из цифровых активов в реальные [3, с. 132-138].

Существует другой аспект наследования аккаунтов – переход прав может нарушить тайну частной жизни и переписки. Статья 23 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Это право сохраняется даже после смерти человека [5]. Принудительный доступ наследников к переписке наследодателя с использованием специального программного обеспечения для «взлома» аккаунтов будет расцениваться как преступление. Вместе с тем, переписка может оказаться источником информации для наследников о принадлежащих наследодателю имуществе и имущественных правах и обязательствах. К примеру, в аккаунте могут быть сохранены пароли к электронным счетам.

Политика социальных сетей сегодня не дает доступа к страницам умерших пользователей. На основании подтверждающих документов наследники умершего пользователя могут обратиться в Instagram и Twitter для удаления аккаунта, а Facebook и Вконтакте предусматривают процедуру «меморизации», которая не позволяет наследнику оставлять записи от имени погибшего, читать переписки, и редактировать профиль [9].

Итак, можно выделить два пути наследования аккаунта:

1. Признать аккаунт объектом авторского права (статья 1259 Гражданского кодекса РФ). Но признать его можно в том случае, когда аккаунт представляет собой результат творческой, интеллектуальной, умственной деятельности пользователя. Это могут быть фотографии, писатели, художники, дизайнеры, архитекторы и другие люди, которые выступают авторами новых идей. Наследникам необходимо доказать, что аккаунт является не просто совокупностью разнообразных постов в виде фотографий, текстов, аудио-видео материалов, а является результатом творческого труда.

2. Рассматривать аккаунт в качестве сложного произведения (статья 1240 Гражданского кодекса РФ), но лишь в том случае, когда материалы, размещенные на странице, являются самостоятельными объектами авторских прав. Как сложный объект, аккаунт можно рассматривать в качестве мультимедийного продукта или базы данных.

По нашему мнению, возможность передачи прав на аккаунт должна быть предусмотрена политикой социальной сети. Наследование должно происходить в порядке универсального правопреемства – происходит не изменение имени аккаунта на наследника, а предоставляется свободный доступ к содержимому аккаунта. Должна быть точная идентификация и подтверждение принадлежности аккаунта наследодателю. Обезличенный или фейковый аккаунт не удастся унаследовать.

Отечественная судебная практика пока что не отражает вопросы наследования аккаунтов. Однако, европейская судебная практика уже идет по пути включения аккаунтов в социальных сетях в наследственную массу. Так, Европейский суд по правам человека включает в понятие «имущество» не только движимое и недвижимое имущество, но и объекты, не упомянутые законодательством и имеющие экономическую цен-

ность. При этом, должны одинаково соблюдаться экономические интересы наследников и тайна личной жизни и переписки наследодателя.

Подводя итог проведенному исследованию мы можем сказать, что вопрос с отнесением аккаунтов к объектам наследования должен быть решен законодательно, а признание аккаунтов имеющими экономическую ценность должно решаться в судебном порядке.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Российская газета. № 238-239, 08.12.1994.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
3. Амбарцумов Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 132 – 138.
4. Гаврилов В.Н. Наследование аккаунтов в социальной сети Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 11 – 14.
5. Гурковская М.И. Наследование аккаунта: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] URL: <https://na-journal.ru/2-2020-pravo-obshchestvo/2460-nasledovanie-akkaunta-problemy-i-perspektivy-razvitiya?format=pdf> (дата обращения: 20.11.2021)
6. Павлова Э.А. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Молодежь третьего тысячелетия: сборник трудов научной конференции. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 576 – 580.
7. Панарина М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29 – 30.
8. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
9. Яценко Т.С. Проблемы исполнения завещания в отношении цифровых активов наследодателя // Наследственное право. 2021. № 1. С. 31 – 34.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021). Rossijskaya gazeta. № 238-239, 08.12.1994.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 18.03.2019). SZ RF. 03.12.2001, № 49, st. 4552.
3. Ambarcumov R.A. Akkaunty social'nyh setej kak ob"ekty nasledstvennyh pravootnoshenij. Voprosy rossijskoj yusticii. 2019. № 1. S. 132 – 138.
4. Gavrilov V.N. Nasledovanie akkauntov v social'noj seti Pravo. Ekonomika. Psihologiya. 2019. № 2 (14). S. 11 – 14.
5. Gurkovskaya M.I. Nasledovanie akkaunta: problemy i perspektivy razvitiya [Elektronnyj resurs] URL: <https://na-journal.ru/2-2020-pravo-obshchestvo/2460-nasledovanie-akkaunta-problemy-i-perspektivy-razvitiya?format=pdf> (data obrashcheniya: 20.11.2021)
6. Pavlova E.A. Nasledovanie akkaunta v social'nyh setyah i voprosy cifrovogonasledovaniya: pravovoe issledovanie. Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik trudov nauchnoj konferencii. Omsk: OmGU im. F.M. Dostoevskogo, 2019. S. 576 – 580.
7. Panarina M.M. Nasledovanie akkaunta v social'nyh setyah i voprosy cifrovogo nasledovaniya: pravovoe issledovanie. Nasledstvennoe pravo. 2018. № 3. S. 29 – 30.
8. Sannikova L.V., Haritonova Yu.S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz: monografiya. Moskva: 4 Print, 2020. 304 s.
9. Yacenko T.S. Problemy ispolneniya zaveschaniya v otnoshenii cifrovyyh aktivov nasledodatel'ya. Nasledstvennoe pravo. 2021. № 1. S. 31 – 34.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИТЫ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ И СТРАТЕГИИ ЕГО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ

**Бахадиванд Чегини Захра, преподаватель,
Башкирский государственный медицинский университет,
Растегари Сайедэбрахим, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет**

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена тем, что проблема домашнего насилия является одной из главных проблем российского общества на сегодняшний день. В статье определяются основные признаки домашнего насилия, а именно отмечается, что домашнее насилие проявляется в причинении вреда и боли, имеет циклический характер и негативные последствия. В результате возникают нарушения, относящиеся к тяжелым психологическим травмам и затрагивающие все уровни функционирования человека. Выявляются причины появления домашнего насилия, оценивается роль в его формировании патриархальных установок, а также того факта, что в современном обществе принято молчать об указанной разновидности насилия. Также в статье описываются проявления домашнего насилия, раскрываются его разновидности, встречающиеся как по отдельности, так и совместно. Особое внимание уделяется анализу фаз домашнего насилия так как доподлинно установлено, что наиболее оптимальной его дифференциация на три основные фазы. В целях минимизации случаев такого насилия автором предлагаются меры по решению существующих проблем. В частности, акцентируется внимание на повышении правового образования, на изменении взглядов на такие ситуации, а также на координацию деятельности соответствующих служб. Также предлагаются определенные правки в правовые акты РФ, которыми декриминализировано домашнее насилие, что едва ли можно признать допустимым. Предлагается переосмыслить зарубежный опыт, а также имплементировать нормы международных документов в отечественное законодательство.*

***Ключевые слова:** домашнее насилие, семья, психологические, социальные, экономические, сексуальные, физические травмы, женщины, профилактика семейно-бытового насилия, национальное законодательство, международные документы*

**LEGAL EVALUATION OF PROTECTION OF DOMESTIC VIOLENCE
AND STRATEGIES TO PREVENT IT FROM THE PERSPECTIVE
OF NATIONAL LAW AND INTERNATIONAL DOCUMENTS**

**Bakhadivand Chegini Zakhra, Lecturer,
Bashkir State Medical University,
Rastegari Saiedebrakhim, Postgraduate,
Saint Petersburg State University**

***Abstract:** the relevance of the article is due to the fact that the problem of domestic violence is one of the main problems of Russian society today. The article defines the main features of domestic violence, namely, it is noted that domestic violence manifests itself in causing harm and pain, has a cyclical nature and negative consequences. As a result, there are disorders related to severe psychological trauma and affecting all levels of human functioning. The reasons for the emergence of domestic violence are identified, the role of patriarchal attitudes in its formation is assessed, as well as the fact that in modern society it is customary to keep silent about this type of violence. The article also describes the manifestations of domestic violence, reveals its varieties, which are found both separately and together. Particular attention is paid to the analysis of the phases of domestic violence, since it has been established for certain that its differentiation into three main phases is the most optimal. In order to minimize the incidence of such violence, the author proposes measures to address existing problems. In particular, attention is focused on improving legal education, changing views on such situations, as well as coordinating the activities of the relevant services. Also, certain amendments are proposed to the legal acts of the Russian Federation, which decriminalize domestic violence, which can hardly be considered acceptable. It is proposed to rethink foreign experience, as well as to implement the norms of international documents into national legislation*

***Keywords:** domestic violence, family, psychological, social, economic, sexual, physical trauma, women, prevention of domestic violence, national legislation, international documents*

Особенность домашнего насилия заключается в его ограничении семейными рамками. К сожалению, женщины, подвергшиеся насильственным воздействиям, часто не заявляют в правоохранительные органы, когда в отношении них совершается насилие, и стараются скрыть жестокое поведение обидчика для сохранения целостности семьи. Это приводит к тому, что возникают проблемы при установлении обидчиков и жертв, и затруднения в определении истинных масштабов данной проблемы.

Понятие «домашнее насилие» можно определить, как умышленное нанесение вреда; противоправное воздействие на человека в целях контроля; проблема, масштаб которой постоянно увеличивается.

Патриархальные установки общества наблюдаются и сегодня, и масштаб проблемы до сих пор растет. Об этом свидетельствует деятельность кризисных центров, наличие митингов, борьба за принятие закона о профилактике домашнего насилия, флешмобы в Сети [14]. Однако этого недостаточно для осознания людьми серьезности и масштаба проблемы.

Многие не задумываются даже о наличии проблем семейного насилия, тем более об их решении. Это приводит к нежеланию разбираться в аспектах проблемы, которой требуется принятие комплексных мер для решения, ведь домашнее насилие – это явление, имеющие свои особенности.

Систематически повторяющиеся действия – это то, что отличает домашнее насилие, например, от ссоры или конфликта, так как ссоры и конфликт по длительности краткосрочны и имеют свойство решаться с помощью разговоров.

Домашнее насилие имеет хронический характер и приводит к психологическим, социальным, экономическим, сексуальным, физическим травмам. Домашнее насилие отличает и то, что обидчик и жертва состоят в достаточно тесных, близких или родственных отношениях, которые должны обеспечивать безопасность и поддержку. Проявлениями домашнего насилия являются:

- физическое насилие, составляющее самый опасный и распространенный вид, последствиями которого являются телесные повреждения, которые могут составлять серьезную угрозу как для жизни, так и для здоровья женщины [12, с. 30-33];

- сексуальное насилие, проявляющееся в принуждении к половым отношениям с насильником или в принуждении к занятиям проституцией, сексуальным связям, например, с друзьями обидчиками. Факты сексуального насилия чаще других скрываются от окружающих, так как не каждая женщина находит в себе силы рассказывать об этом и испытывает чувство стыда [17, с. 343];

- психологическое насилие, к которому относятся вербальные оскорбления, шантаж, жестокое обращение с детьми для установления контроля над женщиной, преследование, принуждение жертвы к исполнению унижающих действий. Перечисленные действия оставляют глубокий след на психологическом здоровье женщины и, как следствие, приводят к посттравматическому стрессу [17, с. 343];

- экономическое насилие – один из распространенных видов домашнего насилия в России, в процессе которого обидчик совершает действия, которые подразумевают отказ от содержания детей, утаивание доходов, лишение возможности самостоятельно распоряжаться финансами, контроль над сбережениями, запрет выходить на работу [17, с. 18, 343];

- запугивание – форма домашнего насилия, сопровождающаяся замахами, агрессивными жестами, разговором на повышенных тонах, порчей посторонних предметов и собственности женщины, позволяющая обидчику держать жертву рядом с собой с помощью страха и угроз;

- использование мужских привилегий – популярная форма домашнего насилия в России.

Обидчик относится к женщине как к низшему существу, обращается в приказном тоне, использует диктаторский и авторитарный стиль поведения [13, с. 110-115].

Домашнее насилие имеет циклический характер. Впервые «теорию трех фаз» описал Ленор Уокер в книге «The battered woman syndrome» [18].

Для первой фазы цикла домашнего насилия весьма характерны отдельно взятые эпизоды агрессивного поведения, которые не порождают ответной или бурной реакции женщины. Как правило, она реагирует на такие проявления достаточно спокойно, нередко успокаивает мужчину и пытается каким-либо иным способом разрядить сложную обстановку. Более того, женщина в этой ситуации пытается найти оправдание поведению обидчика, ищет причины его гнева и срывов. Вторая фаза содержит сам «инцидент насилия» по отношению к женщине [11].

Третья фаза является для женщины самой трудной. Обидчик начинает преобразоваться, просить прощения, оказывать заботу и демонстрировать доброту по отношению к супруге, что дает ей надежду на разрешение проблемы, поэтому ей трудно дается понимание, что такие отношения нужно разрывать. Таким образом, после «медового месяца» наступает первая стадия, а после первой – вторая, пока не будут предприняты меры для решения проблемы [15].

Обеспечение права на защиту от домашнего насилия выражается в осуществлении защиты прав и свобод человека и гражданина. Люди, подвергшиеся домашнему насилию, дабы защитить свою честь и достоинство, обращаются в органы полиции. Однако сегодня, в нашей стране действуют не только органы полиции, но и другие, компетентные органы, в том числе, органы опеки и попечительства, которые способны предоставить помощь в восстановлении нарушенных прав, чести и достоинства. Также существуют специализированные учреждения для жертв домашнего насилия, в частности, ряд реабилитационных и кризисных центров для женщин, центры социальных служб для молодежи, которые работают совместно со службой по делам несовершеннолетних.

Представляется что ключевой целью вмешательства в ситуации домашнего насилия выступает предоставление жертве всей необходимой информации и поддержки, ее мотивация изменить сложившуюся ситуацию и принять решение, способное изменить ее жизнь. Важно понимать, что цель вмешательства в данном случае ни в коем случае не состоит в том, чтобы убедить женщину в обязательном порядке уйти от своего обидчика (например, расторгнуть брак). В данном аспекте стоит отметить, что в мировой практике выделяют два основных подхода к проблеме, непосредственно связанной с профилактикой насилия в семье. Так, ресторативный подход состоит в урегулировании конфликтной ситуации и сохранении супружеской пары. В свою очередь, карательный подход, как следует из его названия, во многом направлен на полное разрушение всего цикла насилия, что достигается посредством расторжения такой пары [9, с. 493].

Сегодня решение проблемы насилия в семье остается в тени и вина этому не только невозможность или боязнь потерять того, что было уже накоплено в семье, но и невыполнение правоохранительными органами своих полномочий. К вариантам решения проблемы домашнего насилия можно отнести следующие пути:

- повышение правового образования населения по защите прав [10, с. 115-123];
- изменение взглядов и отношения общества на данную проблему;
- координация деятельности соответствующих служб.

В российском законодательстве не существует отдельного закона о домашнем насилии, поэтому одной из основных обязанностей государства перед его гражданами является разработка и принятие качественной законодательной базы, запрещающей все формы насилия, что будет являться первым значительным шагом к обеспечению справедливости и безопасности. Несмотря на то, что уголовно-правовые меры довольно строгие, тем самым они наглядно демонстрируют, как государство защищает своих граждан и наказывает правонарушителей – для предупреждения и обеспечения защиты лицам, подвергшимся насилию одного лишь уголовного законодательства недостаточно. Законодательная база, регулирующая данную проблему, должна изначально создаваться с учетом специфики проблемы домашнего насилия и охватывать, как минимум, уголовное право, семейное право, гражданское право и административное право.

Если говорить непосредственно об уголовном праве, то большинство дел рассматриваемые как домашнее насилие ранее возбуждались по статьям, которые касаются неоднократного нанесения побоев (ст. 116.1 УК РФ) или умышленного причинения легкого/средней тяжести/тяжкого вреда здоровью (ст. 115, 112 и 111 УК РФ соответственно). Говоря о психологическом насилии, стоит отметить, что уголовным законодательством предусмотрено наказание на тот случай, когда лицу были причинены физические или психические страдания путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями» в соответствии со ст. 117 УК РФ. Но, как известно, возбуждение уголовных дел по вопросам домашнего насилия по ст. 117 происходит максимально редко, что обусловлено недооценкой значимости психологического здоровья человека.

К сожалению, все существующие уголовно-правовые нормы, относящиеся к рассматриваемой проблеме, не учитывают всю специфику домашнего насилия, не учитывают конкретные обстоятельства и особенности, при которых был совершен акт насилия, не дифференцируют формы и методы совершаемого насилия. Можно сказать, что данные пробелы в уголовном законодательстве создают серьезные препятствия, которые мешают лицам, подвергшимся домашнему насилию, добиться справедливости законным образом.

В 2016 году в российском законодательстве декриминализированы побои, тем самым домашнее физическое насилие стало рассматриваться в качестве «мелких конфликтов».

В 2017 году такой термин, как «близкие люди» был исключен из действующего законодательства, в частности, данное понятие убрали из ст. 116 УК РФ. В практической деятельности это нашло свое выражение в том, что эпизоды домашнего насилия стали наказываться реже и менее суровее. Как отмечается в научной литературе, «это положило конец ответственности за домашнее насилие» [4]. Полагаем, что не согласиться с этим весьма затруднительно. Что касается административной ответственности, то в соответствии с действующим КоАП РФ, нанесение побоев понимают в качестве совершения насильственных действий, которые причинили жертве физическую боль, однако не повлекли существенного вреда здоровью [5].

На современном этапе развития законодатель не отграничивает побои, которые были нанесены члену семьи или партнеру и бывшему партнеру или бывшему члену семьи, или вовсе постороннему лицу. Сторонники данной реформы заявляют, что, несмотря на то, что при физическом насилии, совершаемом в семье, жертва и нарушитель по-прежнему остаются под одной крышей и в постоянном контакте «данная поправка призвана укрепить российские семьи» [6, с. 53-64].

Всегда важно иметь в виду, что насилие – это намеренный выбор. Многие люди, и столкнувшиеся с домашним насилием, и не столкнувшиеся с ним, считают, что домашнее насилие происходит, как следствие потери абьюзером контроля над самим собой, но такое поведение является сознательным выбором с одной лишь целью – полный контроль над партнером. Лица, совершающие насилие, всегда выбирают по отношению к кому проявить его, выбирают время и место начала и прекращения своих действий, они отчетливо контролируют все свои поступки и отдают себе в этом полный отчет.

Когда семейные цели и интересы противоречат всем человеческим факторам, ущемляют чьи-либо права, унижают честь и достоинство партнера и превращаются в абьюзивные отношения – унижительные отношения между «агрессором» и «жертвой», которые существуют в форме грамотной манипуляции и морального издевательства со стороны абьюзера, то они не могут рассматриваться как частное дело семьи [7, с. 10-14].

Значимость и опасность подобного преступления требует определенной координации со стороны общественности и государства.

Представляется, что введение такого состава преступления, как «грубое нарушение неприкосновенности человека» позволило бы правоохранительным органам и правосудию охватить все аспекты и специфику эмоционального, физического, сексуального насилия, учитывать разные методы и иные формы насилия и выносить более объективные и справедливые приговоры, тем самым повышая качество противодействия насилию.

Наибольший приоритет деятельности в сфере защиты прав женщин отдает такая организация, как Совет Европы, так как именно она ведет активную и достаточно длительную борьбу с различного рода гендерными стереотипами.

План действий в данном сегменте был разработан и окончательно утвержден 17.05.2005 года и именно это стало выступать в качестве основы компании, которая была развернута в целях борьбы с насилием в семьях в целом и в отношении женщин в частности. В целях поддержки указанной компании была сформирована специальная рабочая группа. Первый доклад относительно итогов указанной деятельности был готов уже в 2008 году, а суть его состояла в том, что Совету Европы было рекомендовано разработать документ, имеющий правозащитный характер и направленный на профилактику семейного насилия и насилия в отношении женщин, а также на борьбу с данными явлениями. Стоит отметить, что Совет Европы к данным рекомендациям прислушался и уже в 2011 году такой документ был принят, а представлял он собой Конвенцию о предотвращении и борьбы с насилием в отношении женщин и с домашним насилием (2011 год). Вступил в силу данный документ в 2014 году и получил название Стамбульской конвенции [1]. Указанный документ явился первым международным актом, имеющим обязательный характер и содержащим меры по борьбе с данными видами насилия.

Также в данном аспекте стоит учитывать тот факт, что Стамбульская конвенция является региональным актом Совета Европы, так как этот документ объединяет 47 государств, из которых 34 государства ратифицировали ее на территории своей страны. Также ее подписали еще 12 государств и ЕС. Однако приведение законодательной базы в соответствие с данным документом идет не так стремительно, а обусловлено это положение различными взглядами на семейную жизнь в странах Старого Света, различными семейными ценностями и иными аналогичными факторами.

На этом фоне, многие европейские государства ясно осознали тот факт, что существует объективная необходимость в принятии национального законодательства в сфере предупреждения всех форм домашнего насилия, в том числе, в отношении женщин, а также в разработке системного подхода в решении случаев, при которых наблюдается насилие и дискриминация в отношении женщин. Более того стало ясно, что назрела необходимость в создании единого информационно-коммуникационного и правового пространства, в котором различные специалисты могли бы вести эффективную борьбу с насилием в отношении женщин, в частности, защищать и поддерживать пострадавших от такого насилия женщин.

Однако несмотря на то, что на практике есть множество положительных примеров формирования или практической реализации мер, направленных на профилактику домашнего насилия, весьма затруднительно найти государство, которое стало бы образцом в заявленной сфере или своеобразным идеалом.

Что касается нашей страны, то еще с начала 1990-х гг. в Российской Федерации разработано порядка 40 законопроектов, которые так или иначе регламентируют вопросы в сфере насилия в семье, однако форму

закона не один из них так и не приобрел. Примером такого законопроекта является проект ФЗ «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», который вызывает как отрицательные, так и положительные отзывы в научном мире. В качестве итога деятельности в заявленном направлении может выступать законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», заслуживающий определенного одобрения [2]. Одновременно с этим, в данном законопроекте еще не решены определенные замечания и предложения, а при их наличии нельзя рассчитывать на принятием им формы федерального закона.

Учитывая общемировую практику, которая сформировалась в настоящее время, на региональном и федеральном уровне предлагается рассмотреть создание специализированного органа, цель деятельности которого состояла бы в координации деятельности, направленной на профилактику всех форм насилия в семьях. Стоит отметить, что подобные рекомендации по организации данной деятельности также даны в законодательстве ООН и данные нормы вполне можно имплементировать в отечественное законодательство [3].

В российском законодательстве необходим отдельный проработанный закон, направленный на предотвращение и профилактику любых форм семейного насилия.

Такой законодательный шаг обязательно должен сопровождаться международными нормами и стандартами. Наряду с разработкой закона, возникает острая необходимость законодательного закрепления юридических терминов, сложившихся внутри аспекта семейного насилия. Важно четко понимать и тщательно прорабатывать определения таких терминов как «домашнее насилие», «жертва», «агрессор», «абьюзер», «преследование», «психологическое насилие», «защитное предписание» и др. Нужно относиться предельно внимательно к деталям, чтобы из-за неправильной трактовки закона малейшие семейные ссоры и недопонимания не использовались недобросовестными людьми в качестве психологического насилия и не приводили к необратимым последствиям, поломанным судьбам и разрушенным семьям [8].

Домашнее насилие очень часто недооценивают, ищут и находят ему оправдания или просто отрицают. Даже жертва домашнего насилия не всегда сразу может понять, что столкнулась с психологической зависимостью и запуталась в паутине манипуляций своего партнера. Заметить и признать наличие ущемления своих собственных человеческих прав – первый шаг на пути к освобождению, ведь зачастую самую большую помощь лицо, подвергшееся насилию, может оказать себе самостоятельно. Но пренебрегать законодательной базой в области домашнего насилия, ни в коем случае, нельзя, ведь все последующие шаги лица, столкнувшегося с насилием, должны быть, прежде всего, легитимными, а любое преступление против личности должно подлежать справедливому наказанию [16].

В завершении стоит отметить, что в настоящее время на всех уровнях разработан инструментарий, который необходим для защиты женщин от всех форм насилия, в том числе, от домашнего насилия. Одновременно с этим, мировое сообщество по-прежнему не разработало единый механизм, который был бы направлен на эффективную борьбу с указанным явлением и не определило наиболее эффективные стратегии поведения. Одновременно с этим, при борьбе с данными явлениями необходимо учитывать мировой опыт, который, однако, нуждается в дальнейшем научном осмыслении и совершенствовании.

Литература

1. Конвенция о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, вступившая в силу 1 августа 2014 // <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/home>
2. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: проект Федерального закона // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEFKLUiQ7JAARUS.pdf> (дата обращения: 14.11.2021)
3. Модельное законодательство о насилии в семье: рекомендации ООН. 1996. URL: http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/mod_un.pdf (дата обращения: 03.12.2021)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.
6. Гончаренко О. К.. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия // Женщина в российском обществе 2020. № 3. С. 53 – 64.
7. Валяев Ю.К. Родственные отношения – дело государственной важности // Журнал МВД России. 2019. № 5. С. 10 – 14.

8. Волчанская Т.А. Аналитический обзор «Насилие. Безнаказанность. Возмездие?» Всероссийский центр изучения общественного мнения 15.09.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasilie-beznakazannost-vozmездie> (дата обращения: 02.12.2021)
9. Ершова Е.Н. Домашнее насилие: социально-правовой аспект: методическое пособие издание 3-е. М.: КОНСОРЦИУМ, 2013. 493 с.
10. Ембулаева Н.Ю., Михайлик А.А. Правовая доктрина как источник права и правоприменения // Власть Закона. 2017. № 2 (30). С. 115 – 123.
11. Зотова М.В., Иванова М.С., Зотов Н.И., Э.Н. Рычихина. Социально-психологическая защита женщин, пострадавших от Н.И. домашнего насилия как социальная проблема современности // Ученые записки. 2020. Т. 19. № 3. С. 40 – 47.
12. Жилиева С.К., Красова А.А. Проблемные вопросы семейно-бытового насилия в отношении женщин и детей // Вестник БелЮИ МВД России. 2019. № 2. С. 30 – 33.
13. Лотова И.П., Орехова Е.Я. Борьба с насилием и жестокостью в отношении женщин: опыт Франции // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2015. № 5 (64). С. 110 – 115.
14. Осколкова Н. Я не хотела умирать: о флешмобе из первых уст // Flacon. 2019. 23 июля.
15. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 129 – 138.
16. Сизонова Е.С. Домашнее насилие или любовь на выживание // Научно-практический журнал «Аспирант». 2020. № 6. С. 166 – 169.
17. Стандарты деятельности по предоставлению услуг пострадавшим от домашнего насилия и организации системы реагирования на случаи насилия: пособие / Информационно-методический центр «АННА». М., 2015. 343 с.
18. Walker L.E. The battered woman syndrome. N.Y.: Springer Publishing Company, 2019.

References

1. Konvencija o predotvrashchenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem, vstupivshaya v silu 1 avgusta 2014 // <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/home>
2. O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii: proekt Federal'nogo zakona. Oficial'nyj sajt Soveta Federacii Federal'nogo sobraniya RF. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf> (data obrashcheniya: 14.11.2021)
3. Model'noe zakonodatel'stvo o nasilii v sem'e: rekomendacii OON. 1996. URL: http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/mod_un.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2021)
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 01.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.12.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
5. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 09.11.2021). Rossijskaya gazeta. 2001. № 256. 31 dekabrya.
6. Goncharenko O. K.. Mezhdunarodnoe i nacional'noe pravo i praktika zashchity zhenshchin ot domashnego nasiliya. ZHenshchina v rossijskom obshchestve 2020. № 3. S. 53 – 64.
7. Valyaev YU.K. Rodstvennyye otnosheniya – delo gosudarstvennoj vazhnosti. ZHurnal MVD Rossii. 2019. № 5. S. 10 – 14.
8. Volchanskaya T.A. Analiticheskij obzor «Nasilie. Beznakazannost'. Vozmezdие?» Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya 15.09.2016 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasilie-beznakazannost-vozmездie> (data obrashcheniya: 02.12.2021)
9. Ershova E.N. Domashnee nasilie: social'no-pravovoj aspekt: metodicheskoe posobie izdanie 3-e. M.: KONSORCIUM, 2013. 493 s.
10. Embulaeva N.YU., Mihajlik A.A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava i pravoprimeniya. Vlast' Zakona. 2017. № 2 (30). S. 115 – 123.
11. Zotova M.V., Ivanova M.S., Zotov N.I., E.N. Rychihina. Social'no-psihologicheskaya zashchita zhenshchin, postradavshih ot N.I. domashnego nasiliya kak social'naya problema sovremennosti. Uchenye zapiski. 2020. T. 19. № 3. S. 40 – 47.
12. ZHilyaeva S.K., Krasova A.A. Problemnnye voprosy semejno-bytovogo nasiliya v otnoshenii zhenshchin i detej. Vestnik BelYUI MVD Rossii. 2019. № 2. S. 30 – 33.

13. Lotova I.P., Orekhova E.YA. Bor'ba s nasiliem i zhestokost'yu v otnoshenii zhenshchin: opyt Francii. Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki. 2015. № 5 (64). S. 110 – 115.
14. Oskolkova N. YA ne hotela umirat': o fleshmobe iz pervyh ust. Flacon. 2019. 23 iyulya.
15. Salamova S.YA. Domashnee nasilie v sovremennoj Rossii: obshchaya karakteristika. Lex Russica. 2018. № 9 (142). S. 129 – 138.
16. Sizonova E.S. Domashnee nasilie ili lyubov' na vyzhivanie. Nauchno-prakticheskij zhurnal «Aspirant». 2020. № 6. S. 166 – 169.
17. Standarty deyatelnosti po predostavleniyu uslug postradavshim ot domashnego nasiliya i organizacii sistemy reagirovaniya na sluchai nasiliya: posobie. Informacionno-metodicheskij centr «ANNA». M., 2015. 343 s.
18. Walker L.E. The battered woman syndrome. N.Y.: Springer Publishing Company, 2019.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

Хуаде М.А., аспирант,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье говорится о различных специфических моментах назначения уголовного наказания в виде штрафа, обусловленных особенностями его карательного содержания и оснований применения, а также особой юридической природой данного вида наказания. На основе обзора судебной практики на предмет того каким именно образом штраф как вид уголовного наказания фиксируется в обвинительном приговоре суда сделаны определенные выводы по данному вопросу. Они заключаются в том, что размер штрафа указывается в итоговом судебном акте по уголовному делу только в российских рублях и в круглой денежной сумме, которая выражается как в числовом выражении (цифрами), так и прописью. Приводится определение понятия способа исчисления штрафа и подробно рассматриваются три его вида, предусмотренных уголовным законодательством. Отдельное внимание уделено характеристике критериев определения размера штрафа и способам уплаты данного вида наказания. В заключении статьи предлагается ряд рекомендаций, которыми суд обязан руководствоваться для того, чтобы сделать назначение уголовного наказания в виде штрафа законным, определенным, обоснованным и единообразным, а в итоге и более эффективным для обеспечения задач правосудия.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, вид наказания, размер наказания, штраф, санкция уголовного закона

FEATURES OF THE APPOINTMENT OF A CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE

Khuade M.A., Postgraduate,
Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article talks about various specific aspects of the appointment of a criminal punishment in the form of a fine, due to the peculiarities of its punitive content and grounds for application, as well as the special legal nature of this type of punishment. Based on the review of judicial practice on the subject of how exactly a fine as a type of criminal punishment is fixed in the court's conviction, certain conclusions are drawn on this issue. They consist in the fact that the amount of the fine is indicated in the final judicial act in a criminal case only in Russian rubles and in a round sum of money, which is expressed both in numerical terms (in figures) and in words. A definition of the concept of a method of calculating a fine is given and three of its types provided for by criminal legislation are discussed in detail. Special attention is paid to the characteristics of the criteria for determining the amount of the fine and the methods of paying this type of punishment. The article concludes with a number of recommendations that the court must follow in order to make the imposition of a criminal penalty in the form of a fine lawful, definite, reasonable and uniform, and ultimately more effective in ensuring the tasks of justice.

Keywords: punishment, imposition of punishment, type of punishment, amount of punishment, fine, sanction of criminal law

Каждый вид уголовного наказания обладает своими специфическими чертами, которые оказывают влияние на его назначение. Как правило, они связаны с различной юридической природой и особенностями карательного содержания, закрепленных в уголовном законодательстве видов наказаний, а также со спецификой оснований их назначения лицам, виновным в совершении преступления. Не является исключением в данном случае и уголовное наказание в виде штрафа. Назначение данного вида наказания обладает особой спецификой, нуждающейся в подробном рассмотрении.

Штраф считается самым мягким видом уголовного наказания, поскольку он открывает перечень наказаний, закрепленный в ст. 44 УК РФ. Однако с таким подходом можно и не согласиться, если принять во внимание, установленные в современном уголовном законодательстве огромные размеры штрафа, особенно за коррупционные преступления, которые наносят при их уплате значительный ущерб имущественным интересам виновных лиц. В то же время исполнение наказания в виде штрафа не ограничивает реализацию осужденными к нему лицами, предусмотренных Конституцией РФ основных прав и свобод человека и гражданина, не меняет существенным образом его образ жизни, не препятствует сложившимся социальным

контактам. Но, как и любой другой вид уголовного наказания штраф нуждается в точном и неукоснительном исполнении. Это станет возможным только в том случае, если при назначении наказания в виде штрафа будут полностью учтены все обладающие юридическим значением его количественные и качественные характеристики. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» говорится лишь двух важнейших характеристиках штрафа, которые должны быть указаны в резолютивной части обвинительного приговора суда: 1) сумма штрафа в денежном выражении; 2) способ исчисления штрафа. Помимо указанных характеристик штраф может обладать и другими, которые определяются способом исчисления штрафа и иными обстоятельствами назначения данного вида наказания.

Сумма штрафа в денежном выражении указанная в обвинительном приговоре суда предполагает точную фиксацию его размера в российской валюте, к которой относится рубль, являющийся согласно ст. 140 Гражданского кодекса РФ (часть первая) законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории России. Это означает, что штраф как вид уголовного наказания не может взыскиваться в натуре, то есть исходя из определения перечня имущества либо объектов имущественных прав, которые принадлежат осужденному и подлежат изъятию в доход государства. В уголовном законодательстве установлено лишь одно обязательное требование к сумме штрафа в денежном выражении: она должна укладываться в пределы, установленные санкцией статьи, предусматривающей уголовную ответственность за то преступление по которому назначается виновному лицу этот вид наказания либо в случае применения положений ст. 64 УК РФ, а также по другим основаниям назначения штрафа, не должна выходить за пределы данного наказания, установленные Общей частью УК РФ.

В судебной практике сформировались еще несколько требований к тому каким именно образом сумма штрафа закрепляется в приговоре суда. Первое требование заключается в том, что сумма штрафа устанавливается только в российских рублях. Любопытно, но ст. 72 УК РФ не указывает в чем именно следует исчислять размер штрафа. Поэтому теоретически возможно назначение штрафа как в круглой, так и в дробной денежной сумме. Например, не 100000 (сто тысяч) рублей, а 132543 (сто тридцать две тысячи пятьсот сорок три) рубля. В то же время, анализ уголовного законодательства, его Общей и Особенной частей показывает, что во всех статьях, в которых говорится о пределах штрафа используются только круглые денежные суммы. Отсюда вытекает второе требование судебной практики, которое гласит о том, что штраф, как правило, указывается в обвинительном приговоре только в виде круглой денежной суммой. Под круглой денежной суммой понимается в данном случае количество денежных средств, которое будучи представленным в числовом выражении заканчивается на ноль.

В соответствии с третьим требованием сумма штрафа в приговоре суда указывается в двух вариантах: 1) в числовом выражении; 2) прописью, то есть в словесном выражении. Выглядеть это в приговоре суда в окончательном варианте будет следующим образом: Тазырачеву Ольгу Васильевну признать виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ, и назначить ей наказание в виде штрафа в размере 100 000 (сто тысяч) рублей. Одновременное указание в приговоре суда суммы штрафа в двух вариантах сделано для того, чтобы максимально возможным образом конкретизировать размер штрафа и не допустить ошибки при определении его суммы правоприменительными органами, обеспечивающими исполнение штрафа как уголовного наказания.

Способ исчисления размера штрафа – это установленная уголовным законодательством совокупность приемов и методов с помощью которых определяется окончательная сумма штрафа в денежном выражении. Перечень способов исчисления размера штрафа является исчерпывающим. В ч. 2 ст. 46 УК РФ предусмотрено всего три таких способа. Первый способ заключается в выборе судом размера штрафа и его указании в твердой денежной сумме в обвинительном приговоре в пределах, указанных либо в санкции статьи Особенной части УК РФ, либо в статье Общей части УК РФ, регламентирующих вопросы назначения штрафа. Он является наиболее простым по механизму своего осуществления и наиболее часто встречается на практике.

Второй способ выражается в удержании размера заработной платы или иного дохода осужденного на период от двух недель до пяти лет. При избрании данного способа исчисления штрафа важно обратить внимание на то, что удержанию подлежит весь размер заработной платы или иного дохода осужденного, а не какая-то определенная их часть. В противном случае карательное содержание наказания в виде штрафа смешивается с карательным содержанием наказания в виде исправительных работ и на практике их становится сложно отличить друг от друга. Устанавливая в обвинительном приговоре способ исчисления штрафа в виде размера заработной платы или иного дохода осужденного взыскиваемых за определенный период времени в пределах, установленных уголовным законом суду необходимо обратить внимание на наличие

либо отсутствие места работы у виновного лица, величину его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства.

Уголовное законодательство не содержит определения понятия заработной платы. Оно определено в ст. 129 Трудового кодекса РФ. И в этом плане уголовно-правовая норма о штрафе имеет бланкетный характер. В вышеназванном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. №58 под иными доходами поднимаются все доходы, подлежащие налогообложению в соответствии с действующим российским законодательством. Применяя рассматриваемый способ исчисления штрафа суд должен не только точно установить размер заработной платы или иного дохода виновного лица, но и сроки в течении которых будет осуществляться уплата штрафа. Это имеет большое значение для того, чтобы определить лиц, злостно уклоняющихся от уплаты штрафа по ч. 1 ст. 32 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Третий способ исчисления размера штрафа появился сравнительно недавно и был обусловлен усилением борьбы с преступлениями коррупционного характера со стороны государства. Согласно ч. 2 ст. 46 УК РФ он выражается в установлении размера штрафа в величине, кратной сумме взятки, подкупа и незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Таким образом, размер штрафа исчисляется исходя из установленной и доказанной стоимости предмета коррупционного преступления, умноженного на определенный, выбранный судом кратный размер. В уголовном законе особо оговаривается, что размер штрафа при таком способе его исчисления не может превышать более, чем в сто раз сумму предмета взятки, подкупа либо незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Ограничения для рассматриваемого способа исчисления штрафа установлены в ч.2 ст. 46 УК РФ в твердой денежной сумме. Нижний предел не должен быть менее двадцати пяти тысяч рублей, а верхний – более пятисот миллионов рублей. При этом указанные пределы штрафа имеют приоритет над определенным судом его кратным размером. Следовательно, если сумма взятки составила десять миллионов рублей суд не может определить виновному наказание в виде штрафа в размере стократной стоимости взятки, поскольку эта сумма в один миллиард рублей существенно превысит установленный уголовным законом для такого способа исчисления штрафа предел в пятьсот миллионов рублей. Эта сумма в настоящее время не выглядит столь уж существенной и нуждается в пересмотре. На память приходит уголовное дело бывшего министра финансов Московской области Алексея Кузнецова, который заявил в процессе расследования, что в 2009 году пытался договориться с управделами Президента РФ Владимиром Кожиним об улаживании скандала, но те люди, которые готовы были его поддержать просили за это миллиард долларов США. И подобных примеров, когда суммы взяток в высших эшелонах власти составляют миллиарды рублей можно найти в современной России немало [2].

В отношении штрафа в ч. 3 ст. 46 УК РФ установлены дополнительные критерии определения его размера, которые уточняют положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, распространяющиеся на все виды наказаний. Размер штрафа должен соответствовать: а) тяжести совершенного преступления; б) имущественному положению осужденного и его семьи; в) возможности получения заработной платы или иного дохода.

В уголовном законодательстве не содержится определения тяжести преступления. Термин «тяжесть преступления» используется только в ст. 15 УК РФ в которой все преступления делятся на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. Использование штрафа, как вида наказания, в санкциях уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за различные виды преступлений, действительно связано некоторым образом с категорией преступления. Анализ статей Особенной части УК РФ показывает, что штраф как основной вид наказания наиболее часто встречается в санкциях, предусматривающих уголовную ответственность за преступления небольшой тяжести. Это объясняется тем, что штраф и в уголовном законодательстве, и в науке уголовного права традиционно относится к наиболее мягким видам наказания. В то же время штраф как дополнительный вид наказания наиболее часто содержится в санкциях, предусматривающих уголовную ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления, так как в этих случаях он призван усилить карательный и предупредительный эффект основного наказания, которым, как правило, выступает лишение свободы.

В науке тяжесть преступления относится к числу неразработанных категорий уголовного права. Из числа специально посвященных ей работ можно назвать только научную статью А. Трухина [3], да и она была опубликована достаточно давно. В учебной литературе тяжесть преступления обычно рассматривается исключительно в связи с категориями преступления. В частности, в одном из учебников сказано, что тяжесть преступления зависит от формы вины и максимально возможного наказания в виде лишения свободы [4, с. 67]. И лишь в одном обнаруженном нами учебном пособии сделано исключение. Тяжесть преступления в нем определяется как интегральная характеристика всех: и объективных, и субъективных обстоятельств совершенного преступления, указывающая на его уровень в соотношении с другими преступлениями [5, с. 439]. При таком подходе тяжесть преступления неизбежно включает в свое содержание общественную

опасность как объективную характеристику преступного деяния, указывающую на его способность причинить вреда или поставить под угрозу причинения вреда, охраняемые уголовным законом общественные отношения, блага и интересы, что в значительной мере повторяет положения ч. 3 ст. 60 УК РФ в которых сказано о характере и степени общественной опасности преступления как критерии назначения наказания.

Имущественное положение осужденного и его семьи как критерий определения размера штрафа предполагает совокупность всех реально принадлежащих осужденному и членам его семьи финансовых и материальных ресурсов (деньги, имущество и пр.), которыми он может распоряжаться на момент уплаты штрафа. Говоря об имущественном положении семьи осужденного в расчет при назначении наказания в виде штрафа следует принимать только тех её членов, которые ведут совместное хозяйство с осужденным и имеют общие с ним доходы и расходы. Имущественное положение членов семьи, живущих от осужденного отдельно и не находящиеся у него на иждивении не учитывается при определении размера штрафа.

Под возможностью получения осужденным заработной платы или иного дохода следует понимать высокую степень вероятности наступления данного события, то есть речь идет именно о том, что осужденный может реально на него рассчитывать. Таким образом, оценивая возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода суд должен принять во внимание, следующие факторы: 1) факт наступления данного события в будущем времени, который свидетельствует о том, что на момент назначения наказания в виде штрафа осужденному еще не была перечислена в фактическое владение заработная плата или не поступил иной доход; 2) имеют место обстоятельства, которые позволяют рассчитывать на получение осужденным заработной платы или иного дохода (например, за осужденным сохранилось место работы, не был расторгнут гражданско-правовой договор по которому ему начислялась прибыль и пр.); 3) заработная плата или иной доход должны поступить в размере достаточном для того, что бы уплатить штраф полностью либо покрыть недостающую его часть.

Указанные в ч. 3 ст. 46 УК РФ критерии определения размера штрафа суду следует учитывать в совокупности, не отдавая однозначного предпочтения ни одному из них. Это гарантирует исполнение назначенного судом наказания в полном объеме. В соответствии с ч. 3 ст. 46 УК РФ тяжесть преступления, имущественное положение осужденного и членов его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода влияют на выбор судом способа уплаты штрафа. Уголовным законом предусмотрено всего два способа уплаты штрафа: без рассрочки и с рассрочкой до пяти лет. Уплата осужденным штрафа с рассрочкой до пяти лет направлена, в первую очередь, на обеспечение исполнения данного вида наказания, поэтому суд выбирая данный способ уплаты штрафа должен принимать во внимание имущественное положение осужденного и членов его семьи, а также возможность получения зарплаты или иного дохода. Что же касается тяжести преступления, то уголовный закон напрасно относит это обстоятельство к тем критериям, которые определяют выбор способа уплаты штрафа, поскольку непонятно каким образом тяжесть совершенного виновным лицом преступления влияет на уплату им штрафа с рассрочкой или без таковой. Единственное на что оказывает влияние тяжесть преступления так это на размер штрафа и в меньшей мере на способ его исчисления. Однако, как и для других видов наказаний уголовный закон не предусматривает для штрафа какой-либо строгой пропорциональной зависимости между тяжестью совершенного преступления и его размером. Решение данного вопроса полностью зависит от судебного усмотрения, свободного в понимании справедливого соотношения между размером назначенного штрафа и тяжестью совершенного преступления.

В настоящее время и уголовным законом, и судебной практикой предусмотрен ряд рекомендаций, которым обязаны придерживаться судебные органы при назначении наказания в виде штрафа. При назначении виновному наказания в виде штрафа суду надлежит:

- назначить виновному данный вид наказания только в тех пределах, которые установлены как в санкции статьи Особенной части, так и в ч. 2 ст. 46 УК РФ;
- используя тот или иной способ исчисления штрафа не допустить ошибки в расчетах его окончательного размера;
- перечислить и раскрыть какие конкретно обстоятельства совершенного преступления были приняты во внимание при определении размера штрафа;
- точно указывать размер штрафа в обвинительном приговоре суда, оперируя при этом только круглыми суммами, предусмотренными уголовным законодательством для этого вида наказания;
- назначать штраф в качестве дополнительного наказания только в тех случаях, когда это специально предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК РФ;
- указать мотивы принятия решения о назначении штрафа в качестве дополнительного наказания за те преступления по которым его назначение не является обязательным;

- при выплате штрафа по частям точно указать в обвинительном приговоре сроки и размеры таких выплат;
- за одно и то же преступление не допускать назначение штрафа и в качестве основного и в качестве дополнительного наказания;
- назначенные одному осуждённому за разные преступления наказания в виде штрафа как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания не складывать, так как в ч. 2 и ч. 3 ст. 32 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в отношении них предусмотрен разный порядок исполнения.

В целом судебная практика должна стремиться к более эффективному и широкому использованию наказания в виде штрафа. И для этого необходимо, в первую очередь, обеспечить единообразие при назначении данного наказания, которое поможет более полной реализации принципа законности не на словах, а на деле.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2016.
2. Кузина М. Горнолыжный курорт // Коммерсантъ, 11.01.2010. № 1 (4056). <https://www.kommersant.ru/doc/1101303> (дата обращения: 25.09.2021 г.).
3. Трухин А. Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. 2005. № 2. С. 59 – 61.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с.
5. Доктринальные и законодательные понятия в современном уголовном праве России: в 7 т. Т. 4. (С-Т) / под науч. ред. д-ра юрид. наук, профессора Г. И. Чечеля. Ростов-на-Дону, 2016. 466 с.

References

1. Byulleten' Verhovnogo Suda RF, № 2, fevral', 2016.
2. Kuzina M. Gornolyzhnyj kurort. Kommersant", 11.01.2010. № 1 (4056). <https://www.kommersant.ru/doc/1101303> (data obrashcheniya: 25.09.2021 g.).
3. Truhin A. Tyazhest' prestupleniya kak kategoriya ugovolnogo prava. Ugolovnoe pravo. 2005. № 2. S. 59 – 61.
4. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnyk dlya bakalavrov. отв. ред. А.И. Plotnikov. Orenburg: ООО ИПК «Университет», 2016. 442 s.
5. Doktrinal'nye i zakonodatel'nye ponyatiya v sovremennom ugolovnom prave Rossii: v 7 t. Т. 4. (S-T). pod nauch. red. d-ra yurid. nauk, professora G. I. Chechelya. Rostov-na-Donu, 2016. 466 s

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ

**Жуков Е.В., доктор юридических наук, доцент, судья,
Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд,
Северо-Кавказский институт-филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Аннотация: актуальность заявленной в статье проблемы обусловлена тем, что эффективное регулирование процедуры банкротства, которое в условиях рыночной экономики является ее неотъемлемой частью, обеспечивает возможность финансового оздоровления бизнеса должника, правовые гарантии прав кредиторов и в целом экономическую стабильность в стране. Целью данной работы является анализ специфики института банкротства в России и выявление особенностей рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном процессе. Методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения юридической науки. Обоснование теоретических положений и аргументация выводов осуществлялась на основе причинно-следственного, сравнительного, логического методов. В работе был изучен российский опыт применения процедуры банкротства, сделан акцент на проблемных вопросах отечественного законодательства о несостоятельности и даны рекомендации по их возможному усовершенствованию. В исследовании была проанализирована судебная практика по делам о банкротстве и выявлена устоявшаяся тенденция оспаривания сделок должника или признания их недействительными при данной процедуре. Для выявления особенностей рассмотрения дел о банкротстве в России в качестве примера было проведено сравнение с США, что позволило выделить специфику отечественного законодательства и правоприменительной практики. Основные положения исследования могут служить основой совершенствования существующих подходов и разработки новых методик, обеспечивающих эффективное применение правовых норм, регулирующих институт банкротства в России, а также порядок рассмотрения дел в арбитражных процессах о несостоятельности.

Ключевые слова: институт банкротства, несостоятельность, оспариваемые сделки, недействительные сделки, кредиторы, должники

PECULIARITIES OF CONSIDERATION OF BANKRUPTCY CASES

**Zhukov E.V., Doctor of Juridical Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor, Judge,
Sixteenth Arbitration Court of Appeal,
North Caucasus Institute-Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration**

Abstract: the urgency of the problem stated in the article is due to the fact that effective regulation of the bankruptcy procedure, which in a market economy is its integral part, provides the possibility of financial recovery of the debtor's business, legal guarantees of creditors' rights and, in general, economic stability in the country. The purpose of this work is to analyze the specifics of the institution of bankruptcy in Russia and to identify the features of the consideration of bankruptcy cases in the arbitration process. The methodological basis of the research is formed by the fundamental provisions of legal science. The substantiation of the theoretical provisions and the argumentation of the conclusions was carried out on the basis of causal, comparative, logical methods. In the work, the Russian experience of applying the bankruptcy procedure was studied, an emphasis was placed on problematic issues of domestic insolvency legislation and recommendations were given for their possible improvement. The study analyzed the judicial practice in bankruptcy cases and revealed an established trend of challenging the debtor's transactions or invalidating them in this procedure. To identify the specifics of considering bankruptcy cases in Russia, as an example, a comparison was made with the United States, which made it possible to highlight the specifics of domestic legislation and law enforcement practice. The main provisions of the study can serve as the basis for improving existing approaches and developing new methods that ensure the effective application of legal norms governing the institution of bankruptcy in Russia, as well as the procedure for considering cases in arbitration proceedings on insolvency.

Keywords: institution of bankruptcy, insolvency, disputed transactions, invalid transactions, creditors, debtors

Процедура банкротства является неотъемлемой частью рыночной экономики, которая наиболее остро реагирует на смену фаз делового цикла, общую экономическую ситуацию в мире и внутри страны, а также динамично меняется в зависимости от вектора развития экономики [1]. Институт несостоятельности в России прошел определенную эволюцию развития, в связи с чем можно выделить три основных этапа, связанных с принятием соответствующих федеральных законов [2].

Целью работы является выявление особенностей рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном процессе с учетом специфики российского законодательства о несостоятельности.

При разработке темы применялись как общенаучные методы – анализ, синтез, сравнение, так и специальные – сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и структурно-функциональный. Метод анализа и синтеза, а также сравнения был применен в целом для всей работы – при изучении формирования и развития российского института банкротства, выделении особенностей отечественного законодательства о несостоятельности, сопоставлении зарубежного опыта в регулировании данного института и РФ, анализе судебной практики. Системно-структурный метод использовался при классификации федеральных законов, регулирующих институт банкротства. Применение структурно-функционального метода позволило проанализировать статьи ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», как ключевого нормативно-правового акта в этой сфере.

Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать и сопоставить нормы законодательства США и российского права в области несостоятельности субъектов экономической деятельности. Формально-юридический метод применялся в процессе анализа действующего российского законодательства о банкротстве. Статистический и математический методы использовались при составлении таблиц, обобщении, анализе и сопоставлении цифровых показателей. Методологическая основа исследования была сформирована в процессе широкого использования концептуальных выводов, теоретических положений, гипотез, представленных и обоснованных в современных разработках отечественных и зарубежных ученых.

Динамичные изменения экономической конъюнктуры требуют от современных стран оперативного реагирования на необходимые корректировки законодательства о банкротстве [3]. К числу таких последних потрясений для мировой экономики относится пандемия коронавируса, которая напрямую повлияла на рост числа предприятий признанных несостоятельными [4]. Кризисные явления в экономике и институт несостоятельности тесно взаимосвязаны между собой, поэтому процедуру банкротства зачастую анализируют сквозь призму развития кризиса в мире в целом или отдельном государстве в частности [5].

Экономика в глобальном ее понимании стремится к выработке единых стандартов, подходов и правил в регулировании тех или иных процессов и процедура банкротства не является исключением [6]. Процессы глобализации и интеграции определяют экономическое развитие современных стран, поэтому разработка и внедрение единого законодательного регламента процедуры несостоятельности является для стран, тесно взаимодействующих друг с другом, вполне закономерным процессом [7]. Проблеме несостоятельности субъектов экономической деятельности в контексте формирования глобальной экономики посвящен целый ряд исследований [8-13]. В этой связи проблема эффективного регулирования процедуры банкротства является на сегодняшний день одной из актуальных и дискуссионных. Научная новизна исследования состоит в том, что были раскрыты ключевые особенности рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном процессе с учетом специфики российского законодательства о несостоятельности.

Современная российская экономика подвержена влиянию различных кризисных явлений, которые можно дифференцировать как на внутренние, так и на внешние [14-16]. Внешние факторы связаны с подверженностью национальных экономик влиянию мировых экономических кризисов, что особенно остро ощущается в условиях нарастающих тенденций глобализации и интеграции. К числу внутренних факторов можно отнести проблемы, связанные с реализацией существующей экономической модели, кадровый вопрос и несовершенство управления, как на федеральном, так и на региональном уровне, неэффективность социальной политики и ряда экономических реформ.

Так же стоит отметить, что в российской практике о банкротстве количество успешно реализованных процедур финансового оздоровления и внешнего управления от общего числа дел о несостоятельности невелико и к тому же от года в год эти показатели сокращаются (табл. 1) [17].

Таблица 1

Компании: число введенных процедур

Количество судебных решений	годы					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	13044	12549	13541	13117	12401	9931
о введении наблюдения	10198	10487	11495	10547	10134	7775
о введении внешнего управления	434	372	363	278	209	150
о введении финансового оздоровления	38	52	32	19	19	23

Эффективность процедуры банкротства также характеризуется степенью удовлетворения требований кредиторов. Подробнее анализ этих показателей приведен в табл. 2 [17].

Таблица 2

Компании: портрет должника

	Год					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество отчетов о завершении конкурсного производства	5112	6112	6759	7260	7624	6650
Доля дел, в которых кредиторы получили «0»	68,6%	67,1%	67,1%	65,0%	62,0%	60,6%
Доля дел, в которых у должника «0» по инвентаризации	41,1%	41,1%	37,7%	37,1%	37,0%	37,2%

Пандемия коронавируса и последовавшие за ней ограничения особенно сильно сказались на малом и среднем бизнесе. Нестабильная ситуация в экономике привела к росту количества работников, бывших работников должника, имеющих включенные в реестр требования о выплате выходного пособия и (или) об оплате труда с 37287 в 2019 году до 82166 в 2020, то есть рост увеличился более чем в два раза [17]. В целях поддержки предприятий и индивидуальных предпринимателей, сильно пострадавших в условиях пандемии коронавируса Правительство РФ в апреле 2020 года приняло Постановление «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» [18], которое действовало до конца года.

В первом полугодии 2021 года количество корпоративных банкротств выросло на 9,2% к такому же периоду 2020 года до 4918 шт., но снизилось на 19,2% к аналогичному периоду доковидного 2019 года. По поводу наметившейся тенденции заместитель Министра экономического развития Российской Федерации Илья Торосов отметил: «На наш взгляд складывающаяся ситуация может быть связана, в том числе с мерами поддержки бизнеса, осуществляемыми в период распространения коронавируса, в том числе мораторием на подачу кредиторами заявлений о банкротстве...» [19]. В арбитражном производстве возможно признание сделки недействительной, если ее условия причиняли вред имуществу кредитора, и если она была заключена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия такого заявления. ФЗ РФ «О несостоятельности» предусматривает, что вторая сторона такой сделки должна быть осведомлена о целях такого соглашения, поэтому будет считаться заинтересованной стороной [20].

Помимо признания сделок недействительными, в арбитражном процессе их, возможно оспорить, если ее условия, чаще всего цена, ставили кредитора в невыгодное положение, допустим, стоимость была или существенно занижена, или завышена. Такое соглашение должно быть заключено должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия такого (табл. 3) [17].

Таблица 3

Оспаривание сделок

Заявление о признании сделок должника недействительными	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Принято, шт.	3402	5587	7101	8607	11010	11759
Рассмотрено, шт.	3136	4957	6296	7452	9489	9532
Удовлетворено, шт.	1394	2279	2937	3234	3946	4275
Доля удовлетворенных в принятых	41%	41%	41%	38%	36%	36%
Доля удовлетворенных в рассмотренных	44%	46%	47%	43%	42%	45%

Анализ судебной практики последних лет свидетельствует, что оспаривание сделок или признание их недействительными по запросу заинтересованных участников арбитражного процесса происходит регулярно в делах о банкротстве. Так, к примеру, если обратиться к судебной практике Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда и судебской деятельности судьи Жукова Е.В., то можно отметить следующую тенденцию:

1. При обращении финансового управляющего в суд с заявлением об оспаривании сделок по перечислению денежных средств с банковского счета должника в пользу близкого родственника на безвозмездной основе, суд встает на сторону заявителя, так как подобные действия сознательно ухудшают положение кредиторов [21].

2. Если агентский договор имеет признаки мнимой сделки, совершен со злоупотреблением правом и заключен с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, временный управляющий может оспорить его в деле о банкротстве должника. В конкретной судебной практике фигурировали следующие условия – общество (агент) обязалось по поручению должника (принципала) за ежемесячное вознаграждение в размере 1 000 рублей, а в редакции дополнительного соглашения к нему – за 400 000 рублей, предоставлять комплекс услуг по эксплуатации, обслуживанию и управлению объектом [22].

3. Если представленные в процессе доказательств не подтверждают наличие заинтересованности между субъектами договора, то такая сделка не подлежит оспариванию. К примеру, факт аффилированности (наличие у субъектов договора совместного ребенка) не является доказательством заинтересованности, поскольку цена, реальность сделки, отсутствие ущерба кредиторам свидетельствуют о реальности правоотношений между сторонами [23].

4. Требования о повышенном стандарте доказывания при рассмотрении банкротных дел.

В арбитражном процессе интересы кредиторов отстаиваются внешним управляющим или конкурсным управляющим, который от имени должника по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов может оспорить подозрительную сделку, условия которой ухудшают их положение [24].

В каждой стране существуют свои особенности государственного регулирования экономической деятельности, в том числе и процедуры банкротства. И хотя общее понимание едино, банкротство – это несостоятельность субъекта экономической деятельности, его неплатежеспособность перед кредиторами, но при этом подходы и механизмы осуществления самой процедуры могут существенно отличаться. Для сравнения обратимся к институту банкротства в России и США (табл. 4) [25].

Таблица 4

Сравнительная характеристика института банкротства в России и США

Россия	США
Банкротство носит принудительный характер (чаще в суд обращаются кредиторы должника)	Банкротство носит добровольный характер (чаще в суд обращаются сами должники)
Должники чаще недобросовестны, скрывают активы, уничтожают финансовые документы, заключают фиктивные сделки.	Должники чаще добросовестны, правдиво предоставляют всю необходимую финансовую информацию о своей деятельности.
Высокая степень недоверия к должникам, обязательное участие в процедуре банкротства арбитражного управляющего.	Высокая степень доверия к должнику, ему дают возможность исправить текущее положение дел под контролем суда и кредиторов. Арбитражный управляющий может быть назначен, но не сразу, а в случае отсутствия финансового оздоровления от предпринятых действий должника.
Должник и кредиторы находятся в конфронтации.	Должник и кредиторы сотрудничают для достижения общей цели – восстановления платежеспособности бизнеса должника.

Объединяет институт банкротства в России и США то, что в обеих странах этим вопросом занимаются специальные суды, а территория государств разделена на округа, в каждом из которых действует свой арбитражный суд. Те меры, которые предпринимались большинством западных стран, неизбежно сказывались на экономике, а в случае введения локдауна, который наблюдался в большинстве европейских государств, многие отрасли экономики были просто парализованы. В этих условиях неизбежно увеличилось число предприятий, которые обанкротились, стали нерентабельны и их пришлось закрыть. РФ стала не исключением, пандемия нанесла серьезный урон целому ряду отраслей экономики, поэтому и общемировая практика и российская была связана с выработкой стабилизационных мер, в том числе и для предприятий, оказавшихся на грани банкротства.

Законодательство о несостоятельности, как на региональном уровне, так и на международном является гарантией поступательного развития всего экономического сектора, обеспечивает его стабильность и своевременное избавление от нерентабельных субъектов. В этой связи и отдельные страны, и мировые экономические структуры предпринимают шаги для выработки эффективного законодательства о банкротстве, но при этом тенденции глобализации и интеграции подталкивают государства к разработке единых правил в этой сфере. Однако стоит отметить, что именно в регулировании процедуры банкротства выработка единых международных подходов идет медленно, в этой области на сегодняшний день сохраняется доминант норм национального права.

Анализ литературы показал, что тема банкротства является актуальной на сегодняшний день, авторы напрямую или в отдельных аспектах изучают эту проблему. Но при этом можно сделать вывод, что комплексного исследования по выявлению особенностей рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном процессе РФ не было проведено. Важно также отметить, что нестабильная международная обстановка последних лет, вызванная пандемией, внесла определенные коррективы в подходы реализации процедуры банкротства как в мире в целом, так и в России в частности.

Рассмотрение дел о банкротстве в РФ имеет свою специфику, которая связана с особенностями отечественного законодательства о банкротстве. Важно отметить, что в этой сфере предпринимаются попытки создания единых международных норм, регулирующих процедуру несостоятельности, особенно это отчетливо видно на примере стран тесно взаимодействующих друг с другом или входящих в одни и те же интеграционные объединения. Но при этом говорить о единых общепризнанных мировых подходах рано, в этой сфере сохраняется доминант норм национального права.

Литература

1. Cohen A. *Global Insolvency and Bankruptcy Practice for Sustainable Economic Development*. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 274 p.
2. Юлова Е.С. *Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)*. Москва: АСТ, 2019. 245 с.
3. Chaudhuri A., Ghosh S.K. *Bankruptcy Prediction through Soft Computing based Deep Learning Technique* Authors. Singapore: Springer Singapore, 2017. 102 p.
4. Marney R., Stubbs T. *Corporate Debt Restructuring in Emerging Markets*. London: Palgrave Macmillan, 2021. 342 p.
5. Chesney M. *A Permanent Crisis*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.
6. Mba S.U. *New Financing for Distressed Businesses in the Context of Business Restructuring Law*. Cham: Springer, 2019. 285 p.
7. Hannan N. *Cross-Border Insolvency*. Singapore: Springer Singapore, 2017. 270 p.
8. Moustaira E. *International Insolvency Law*. – Cham: Springer, 2019. 155 p.
9. Lazić V., Stuij S. *Recasting the Insolvency Regulation*. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2020. 131 p.
10. Monokroussos P., Gortsos Ch. *Non-Performing Loans and Resolving Private Sector Insolvency*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 438 p.
11. Pozzoli M., Paolone F. *Corporate Financial Distress*. New York: Springer International Publishing, 2017. 46 p.
12. Matri D. *Covenants and Third-Party Creditors*. – Cham: Springer, 2017. – 265 p.
13. Marinč M., Vlahu R. *The Economics of Bank Bankruptcy Law*. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2019. 158 p.
14. Бобылева А.З., Львова О.А. Предупреждение банкротства: институциональная поддержка слияний и присоединений проблемных компаний // *Проблемы теории и практики управления*. 2019. № 7. С. 87 – 99.
15. Могилат А.Н. Оценка финансовой устойчивости российских промышленных компаний, или О чем говорят банкротства // *Вопросы экономики*. 2019. № 3. С. 101 – 118.

16. Казаков А.В., Кольшкин А.В. Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. № 34 (2). С. 241 – 267.
17. Статистический бюллетень ЕФРСБ 31 декабря 2019 года. Федресурс, официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 24.06.2021) (дата обращения: 26.06.2021)
18. Постановление Правительства РФ «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» от 03.04.2020 N 428 (ред. от 22.05.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349332/ (дата обращения: 25.06.2021)
19. Банкротства в России: итоги 1 полугодия 2021 года (2021, август 1). Статистический релиз Федресурса, официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 25.06.2021)
20. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 (ред. от 30.12.2020) № 127-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 27.06.2021)
21. Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2021 N 308-ЭС20-24178(2) ПО ДЕЛУ N А25-1460/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24022021-n-308-es20-241781-po-delu-n-a25-14602019/> (дата обращения: 28.06.2021)
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19 мая 2021 г. по делу N А63-2382/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/lastdocs/ASK/> (дата обращения: 28.06.2021)
23. Bankruptcy Law [Electronic resource]. Access mode: <https://www.hg.org/bankrpt.html#2> (date of access: 27.06.2021)
24. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.2019 N 16АП-1193/2015 по делу N А63-774/2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS016;n=64230#zpxD6jSEXLC13qBZ1> (дата обращения: 28.06.2021)
25. Львова О.А. Реабилитационный потенциал банкротства бизнеса: определить, измерить, увеличить // ЭКО. 2019. № 6. С. 83 – 87.

References

1. Cohen A. Global Insolvency and Bankruptcy Practice for Sustainable Economic Development. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 274 p.
2. YUlova E.S. Pravovoe regulirovanie nesostoyatel'nosti (bankrotstva). Moskva: AST, 2019. 245 s.
3. Chaudhuri A., Ghosh S.K. Bankruptcy Prediction through Soft Computing based Deep Learning Technique Authors. Singapore: Springer Singapore, 2017. 102 p.
4. Marney R., Stubbs T. Corporate Debt Restructuring in Emerging Markets. London: Palgrave Macmillan, 2021. 342 p.
5. Chesney M. A Permanent Crisis. London: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.
6. Mba S.U. New Financing for Distressed Businesses in the Context of Business Restructuring Law. Cham: Springer, 2019. 285 p.
7. Hannan N. Cross-Border Insolvency. Singapore: Springer Singapore, 2017. 270 p.
8. Moustaira E. International Insolvency Law. – Cham: Springer, 2019. 155 p.
9. Lazić V., Stuij S. Recasting the Insolvency Regulation. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2020. 131 p.
10. Monokroussos P., Gortsos Ch. Non-Performing Loans and Resolving Private Sector Insolvency. London: Palgrave Macmillan, 2017. 438 p.
11. Pozzoli M., Paolone F. Corporate Financial Distress. New York: Springer International Publishing, 2017. 46 p.
12. Matri D. Covenants and Third-Party Creditors. – Cham: Springer, 2017. – 265 p.
13. Marinč M., Vlahu R. The Economics of Bank Bankruptcy Law. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2019. 158 p.
14. Bobyleva A.Z., L'vova O.A. Preduprezhdenie bankrotstva: institucional'naya podderzhka sliyanij i prisoedinenij problemnyh kompanij. Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2019. № 7. S. 87 – 99.
15. Mogilat A.N. Ocenka finansovoj ustojchivosti rossijskih promyshlennyh kompanij, ili O chem govoryat bankrotstva. Voprosy ekonomiki. 2019. № 3. S. 101 – 118.

16. Kazakov A.V., Kolyshkin A.V. Razrabotka modelej prognozirovaniya bankrotstva v sovremennyh rossijskih usloviyah. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. 2018. № 34 (2). S. 241 – 267.
17. Statisticheskij byulleten' EFRSB 31 dekabrya 2019 goda. Fedresurs, oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://fedresurs.ru/> (data obrashcheniya: 24.06.2021) (data obrashcheniya: 26.06.2021)
18. Postanovlenie Pravitel'stva RF «O vvedenii moratoriya na vozbuzhdenie del o bankrotstve po zayavleniyu kreditorov v otnoshenii otdel'nyh dolzhsnikov» ot 03.04.2020 N 428 (red. ot 22.05.2020) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349332/ (data obrashcheniya: 25.06.2021)
19. Bankrotstva v Rossii: itogi 1 polugodiya 2021 goda (2021, avgust 1). Statisticheskij reliz Fedresursa, oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://fedresurs.ru/> (data obrashcheniya: 25.06.2021)
20. Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» ot 26.10.2002 (red. ot 30.12.2020) № 127-FZ [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/185181/> (data obrashcheniya: 27.06.2021)
21. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24.02.2021 N 308-ES20-24178(2) PO DELU N A25-1460/2019 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24022021-n-308-es20-241781-po-delu-n-a25-14602019/> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
22. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 19 maya 2021 g. po delu N A63-2382/2019 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/online/lastdocs/ASK/> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
23. Bankruptcy Law [Electronic resource]. Access mode: <https://www.hg.org/bankrpt.html#2> (date of access: 27.06.2021)
24. Postanovlenie SHestnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 20.11.2019 N 16AP-1193/2015 po delu N A63-774/2015. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS016;n=64230#zpxd6jSEXLC13qBZ1> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
25. L'vova O.A. Reabilitacionnyj potencial bankrotstva biznesa: opredelit', izmerit', uvelichit'. EKO. 2019. № 6. S. 83 – 87.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ВТО: СООТНОШЕНИЕ С ОБЩИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Романова Е.Е., аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

***Аннотация:** в настоящее время юристы-международники довольно часто говорят об автономных режимах в отношении права международной ответственности государств и международных организаций, а также об разбирательствах в международных судебных учреждениях, а также в целом о правилах разрешения споров в международном праве.*

Международная ответственность является одной из наиболее сложных и не до конца разработанных проблем международного права, особенно в конкретных областях международных отношений. От развития норм об ответственности зависит дальнейший ход и направление правового регулирования соответствующих сфер международного сотрудничества. Международная ответственность охватывает различные по правовой природе и характеру явления, как противоправность и правомерные действия, а также злоупотребление правом. В наибольшей мере многочисленность международных обязательства государств, международных организаций и других субъектов международного права, которые должны сопровождаться реализацией международных норм об ответственности, составляют обязательства по ответственности за международно-противоправные деяния, которые призваны обеспечить эффективность международного права и таким образом достижение его целей.

Меньшую изученность представляют собой нормы об ответственности за вред, причиненный действиями, не запрещенными международным правом.

Значение международной ответственности обусловлено тем, что она является необходимым юридическим средством обеспечения соблюдения норм международного права, средством их восстановления в случае нарушения. Ее роль в процессе поддержания и укрепления международного правопорядка бесспорна.

Под ВТО понимается международная организации, которая была создана для решения торговых проблемных вопросов согласно соглашению развитых наикрупнейших торговых стран всего мира о минимизации импортных и экспортных барьеров. Началом действия данной Всемирной торговой организации считается 1 января 1995 года.

Международная ответственность в праве ВТО представляет тем больший интерес, чем значительней расширяется круг ее членов. Природа ВТО и правопорядка ВТО как многосторонней торговой системы, основанной на специальных принципах регулирования отношений государств и других членов ВТО позволяет выделить существование особого правового режима, присущего только данной системе. Большинство правил, закрепленных в соглашениях ВТО, не являются абсолютными, государства-члены ВТО могут вполне обоснованно, ссылаясь на положения соглашений, отходить от своих обязательств, вытекающих из членства в ВТО, используя институт исключений, что позволяет говорить и об исключениях из действующего общего правового режима ВТО.

Наряду с этим ВТО – «традиционная» международная организация, учрежденная международным договором, основана на членстве, обладает международной правосубъектностью и договорной правоспособностью, – следовательно, находится в «орбите» международного права. Все это составляет основу для оперирования теми подходами, которые сложились в общем международном праве применительно к решению вопросов ответственности. В свете этого различимы контуры предмета исследования, в качестве которого предстает соотношение общего и специальных режимов ответственности в международном праве на материале сопоставления общего международного права и права ВТО.

Таким образом, можно говорить о том, что в ответственности в праве ВТО допустимы абсолютно все типичные понятия, принципы, подходы и закономерности, которые специфичны для всеобщей международной ответственности. А также посредством применения ответственности в данном праве, целесообразно сказать о том, что она является основоположником нечто особенного и неординарного в общем праве международной ответственности.

***Ключевые слова:** международное право, Всемирная торговая организация (ВТО), право ВТО, ответственность, международная ответственность, нарушение прав, Орган по разрешению споров ВТО, Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, специальный режим, автономный режим, *lex specialis*, санкции, репрессалии*

**INTERNATIONAL LIABILITY FOR VIOLATIONS WTO LAW:
RELATIONS WITH GENERAL INTERNATIONAL LAW**

**Romanova E.E., Postgraduate,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**

***Abstract:** currently, international lawyers quite often talk about autonomous regimes in relation to the law of international responsibility of States and international organizations, as well as about proceedings in international judicial institutions, as well as in general about the rules of dispute resolution in international law.*

To date, the following perception of responsibility is considered to be ingrained for the Institute of international law: it means a set of legal consequences with a negative character that are the result of offenses by subjects of international law.

International responsibility covers phenomena of various legal nature and character, such as wrongfulness and lawful actions, as well as abuse of law. The greatest number of international obligations of states, international organizations and other subjects of international law. which must be accompanied by the implementation of international norms on responsibility, constitute obligations of responsibility for internationally wrongful acts, which are designed to ensure the effectiveness of international law and thus the achievement of its objectives.

Less studied are the norms on liability for harm caused by actions not prohibited by international law. The importance of international responsibility stems from the fact that it is a necessary legal means of ensuring compliance with the norms of international law, a means of restoring them in case of violation. Its role in the process of maintaining and strengthening international law and order is indisputable.

As for the concept of the WTO, here we are talking about an international organization that was created to solve trade problems according to the agreement of the largest developed trading countries around the world on minimizing import and export barriers. The beginning of the operation of this World Trade Organization is considered to be January 1, 1995.

International responsibility in WTO law is of the greater interest, the more the circle of its members expands. The nature of the WTO and the legal order of the WTO as a multilateral trading system based on special principles of regulating relations between states and other WTO members makes it possible to highlight the existence of a special legal regime inherent only to this system. Most of the rules enshrined in the WTO agreements are not absolute, the WTO member states can quite reasonably, referring to the provisions of the agreements, deviate from their obligations arising from WTO membership, using the institution of exceptions, which makes it possible to talk about exceptions from the current general legal the WTO regime.

Along with this, the WTO, a “traditional” international organization established by an international treaty, is based on membership, has international legal personality and contractual legal capacity, and therefore is in the “orbit” of international law. All this forms the basis for operating with the approaches that have developed in general international law in relation to the solution of issues of responsibility. In light of this, the contours of the research subject are distinguishable, in the capacity of which the ratio of general and special regimes of liability in international law appears on the basis of a comparison of general international law and WTO law.

Thus, we can say that absolutely all typical concepts, principles, approaches and patterns that are specific to universal international responsibility are permissible in the responsibility in WTO law. As well as through the application of responsibility in this law, it is advisable to say that it is the founder of something special and extraordinary in the general law of international responsibility.

Keywords: international law, World Trade Organization (WTO), WTO law, liability, international liability, violation of rights, WTO Dispute Settlement Body, Agreement on rules and procedures governing dispute resolution, special regime, autonomous regime, *lex specialis*, sanctions, reprisals

«Претворение в жизнь различного характера международных противоправных действий или бездействий участниками международного права как следствие определено влечет международную ответственность» [1].

Следовательно наступление правовых последствий будет неотъемлемой частью противозаконных деяний. Первостепенно в российской международной правовой науке проблемный вопрос, связанный с установлением содержания, а также характера подобных правовых явлений трактовался как форма либо вид интернациональной ответственности многих государств.

В своей работе великий специалист в области международного права Лукашук Игорь Иванович отмечает – необычность и исключительность международной правовой ответственности, а также системы между-

народного права предопределили важность становления такой отрасли права как международная ответственность [2].

Учрежденные Европейской Комиссией нормы об ответственности в глобальном для государств значении демонстрируют систематизацию и укоренение уже действующих типичных для нас норм. Однако более детальное комментирование и уточнение их положений, а также внесение специальных дополняющих элементов позволило модернизировать установленное ранее законодательство в более новую и прагматичную систему международной ответственности.

Российский специалист международного права Людмила Петровна Ануфриева указывает на то, что многозначительной эпохиальной первоначальной доктриной международной ответственности, которая укоренилась в международном праве в конце XIX века – начале XX века, и та самая что остроактуальная и по сегодняшний день, выступает в облике репарационной концепции [3].

На современном этапе развития внешнеэкономических и политических отношений анализ структуры международной ответственности за нарушение нормативных положений ВТО демонстрирует особый интерес. В первую очередь его можно объяснить тем, что ответственности характерна конкретная юридическая общность, которая разграничивает структуру от самой модели общего международного права.

Данного рода специфичность можно обосновать тем, что система урегулирования спорных ситуаций, регламентированная в ВТО, старается сконцентрировать силы противоборствующих сторон больше всего на процесс минимизирования нарушений позиций соответствующего соглашения ВТО. При этом не признается необходимость, гласящая о возмещении причиненного вреда в момент нарушения вышеуказанного соглашения.

Учреждение на международном уровне такой организации как ВТО стало поводом для внесения в международные отношения определенных и имеющих принципиальное значение нововведений.

Интересной представляется позиция Салия М.Р. – на современном этапе развития международных отношений функционирует системный подход к самому пониманию того, что из себя представляет понятие «права ВТО». В соответствии с ними в этот перечень прав включено внутреннее право ВТО и международное.

Как мы можем наблюдать из международных отношений, весь этот спектр отношений, который регламентирован внутренним правом ВТО в принципе не имеет никакой прямой связи с международными торговыми отношениями. Следует сказать о том, что он носит лишь обеспечительный характер деятельности данной организации [4].

Стоит отметить, что вопрос по регулированию отношений в границах Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров вопроса, связанного с ответными мерами в период, когда не исполняются решения Органа по разрешению споров ВТО (ОРС) [5] на сегодняшний день чрезмерно актуален.

Основоположниками данной Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров было внесено достаточно интересное предложение по внедрению нестандартной по своей сути конструкции. В свою очередь она не регламентировала понятие «возмещение ущерба», которое являлось последствием применения со стороны государства-правонарушителя обжалованной меры.

В случае, если один из членов ВТО нарушил обязательства перед другой страной-участником, то в данном случае для урегулирования данного спора пострадавшая сторона может запустить механизм разрешения спора. Спор в данном случае разрешается с помощью группы арбитров, постоянно действующего Апелляционного органа и Органа по разрешению споров ВТО. Группа арбитров, а также Апелляционный орган подготавливают спорящим сторонам рекомендации, которые обязательны для исполнения, при их одобрении ОРС ВТО. Однако в данном случае может быть применимо такое понятие как негативный консенсус, то есть при отсутствии поддержанного всеми членами Органа возражения. По результатам рассмотрения спора ОРС ВТО принимает рекомендацию о приведении нарушенных соглашений в соответствии с правилами ВТО. В случае неисполнения установленных ОРС ВТО рекомендаций пострадавшая сторона вправе ввести в отношении страны-нарушителя контрмеры, однако данные меры должны соответствовать размеру нарушения. Данные контрмеры вводятся до тех пор, пока не будут исполнены рекомендации, утвержденные ОРС ВТО. Данный механизм ответственности значительно отличается от ответственности в международном праве в целом.

ОРС ВТО является квазисудебным органом ВТО и руководствуется непосредственно нормами, установленными непосредственно самой организацией. Правда имеются и исключения их правил, когда ОРС ВТО прибегает к использованию общего международного права, что уже говорит об их тесном взаимодействии.

Что же касается конструкции, то ее основным отличием был следующий перечень элементов:

- санкция по отношению к правонарушителю понимается как особая крайняя мера, к которой сможет прибегнуть лишь государство-заявитель в форме приостановления с его стороны уступок либо иных обязательств в границах оговоренных соглашением ВТО;

- все применяемые меры в обязательном порядке носят лишь временный характер до того момента как будет исполнено со стороны нарушителя решение ОРС;

- данные меры должны носить также и равноценный характер в сравнении с нарушением. При этом и уровень равнозначности и форма рассматриваемых санкций должны быть предложены стороной-заявителем. Однако, если возникнет ситуация и контрагент-нарушитель с данной позицией будет не согласен, что в принципе специфично для данной ситуации, все параметры будут устанавливаться посредством созданного для такой цели арбитража. О чем свидетельствуют статьи 22.6 и 22.7 вышеуказанной Договоренности;

- на практике даже допустимо применение санкций в таком виде как приостановление уступки либо иного обязательства по другому соглашению ВТО – cross-retaliation. Хотя следует помнить, что данная процедура допустима в случае, когда приостановление в посторонних секторах в границах оговоренных тем же соглашением в принципе неэффективно или же невозможно, а сложившиеся обстоятельства дела достаточно основательны и серьезны – статья 22.3 той же самой Договоренности;

- после выявленной равнозначности санкции и ответственности заявитель обязан получить разрешение ОРС и ВТО на их применение. С их стороны может быть и не выдано такое согласие, однако для этого обязательно согласие всех участников-государств ВТО. Исключением не является и государство-заявитель. Хотя на практике данная процедура достаточно нереальна и непрактична.

Таким образом, согласие ОРС на применение санкций следует интерпретировать как псевдоавтоматическое. Что в принципе разграничивает механизм санкционирования в ВТО от ГАТТ.

Поднимая вопрос о межнациональных правовых точках зрения о санкциях в ВТО, необходимо в первую очередь сказать о том, что в соглашениях ВТО не применяется термин «санкция». А в Договоренности отводится небольшое место фразе «одностороннее приостановление государством-заявителем уступок либо иных обязательств». В свою очередь хотелось бы акцентировать внимание на том, что в соответствующем Соглашении оговариваются конкретные правила, позволяющие рассмотреть возникший спор, при этом они обладают особым приоритетом над нормами [6].

Проводя анализ санкций ВТО со стороны международной ответственности, хотелось бы заметить, что это и есть те самые контрмеры, которым отведены статьи 49-54 Проекта [7]. Суть статей, содержащихся в данном Проекте заключается в том, что контрмеры должны быть приняты, так, чтобы заставить государство-нарушителя устранить противоправные действия. Данная форма контрмер содержится и в Венской Конвенции [8].

Не обращая особого внимания на тот факт, что государства-нарушители обязаны возмещать причиненный ущерб, сами особенности санкции в ВТО (несомненно и отсутствие обязанности по возмещению ущерба, который причинен применением так сказать удачно оспоренной в ОРС мерой) в первую очередь можно аргументировать тем, что со стороны положений содержащихся в Проекте режим санкций в ВТО следует рассматривать как нечто иное как *lex specialis*.

Важно также отметить, что на современном этапе развития международных отношений и на практике ВТО уже укоренились и динамично используются такие термины как «санкции» и «репрессалии».

ВТО подразумевает ресурсы, которые позволяют применить один из главных инструментов защиты своих прав и законных интересов, и это система разрешения споров ВТО. Этот институт дает возможность сохранить соблюдение баланса в отношениях между всеми государствами-субъектами ВТО.

В июле 2021 года Евросоюз инициировал спор с Российской Федерацией в ВТО из-за принятия ответных санкций.

Вся эта ситуация возникла во Всемирной торговой организации по причине якобы ущемления российскими государственными компаниями зарубежных поставщиков. О чем проинформировал на своем официальном сайте Евросоюз.

Им были запрошены консультации с Российской Федерацией касательно тех самых мер, которые лимитировали либо вовсе не предоставляли возможность иностранным компаниям реализовывать свой товар, а также различный спектр услуг современным российским государственным предприятиям и многим другим организациям – через процедуру закупок с целью коммерческого характера. Как отмечает Брюссель, такого рода практика в принципе находится в абсолютном противоречии, даже своего рода противоборстве с положениями норм ВТО. В соответствии с ними наблюдается тот факт, что Россия не имеет прав на ущемление зарубежных компаний в данной сфере деятельности.

Что же касается самого запроса на консультации, то здесь уже подразумеваются первоначальные шаги направленные на процедуру урегулирования спорной ситуации в ВТО. На проведение самого запроса законодательно фактически выделено два месяца. В том случае, если конфликт будет не урегулирован и желаемый результат не достигнут, то сторона-заявитель скорее всего будет делать запрос в ВТО на собрание арбитража, в котором в дальнейшем будут регламентироваться международные правоотношения.

Европейская Комиссия сделала следующую пометку: с 2015 года Российская Федерация понемногу обогатила и увеличила свою политику импортного замещения. Все это было сделано с одной единственной целью – замена применения и использования товаров и услуг зарубежных стран отдельной категорией субъектов, которые имеют особую связь с государством.

Следует отметить, что экономический исход этого дела именно для Европейского Союза следует расценивать как особо объемистый и ощутимый. Ведь исходя из оценки, данной ЕС в 2019 году государственными предприятиями, были обнародованы тендеры на достаточно высокую сумму в 23,5 триллиона рублей.

Следует отметить тот факт, что на современном этапе развития международных экономических отношений РФ намерена привести огромное количество доказательств по действующим в государстве правилам, регламентирующим закупку товаров. Об этом было объявлено Министерством экономического развития Российской Федерации в процессе запроса Европейской Комиссии в ВТО.

Директором Департамента торговых переговоров Министерства экономического развития РФ Майоровой Е.Е. был дан следующий комментарий: «Мы готовы провести консультации с представителями ЕС по данному вопросу. Надеемся, что по итогам сможем прояснить те аспекты российского регулирования закупок, которые вызывают сомнение у ЕС, и показать их соответствие правилам ВТО» [9].

Европейская Комиссия выразила свой протест против трех мер:

- в первую очередь это «дискриминационная оценка» заявок. Имеющие взаимосвязь с государством организации отнимают пятнадцать процентов от объявленной цены на российские услуги и товары компаний РФ. А для некоторых индивидуальных видов продукции такой вычет может достигнуть и тридцати процентов. Даже в том случае, если по результатам произведенных торгов победу одержит заявка со стороны РФ, все равно будет выплачиваться полная стоимость;

- вторым аспектом является то, что компании России, которые имеют желание приобрести конкретную машиностроительную продукцию за границей, должны руководствоваться и осуществлять свою деятельность по средствам специального разрешения;

- третьей мерой, которая вызвала недовольство, явился вопрос связанный с квотами. В процессе закупки двухсот пятидесяти товаров около девяносто процентов из них должны быть Российского производства.

Эксперт Российской академии наук по экономическим наукам Пахомов А.А. указывает, что требования и недовольства со стороны Европейского Союза и многих других стран к РФ по механизму финансирования и развития инфраструктуры российских компаний берут свое начало примерно с 2016 года.

«Последствия иска в первую очередь будут лежать в репутационной плоскости. Кроме того, если решение по спору будет принято не в пользу России, то возможны дополнительные ответные меры» [10], – заметил Пахомов А.А.

По его мнению, споры возникшие в ВТО это в принципе стандартное и своего рода типичное явление в системе международных экономических отношений. Следовательно, такими способами для устранения недомолвок и урегулирования спорных ситуаций пользуется большая часть всех государств-членов ВТО.

Директор Института международной экономики и финансов, кандидат экономических наук Кнобель А.Ю. полагает что Россия на сегодняшний день обладает существенным перечнем аргументов в споре с Евросоюзом.

Что же касается будущего возникшего спора, то по мнению Кнобеля А.Ю. – для Европейского Союза перспектива не имеет стопроцентного удовлетворения. Огромная часть различных государств строго и твердо регулирует государственные закупки. Ведь не настолько огромен перечень товаров подпадающих под вынесенные ограничения.

Еще одним моментом как полагает он – Российская Федерация может сделать акцент на нужности и важности регулирования национальной безопасности в области крайне важных отраслей либо же оборотных промышленных комплексов. Как утверждает Кнобель А.Ю. это вполне адекватно.

Он также отметил, что все поставщики имеют огромное желание направленное на получение открытого доступа к государственным закупкам в иных странах. Со стороны Европейского Союза в США также выдвинут ряд претензий по поводу равноправного доступа в данную сферу экономической деятельности.

Подобного рода спорные ситуации, возникающие в ВТО не единичны. Так как абсолютно каждое государство желает оказать свое влияние на процесс государственных закупок.

Как известно Российская Федерация вступила в ВТО в августе 2012 года. Как отмечает Степанов С.А. в своей работе: переговоры о том, что Россия может или не может вступить в ВТО длились около восемнадцати лет. Главной тому причиной прекращения такой долговременности стал момент осознания масштабности изменений, которые должны были быть внесены в законодательство РФ [11].

Стоит отметить, что в том случае, если Россия не являлась членом ВТО, то в ее отношении могли бы быть предприняты любые торговые ограничения. Все те санкции, что введены на сегодняшний день, расцениваются как некое политическое решение по вопросам находящимися за гранью «стандартной» экономики.

Таким образом сама по себе система и ее структурная составляющая по разрешению и урегулированию спорных вопросов в ВТО это прежде всего развитый, просвещенный и продуктивный механизм урегулирования торговых спорных ситуаций и разногласий между странами. Главным образом успех подобного рода споров абсолютно точно находится в определенной созависимости с качеством деятельности и правильного поведения специалистов, которые отстаивают позицию своей стороны, которые принимают непосредственное участие в процессе переговоров и в самом разбирательстве по возникшей ситуации.

По мнению некоторых исследователей [12], механизм урегулирования споров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) является наиболее эффективным механизмом урегулирования международных споров в современном международном праве, что, в свою очередь, придает ВТО характеристику наиболее эффективной международной организации в целом.

Хотелось бы отметить, что для современных юристов-правоведов международная ответственность в праве ВТО – это новый, до конца не изученный вектор, благодаря которому они смогут модифицировать свои знания и практику. В недалеком будущем такого рода юридическая помощь будет особо востребована, так как международные отношения и их развитие не стоят на месте.

Литература

1. Капустин А.Я. Содержание международно-правовой ответственности в праве ВТО: общие принципы и подходы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-mezhdunarodno-pravovoy-otvetstvennosti-v-prave-vto-obschie-printsipy-i-podhody> (дата обращения: 19.07.2021)
2. Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 160 с.
3. Ануфриева Л.П. Право ВТО: теория и практика применения: монография / под ред. Л.П. Ануфриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.
4. Салия М.Р. Понятие «право ВТО»: дискуссия продолжается. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravo-vto-diskussiya-prodolzhaetsya> (дата обращения: 20.07.2021)
5. Марракешское соглашение о создании Всемирной Торговой Организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). Приложение 2. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров // Информационно-правовое обеспечение Гарант.
6. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал [Офиц. сайт]. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 20.07.2021).
7. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).
8. «Венская Конвенция о праве международных договоров» (Заключена в Вене 23.05.1969) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).
9. РИА Новости / В Минэкономразвития отреагировали на действия Еврокомиссии в ВТО. URL: <https://ria.ru/20210719/goszakupki-1741932217.html> (дата обращения: 22.07.2021)
10. Загайнов М. Чем грозят России претензии Евросоюза. URL: <https://rg.ru/2021/07/20/chem-groziat-rossii-pretenzii-evrosoiuza.html> (дата обращения: 22.07.2021)

11. Степанов С.А. Соответствие современного российского законодательства нормам ВТО. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootvetstvie-sovremennogo-rossijskogo-zakonodatelstva-normam-vto> (дата обращения: 20.07.2021)

12. См.: P. van den Bossche and W. Zdouc, *The Law and Policy of the World Trade Organization*, 3rd edition (Cambridge University Press, 2013). P. 156 – 314; S. Lester, B. Mercurio, A. Davies, *World Trade Law: Text, Materials and Commentary* (Hart Publishing, 2012). P. 147 – 220.

References

1. Kapustin A.Ya. Soderzhanie mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti v prave VTO: obshchie principy i podhody. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-mezhdunarodno-pravovoy-otvetstvennosti-v-prave-vto-obschie-printsipy-i-podhody> (data obrashcheniya: 19.07.2021)

2. Lukashuk I.I. *Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti*. M.: Volters Kluver, 2004. 160 c.

3. Anufrieva L.P. *Pravo VTO: teoriya i praktika primeneniya: monografiya*. pod red. L.P. Anufrievoy. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 528 s.

4. Saliya M.R. Ponyatie «pravo VTO»: diskussiya prodolzhaetsya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravo-vto-diskussiya-prodolzhaetsya> (data obrashcheniya: 20.07.2021)

5. Marrakeshskoe soglasenie o sozdanii Vsemirnoj Torgovoj Organizacii (Marrakesh, 15 aprelya 1994 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami). Prilozhenie 2. Dogovorennost' o pravilah i procedurah, reguliruyushchih razreshenie sporov. Informacionno-pravovoe obespechenie Garant.

6. Soglasenie po subsidiyam i kompensacionnym meram (VTO, Urugvajskij raund mnogostoronnih torgovyh peregovorov, 15 aprelya 1994 g.) // Garant.ru: informacionno-pravovoj portal [Ofic. cajt]. URL: <https://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 20.07.2021).

7. Proekt stajej ob otvetstvennosti gosudarstv za mezhdunarodno-protivopravnye deyaniya 2001 g. Konsul'tant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. cajt]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.07.2021).

8. «Venskaya Konvenciya o prave mezhdunarodnyh dogovorov» (Zaklyuchena v Vene 23.05.1969). Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. cajt]. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 20.07.2021).

9. RIA Novosti. V Minekonomrazvitiya otreagirovali na dejstviya Evrokomissii v VTO. URL: <https://ria.ru/20210719/goszakupki-1741932217.html> (data obrashcheniya: 22.07.2021)

10. Zagajnov M. СChem grozyat Rossii pretenzii Evrosoyuza. URL: <https://rg.ru/2021/07/20/chem-groziat-rossii-pretenzii-evrosoiuza.html> (data obrashcheniya: 22.07.2021)

11. Stepanov S.A. Sootvetstvie sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva normam VTO. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootvetstvie-sovremennogo-rossijskogo-zakonodatelstva-normam-vto> (data obrashcheniya: 20.07.2021)

12. См.: P. van den Bossche and W. Zdouc, *The Law and Policy of the World Trade Organization*, 3rd edition (Cambridge University Press, 2013). P. 156 – 314; S. Lester, B. Mercurio, A. Davies, *World Trade Law: Text, Materials and Commentary* (Hart Publishing, 2012). P. 147 – 220.

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ОШИБКИ АДВОКАТОВ ПРИ АПЕЛЛЯЦИОННОМ
ОБЖАЛОВАНИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россинская Я.А.,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: апелляция в уголовном судопроизводстве является неотъемлемой частью системы уголовного правосудия. Суды признают, что юристы, судьи и присяжные могут допустить ошибку. Апелляционные дела зачастую очень сложны, и их трудно выиграть. И только опытные адвокаты по уголовным делам способны указать на конкретную ошибку и исправить ее. Цель данной статьи проанализировать и показать на примере Российской Федерации самые распространенные ошибки адвокатов при апелляционном обжаловании в уголовном судопроизводстве, а также указать, какие последствия влекут за собой допускаемые ими ошибки. В ходе исследования существующих на настоящий момент данных выявлено, что допускаемые множественные ошибки и несоблюдение правил апелляции могут помешать рассмотрению судом вопросов, заявленных в апелляционной жалобе. Предполагается, что раскрытие и изучение данной проблематики позволит адвокатам в дальнейшем более осмысленно подходить к своей работе и объективнее оценивать стратегию своих действий не только на стадии апелляции, но и в других судебных инстанциях, при этом с большей ответственностью подходить к оказанию квалифицированной юридической помощи в реализации Конституционного права на защиту своего доверителя.

Ключевые слова: апелляция, Апелляционный суд, апелляционная жалоба, суд первой инстанции, судебное решение

COMMON MISTAKES OF LAWYERS IN APPEAL IN CRIMINAL
PROCEEDINGS ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rossinskaya Ya.A.,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: criminal appeals are an integral part of the criminal justice system. Courts recognize that lawyers, judges and juries can make mistakes. Appellate cases are often very complex and difficult to win. And only experienced criminal lawyers are able to point out a specific mistake and correct it. The purpose of this article is to analyze and show, using the example of the Russian Federation, the most common mistakes of lawyers when appealing in criminal proceedings, and also to indicate what consequences are entailed by the mistakes they make. In the course of research of the currently existing data, it was multiple errors and non-compliance with the rules of the appeal can prevent the court from considering the issues raised in the appeal. It is assumed that the disclosure and study of this issue will allow lawyers in the future to more meaningfully approach their work and more objectively assess the strategy of their actions not only at the stage of appeal, but also in other courts, while more responsibly approaching the provision of qualified legal assistance in the implementation of Constitutional law to protect your client.

Keywords: appeal, Court of Appeal, appeal, first instance court, judgment

Введение

По завершению разбирательства в суде первой инстанции проигравшая сторона может настаивать на пересмотре решения вышестоящим судом в надежде, что решение суда может быть изменено. В таких случаях в апелляционную инстанцию подается апелляционная жалоба [1]. На судебном процессе в суде первой инстанции свидетели дают показания, а судья (судьи) или присяжные решают, кто виновен или не виновен, и кто несет ответственность [2]. Суды апелляционной инстанции пересматривают процедуры и решения судов первой инстанции с целью выявления законности и обоснованности принятого судом решения, чтобы убедиться, что разбирательство было справедливым, и надлежащий закон был применен правильно.

Судебный процесс в апелляционной инстанции представляет собой сложное сочетание навыков исследования, а также письменного и устного построения защиты. Апелляция не является новым судебным разбирательством. Для успешной апелляции необходимо доказать, что первой инстанцией была допущена фактическая или юридическая ошибка, оказавшая влияние на исход дела [3]. Чтобы продемонстрировать допущенные судом ошибки, необходимы знания закона и понимание толкования закона. Также необходи-

мо строгое соблюдение процедуры обжалования в апелляционной инстанции и сроков, иначе есть риск, что апелляция будет отклонена [4].

Апелляция представляет собой сложную процедуру, включающую письменные аргументы (доводы) и технические нормы права, и должна соответствовать апелляционным правилам и практическим нормам апелляционной коллегии. Потому подать апелляцию самостоятельно, без юриста, как правило, достаточно сложно. Апелляционная жалоба без тщательного анализа материалов дела для выработки и реализации позиции имеет меньше шансов на успех [5]. В настоящее время такие санкции в судебной системе не применяются, однако изменение решения вышестоящим судом существенно влияет на качество судей, постановившего обжалуемое решение, и в дальнейшем может привести к служебной проверке в отношении конкретного судьи, и даже к привлечению его к дисциплинарной ответственности [6]. Чтобы пошатнуть уверенность апелляционной инстанции или зародить хотя бы сомнение в судебном решении, подлежащем обжалованию, одного желания и даже привлечения к участию в деле лица со статусом адвоката для защиты прав доверителя, недостаточно [7, 8].

Материалы и методы

Выявление полученной и отраженной в настоящей статье информации проводилось путем изучения трудов современных научных мыслителей и действующих практиков, а также на основании выводов в следствии самостоятельного исследования за период работы в Московском областном суде. При изучении аннотаций некоторые статьи были исключены из-за несоответствия исследуемой теме. Поиск статей проводился в несколько этапов. Во-первых, были изучены и отобраны статьи, заголовки которых содержали слова поисковых запросов и соответствовали запросу по датам публикаций. После чего были тщательно изучены аннотации отобранных статей, что позволило исключить из исследования статьи, труднопереводимые на русский язык. Затем были изучены и проанализированы полнотекстовые статьи, содержащие материалы по исследуемой теме. Полученные данные были систематизированы и обобщены.

Эмпирическую основу данной статьи составляют результаты изучения материалов уголовных дел, изученных мною в период работы помощником судьи в отделе обеспечения судопроизводства по уголовным делам апелляционной инстанции Московского областного суда. Для обобщения и закрепления полученной информации при написании данной статьи использовался статистический метод с приемами наблюдения, анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, анкетирование, методы эмпирического и теоретического уровня (анализ, индукция и дедукция).

Результаты и обсуждение

В Российской Федерации, реализуя право доверителя на защиту в суде апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве, адвокат руководствуется предписанными ему требованиями Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), Федеральным Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ», Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а также Конституцией РФ. Но в судебной практике, как и во многих других отраслях, где от участника правоотношений требуется не только строгое соблюдение предписанных законодателем норм, но и быстрота принятия решения в сложившейся нестандартной ситуации, не всегда можно найти все ответы в вышеуказанных законодательных актах [9]. В случае отсутствия достаточного опыта, а возможно, наоборот, чрезмерной уверенности в своих действиях ввиду полученных знаний, адвокаты зачастую допускают ошибки, которые на первый взгляд кажутся несущественными, но в дальнейшем приводят к серьезным процессуальным последствиям, связанным с производством по уголовному делу, причем в первую очередь оказывающих негативное влияние на положение дел доверителя.

Как верно подметил С.А. Соловьев [10] в своей книге «10 распространенных ошибок адвоката», те ошибки, которые допускают адвокаты, будь то на стадии апелляции или других судебных инстанциях, будут выходить за рамки этого списка, хотя бы по той простой причине, что сами процессуальные законы претерпевают изменения, и при их исполнении, в силу человеческого фактора вероятность сопутствующих нарушений высока, а значительные эти нарушения или не очень, в конечном итоге покажет суд и отношение доверителя к адвокату.

Фундаментальным и наиболее важным этапом на стадии апелляционного обжалования является согласование адвокатом позиции со своим доверителем. Однако именно на такой важной стадии допускаются серьезные ошибки, которые влекут за собой определенные процессуальные последствия. Безусловно, защита, свято соблюдая требования, предписанные КПЭА будет придерживаться позиции своего подзащитного, кроме тех случаев, когда адвокат понимает, что его подзащитный самооговаривает себя [11]. Так случай из судебной практики, когда адвокат, участвующий по назначению в суде, постановившем приговор, по воле доверителя подал апелляционную жалобу, в которой просил изменить осужденному режим отбывания наказания со строгого на особый, поскольку сам доверитель посчитал, что так ему сократят срок отбывания наказания, допустим, не 6 лет в колонии строгого режима, а 4 года лишения свободы с отбыванием в коло-

нии особого режима. При общении, целью которого было разъяснение адвокату вероятности серьезных последствий подачи столь «хитрой» жалобы, адвокат указал, что это воля его доверителя, и он эту позицию поддерживает.

Иная ситуация произошла при рассмотрении уголовного дела судом присяжных по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ [12], когда подсудимый полностью отрицал свою вину и просил его оправдать. Однако присяжные были неумолимы и нашли основания признать подсудимого виновным. Не согласившись с решением присяжных заседателей, осужденный предпринял попытку личного обращения в суд апелляционной инстанции, направив многочисленные собственноручно написанные обращения, которые содержали уверения о его невинности и просьбы об отмене обвинительного приговора и вынесении оправдательного. Для подкрепления уверенности в своих действиях осужденный решил заключить соглашение с адвокатом, поскольку в суде первой инстанции его защиту осуществлял адвокат по назначению суда, результатом работы которого осужденный остался явно недоволен. Новый адвокат, ознакомившись с материалами уголовного дела пришел к определенным выводам, опираясь на личные юридические познания. Однако поделиться этими выводами со своим подзащитным, находящимся на тот момент в Следственном Изоляторе за несколько сотен километров от суда в другом регионе, было физически не осуществимо. При этом адвокат с уверенностью гарантировал родственникам подзащитного, что в материалах уголовного дела есть все, что требуется для эффективной защиты. В итоге, ознакомившись с материалами дела, адвокат подал апелляционную жалобу, в которой выразил мнение, что приговор следует смягчить, снизив осужденному назначенное наказание. В судебном заседании апелляционной инстанции осужденный поддержал свою позицию о полной отмене вердикта присяжных. Адвокат же, напротив, не видя с профессиональной точки зрения оснований для этого, просил смягчить назначенное наказание, в следствии чего судебной коллегией был предоставлен перерыв для согласования позиции, что соответственно повлияло как на продолжительность рассмотрения данного дела, так и на затягивание рассмотрения последующих дел, назначенных на эту же дату в суде апелляционной инстанции. Таким образом, попытка адвоката сэкономить время на поездки в изолятор в последствии негативно отразилась на расписании коллег. Заместитель председателя Московского городского суда Д. Фомин в своем интервью, опубликованном в журнале Уголовный процесс [13], касается подобных ошибок адвокатов при ведении дел в апелляционном суде.

Вышеуказанные примеры представляют собой небольшую иллюстрацию из многих ситуаций, когда адвокат просит смягчить наказание подзащитному (или переqualифицировать на менее тяжкую статью преступления) вопреки его воле, не считая должным разъяснить своему доверителю все нюансы по его делу и, с уверенностью полагаясь на уровень своей квалификации ошибочно считает, что подобные действия могут его подзащитному.

В некоторых случаях адвокат, будучи надлежащим образом извещен о месте, дате и времени рассмотрения материалов уголовного дела ошибочно считает допустимым свое отсутствие на судебном заседании апелляционной инстанции. Иллюстрацией послужит дело, где адвокат ходатайствовал об отложении судебного заседания сначала по причине того, что он не ознакомлен с материалами, потом, что находится на больничном, при этом за все время, предоставленное ему, он ни разу не приехал ознакомиться с материалами дела. На третьем заседании судебная коллегия предложила осужденному найти себе более квалифицированного адвоката, при этом у осужденного подходили к концу все возможные сроки нахождения его в следственном изоляторе. Родственники осужденного заключили соглашение с другим адвокатом, который так же не посчитал нужным явиться к прениям сторон, в связи с чем осужденному был предоставлен государственный адвокат в порядке, предусмотренном ст.51 УПК РФ [12].

Стоит обратить внимание на важность стиля изложения подаваемых апелляционных жалоб. В рамках занимаемой мною должности в Московском областном суде в круг моих обязанностей входила подготовка проектов судебных решений, в том числе изложенных доводов в поступивших апелляционных жалобах, а также возражений на них. В Российском процессуальном законодательстве предусмотрена лишь одна статья, определяющая необходимые требования к составлению апелляционных жалоб и представлений – ст. 389.6 УПК РФ [12]. Излагая свою позицию в жалобе, адвокаты часто увлекаются ее написанием так, что, упираясь в одну из норм закона непременно решают раскрыть всю ее диспозицию, от чего жалоба начинает принимать вид скорее Дигесты Юстиниана [14]. Тут вспоминается историческое изречение спартанцев, когда самосцы прибыли на переговоры: «Первую часть вашей речи мы успели забыть, а вторую не поняли, потому что забыли первую» [15]. При изучении подобных жалоб возникает вопрос: стоит ли переписывать нормы закона, которые знает любой студент-второкурсник юридического факультета, указывая, с другой стороны, на то, что в судебной коллегии апелляционной инстанции работают высококвалифицированные судьи, и выражая веру в законное, обоснованное, справедливое, а главное оправдательное решение.

Непосредственно в процессе судебного заседания можно наблюдать ситуации, в которых адвокат ошибочно надеется на абсолютную беспристрастность и железное терпение судьи. Обращая внимание на существующую практику достаточно показательный пример приводит Ф.Г. Беджанов [16] в своей книге «Уголовное право и процесс», где адвокат на стадии прений начал цитировать нормотворчество и, будучи оставлен судьей для изложения позиции, по существу, выразил возражение, что его ограничивают в правах, не подумав о возможных личных планах у судьи на этот день. Судья позволил адвокату продолжить свое ораторское выступление, однако в заготовленном проекте решения по рассматриваемому делу об убийстве вместо первоначально написанного срока лишения свободы 8 лет, судья ручкой исправил сначала на 9, а под конец выступления – на 12 лет. Истинно мудрое изречение римского ратора Квинтилиана «Говори так, чтобы тебя нельзя было не понять». А в данной ситуации судья явно не понимал, к какой цели стремится сторона защиты, но то, что его планы на день поменялись, для судьи было очевидным.

Следует отметить также неуместность изложения адвокатом в жалобе всей существующей судебной практики по аналогичным делам, а также возможной позиции Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Указание в жалобе источника на судебную практику в подкрепление своих доводов имеет место быть, но вероятнее всего судье будет достаточно названия документа с указанием конкретного абзаца, для того чтобы изучить в полноценном виде приведенное в жалобе решение или позицию вышестоящих судов [17].

Стоит также обратить внимание на такие ошибки адвокатов, (возможно, из-за чрезмерного усердия сфокусировать внимание суда на изложенные в жалобе доводы), как стилистическая форма самой апелляционной жалобы [18]. Даже при выполнении требований, предусмотренных ст. 389.6 Уголовно-правового кодекса Российской Федерации [12] зачастую в жалобах можно встретить стихотворную составляющую, жаргонизм, теологические изречения, указания на межличностные отношения, карикатуры на судебную систему и многое другое, выходящее за понятие стилистики составления процессуальных документов. В связи с чем полагаю, что современное законодательство требует некоторых доработок для урегулирования данной проблематики.

На территории Российской Федерации все вышеуказанные жалобы с уголовными делами передаются в судебную коллегию, где и рассматриваются, но, как верно указывают Клишин и Шугаев [19] таким методам защиты Совет адвокатской палаты наделяется полномочиями дать оценку в соответствии с подп. 5 п. 1 статьи 17 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ [20] «совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры», и как следствие, привлечь к дисциплинарной и иной ответственности по действующему законодательству.

Также хотелось добавить несколько слов о ходатайствах, заявленных в суде апелляционной инстанции. Как правило на практике очень сложно доказать, что на момент рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции возможности о заявлении данного ходатайства у адвоката не было. Зачастую суд апелляционной инстанции в таких ходатайствах отказывает [21]. В то же время в случае, когда дело еще не направлено в суд и защита хочет обратить внимание на допущенные процессуальные нарушения, стоит подождать до суда, иначе все указанные ошибки в деле будут исправлены, и следовательно, мысленно поблагодарив адвоката, передаст дело прокурору для направления его в суд.

Безусловно на практике возникает немало проблем, которые являются следствием допущенных адвокатами ошибок. К тому же судебные ошибки не являются проблемой лишь Российского правосудия. В книге «Судебные ошибки: причины, последствия и средства правовой защиты» британский автор высказывает наблюдение о том, что общество в целом может стать жертвой судебных ошибок. Как уже было сказано ранее, пока законы меняются, люди работают и выполняют начертанные законодателями требования, ошибки будут происходить, но возможность посмотреть со стороны на уже существующие инциденты позволит коллегам в дальнейшем избежать подобных ошибок.

Выводы

Таким образом в данной статье утверждается, что случаи, когда проигравшая сторона автоматически имеет право на апелляцию, достаточно редки и обжалованию подлежит далеко не всякое дело. Факт, что проигравшей стороне просто не понравилось решение суда, не считается основанием для апелляции. Обычно законным основанием для апелляции является предполагаемая существенная ошибка в судебном процессе. Судьи принимают решения на основе доказательств, будь то в письменной форме или заслушанные, принесенные под подпиской и подтвержденные свидетельством, дающим показания на суде или слушании. Процессуальная обязанность обосновать и аргументировать несогласие подзащитного с допущенными, по его мнению, судом ошибками, в следствие которых подавалась апелляция, лежит на адвокате-защитнике. Следует заметить, что даже наличие потенциального основания для апелляции не означает, что апелляция будет успешной.

Литература

1. Glissan K., Glissan J. Whether, when and how to appeal // PRECEDENT. 2020. № 158. P. 4 – 9.
2. Пронина М.П. Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. Т. 4. № 34. С. 130 – 135.
3. Коршунов Ю.А. Институт апелляционных судов в России и зарубежный опыт деятельности Апелляционных судов // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 2А. С. 244 – 254.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 12.08.21)
5. Netolitzky D., Warman R. As the Water Grinds the Stone: Comparison of Represented and Self-represented Appellant Populations in the Federal Court of Appeal [Electronic resource]. Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3843259 (date of access: 12.08.21)
6. Софроненко К.А. Памятники русского права. Вып. 8: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
7. Roberts S. Fresh Evidence and Factual Innocence in the Criminal Division of the Court of Appeal // The Journal of Criminal Law. 2017. Vol. 81. № 4. P. 303 – 327.
8. Protocol No. 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Strasbourg, 1984. [Electronic resource] Access mode: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=117> (date of access: 12.08.21)
9. Крупенников А.Г. Роль защитника (адвоката) в апелляционном судопроизводстве, в современных условиях развития теории и практики уголовного процесса // Наука через призму времени. 2018. Т. 6. № 15. С. 146 – 148.
10. Соловьев С.А. 10 распространенных ошибок адвоката // Уголовный процесс». 2019. № 17. С. 84 – 87.
11. Monroe H.F. Getting Honest About Client Perjury // Georgetown Journal of Legal Ethics. 2008. № 21. P. 136 – 163.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 12.08.21)
13. Фомин Д.А. Защитник допускает ошибку, если просит о снисхождении при полном отрицании вины подзащитным // Уголовный процесс. 2018. Т. 9. № 165. С. 24 – 35.
14. Honoré T. Justinian's Digest: Character and Compilation. Oxford: Oxford University Press, 2010.
15. Garst D. Thucydides and Neorealism // International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33. № 1. P. 3 – 27. <https://doi.org/10.2307/2600491>
16. Беджанов Ф.Г. Уголовное право и процесс. Не теоретические советы начинающим адвокатам и следователям, а также обвиняемым и их родным. Москва: Проспект, 2018.
17. Douglas Barics J. Curing Errors made in Taking the Appeal under CPLR 5520, 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://jdbar.com/articles/curing-errors-taking-appeal-cplr-5520/> (date of access: 12.08.21)
18. Kirkpatrick P. Writing Wrongs: The Common Legal Writing Mistakes of Law Students and Lawyers. Lawyering program at Mitchell Hamline, 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://mitchellhamline.edu/law-review/2019/09/12/writing-wrongs-common-legal-writing-mistakes-of-law-students-and-lawyers/> (date of access: 12.08.21)
19. Клишин А.А. Адвокатура и адвокатская деятельность. Москва: Изд-во Юрайт, 2020.
20. Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" от 31.05.2002 N 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346> (дата обращения: 12.08.21)
21. Michael Muñiz H. Trial court rehearings compared with appellate court rehearings, 2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.floridabar.org/the-florida-bar-journal/trial-court-rehearings-compared-with-appellate-court-rehearings/> (date of access: 12.08.21)

References

1. Glissan K., Glissan J. Whether, when and how to appeal. PRECEDENT. 2020. № 158. P. 4 – 9.
2. Pronina M.P. Problemy reformirovaniya institutov apellyacii i kassacii. Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2018. T. 4. № 34. S. 130 – 135.
3. Korshunov YU.A. Institut apellyacionnyh sudov v Rossii i zarubezhnyj opyt deyatel'nosti Apellyacionnyh sudov. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 2A. S. 244 – 254.
4. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, 2001. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (data obrashcheniya: 12.08.21)

5. Netolitzky D., Warman R. As the Water Grinds the Stone: Comparison of Represented and Self-represented Appellant Populations in the Federal Court of Appeal [Electronic resource]. Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3843259 (date of access: 12.08.21)
6. Sofronenko K.A. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 8: Zakonodatel'nye akty Petra I. Pervaya chetvert' XVIII v. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1961.
7. Roberts S. Fresh Evidence and Factual Innocence in the Criminal Division of the Court of Appeal. *The Journal of Criminal Law*. 2017. Vol. 81. № 4. P. 303 – 327.
8. Protocol No. 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Strasbourg, 1984. [Electronic resource] Access mode: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatyid=117> (date of access: 12.08.21)
9. Krupennikov A.G. Rol' zashchitnika (advokata) v apellyacionnom sudoproizvodstve, v sovremennyh usloviyah razvitiya teorii i praktiki ugovnogo processa. *Nauka cherez prizmu vremeni*. 2018. T. 6. № 15. S. 146 – 148.
10. Solov'ev S.A. 10 rasprostranennyh oshibok advokata. *Ugovnyj process*. 2019. № 17. S. 84 – 87.
11. Monroe H.F. Getting Honest About Client Perjury. *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2008. № 21. P. 136 – 163.
12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, 1996. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (data obrashcheniya: 12.08.21)
13. Fomin D.A. Zashchitnik dopuskaet oshibku, esli prosit o sniskhozhdenii pri polnom otricanii viny podzashchitnym. *Ugovnyj process*. 2018. T. 9. № 165. S. 24 – 35.
14. Honoré T. *Justinian's Digest: Character and Compilation*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
15. Garst D. Thucydides and Neorealism. *International Studies Quarterly*. 1989. Vol. 33. № 1. P. 3 – 27. <https://doi.org/10.2307/2600491>
16. Bedzhanov F.G. *Ugolovnoe pravo i process. Ne teoreticheskie soveti nachinayushchim advokatam i sledovatelyam, a takzhe obvinyaemym i ih rodnym*. Moskva: Prospekt, 2018.
17. Douglas Barics J. Curing Errors made in Taking the Appeal under CPLR 5520, 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://jdbar.com/articles/curing-errors-taking-appeal-cplr-5520/> (date of access: 12.08.21)
18. Kirkpatrick P. Writing Wrongs: The Common Legal Writing Mistakes of Law Students and Lawyers. Lawyering program at Mitchell Hamline, 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://mitchellhamline.edu/law-review/2019/09/12/writing-wrongs-common-legal-writing-mistakes-of-law-students-and-lawyers/> (date of access: 12.08.21)
19. Klishin A.A. *Advokatura i advokatskaya deyatelnost'*. Moskva: Izd-vo YUrajt, 2020.
20. Federal'nyj zakon "Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii" ot 31.05.2002 N 63-FZ. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346> (data obrashcheniya: 12.08.21)
21. Michael Muñiz H. Trial court rehearings compared with appellate court rehearings, 2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.floridabar.org/the-florida-bar-journal/trial-court-rehearings-compared-with-appellate-court-rehearings/> (date of access: 12.08.21)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНО-
ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Абушахмин А.Ф., преподаватель,
Оренбургский государственный университет

Аннотация: предварительное расследование и его такая форма, как следствие, должны производиться целенаправленно, поступательно, без перерывов и нарушений требований УПК РФ к порядку производства. Уголовное дело, начиная с момента принятия решения о его возбуждении и до окончания производства с передачей материалов непосредственно прокурору для утверждения обвинительного заключения, должно пройти все этапы досудебного производства. Любая остановка, задержка производства следственных и процессуальных действий – ситуация неординарная, так как губительно влияет на разумность сроков уголовного судопроизводства и защиту прав и основных свобод человека и гражданина как назначение уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому приостановление предварительного следствия – есть особенность российского законодательства. В буквальном его толковании и сопоставлении с принципиальными положениями – это нарушение требований УПК РФ, но при соблюдении определенных условий и оснований, – законное нарушение. В этих условиях следователь сталкивается с необходимостью осуществить взаимодействие и тесное сотрудничество с оперативным органом, деятельность которого носит по большей части негласный характер. Таким образом следователь, определяя предметную область и пределы розыска и других действий по приостановленному уголовному делу, становится участником конфиденциально-поисковой деятельности.

Ключевые слова: конфиденциальная природа, следователь, следственные действия, уголовный процесс, приостановление, розыск

INDIVIDUAL ASPECTS OF THE INVESTIGATOR'S
CONFIDENTIAL SEARCH ACTIVITY

Abushakhmin A.F., Lecturer,
Orenburg State University

Abstract: the preliminary investigation and its such form, as a result, should be carried out purposefully, progressively, without interruptions and violations of the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to the procedure for production. The criminal case, from the moment of the decision to initiate it until the end of the proceedings, with the transfer of materials directly to the prosecutor for approval of the indictment, must go through all stages of pre-trial proceedings. Any stoppage, delay in the conduct of investigative and procedural actions is an extraordinary situation, since it detrimentally affects the rationality of the terms of criminal proceedings and the protection of the rights and fundamental freedoms of a person and citizen as the purpose of criminal procedure. Therefore, the suspension of the preliminary investigation is a feature of Russian law. In literal interpretation and comparison with fundamental provisions, it is a violation of the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but subject to certain conditions and grounds, it is a legitimate violation. Under these circumstances, the investigator is faced with the need to engage and cooperate closely with an operational entity whose activities are largely tacit. Thus, the investigator, determining the subject area and limits of the search and other actions in the suspended criminal case, becomes a participant in confidential search activities.

Keywords: confidential nature, investigator, investigative actions, criminal process, suspension, search

Согласно ч. 3 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) по приостановленному уголовному делу не допускается производство следственных действий. Данная норма включает в себе фактический запрет на осуществление любых действий следственного характера и речь не идет исключительно о собирании и проверке доказательств. Любое процессуальное действие также не подлежит применению. Сказанное означает, что приостанавливается полностью доказательственная деятельность, не производится применение, изменение, отмена мер процессуального принуждения и мер пресечения, в том числе, не разрешаются ходатайства и жалобы, не продляются сроки.

В случае, если следователь допустил производство следственного или иного действия по приостановленному производством уголовному делу, то полученные результаты должны быть признаны в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ недопустимыми. Это есть правовое последствие нарушения запрета следо-

вателем. Поэтому следователь должен произвести максимально возможные к производству действия, в том числе решить вопрос с мерами процессуального принуждения. Если не было избрано меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) – избрать ее или сформулировать ходатайство перед судом, в особенности, если речь идет о скрывшемся подозреваемом. Если было арестовано имущество, то, прежде чем, решать вопрос об отмене ареста или нет, необходимо убедиться в законности его приобретения, исключении источника – дохода от некоторых видов преступлений, связанных с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью. Если имущество, находящееся под арестом, принадлежит иным лицам, то необходимо проверить срок, на который применена эта мера. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации: «его истечение является основанием для отмены ареста или иных ограничений, которым подвергнуто имущество» [1].

Также надлежит решить вопрос о продлении или отмене мер безопасности в зависимости от того, отпали основания или нет для их применения. О чем выносится отдельное постановление одновременно с постановлением о приостановлении. Лица, осуществляющие защиту и защищаемое лицо ставятся в известность о полной либо частичной отмене мер безопасности.

Часть 3 ст. 209 УПК РФ подлежит применению с учетом правил, закрепленных в других ст. 209 УПК РФ, где зафиксированы фактические исключения из правил. Законодатель закрепил, что по приостановленному производством уголовному делу могут осуществлять совместные меры следствия и оперативно-розыскных органов, направленные на установление лиц, причастных к совершению преступления, которые еще не признаны в установленном порядке подозреваемыми или обвиняемыми, но в отношении которых это следует сделать. И второе исключение касается уже известных следствию лиц, привлеченных к уголовной ответственности, но они скрылись в неизвестном направлении и уклоняются от органов следствия, от суда либо совершили побег из-под стражи. При этом место их расположения в настоящий момент неизвестно, их надо обнаружить, задержать и доставить к следователю. Все перечисленное относится к розыску лиц.

Законодатель не уточняет перечень действий и решений следователя, которые невозможно производить во время приостановления следствия. Вместе с тем сохраняет за участниками процесса знать о приостановлении с тем, чтобы они имели возможность обжаловать постановление, а также заявить своевременно ходатайство о производстве каких-либо действий, приобщении документов, справок и так далее.

Далее, следователь обязан предпринять лишь меры процессуального характера к установлению местонахождения скрывшегося от следствия лица. Эти меры на данном этапе расследования могут заключаться исключительно в даче соответствующего поручения о розыске, но то какими методами и средствами это будет выполнено, – лежит вне поля регламентации УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство скупо регламентирует порядок розыскных действий и мероприятий. Также нет в УПК РФ месту регламентации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями. Это отражено в других нормативно-правовых актах: инструкциях и межведомственных письмах.

Соответственно, следует понимать, что розыск для следователя выражается в направлении письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения либо в принятии решения о розыске подозреваемого, обвиняемого. Эти действия относятся к числу процессуальных. А потому, вроде как, не должны производиться другие мероприятия. Но, Конституционный Суд РФ по этому поводу пояснил: «Согласно статье 210 УПК РФ, если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление; розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением; в случае обнаружения обвиняемого он может быть задержан в порядке, установленном Гл. 12 УПК РФ; при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 этого Кодекса, в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения, а в случаях, предусмотренных его ст. 108, в качестве меры пресечения может быть избрано заключение под стражу» [2]. Как видим розыск сопровождается не только составлением одного процессуального документа – постановления о поручении розыскных мероприятий. Может возникнуть необходимость в быстром принятии других процессуальных решений. Конституционно-правовой смысл ст. 210 УПК РФ был продублирован в решениях судов общей юрисдикции. Так, например, Московский городской суд, опроверг доводы заявителя в жалобе на постановление следователя о непроцессуальном и затяжном характере приостановления, на что был поучен отказ в удовлетворении со ссылкой на ранее озвученную позицию высшего судебного органа [3].

Правовая природа розыскных действий следователя и по его поручению оперативного подразделения является дискуссионным вопросом из области расширения процессуальных возможностей и включения

широкого спектра результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс без дополнительной проверки. Это не является задачей нашей курсовой работы, но тем не менее мнения ученых мы должны затронуть. Так, В.А. Семенцов, О.В. Гладышева, М.С. Репкин [4, с. 89] считают сейчас, а ранее такую же позицию высказывал А.П. Гуляев [5, с. 148], что природа однозначно процессуальная и в этом сам законодатель виноват, ведь ряд статей УПК РФ посвящены розыску, а значит, по их мнению, это процессуальное действие. Есть и те авторы [6, с. 12], которые ищут новые наименования совместной деятельности следователя и оперативно-розыскного органа, основа которых во смешении и спутывании понятий. Рассуждения строятся по принципу: раз следственные действия по приостановленному делу недопустимы, значит следователь занимается поисково-розыскными мероприятиями. Что на наш взгляд верно, но при этом следователь не выходит из рамок своего правового поля и выполняет указанную деятельность в рамках основной своей процессуальной функции – расследования уголовного дела. А дача им поручения оперативному органу и принятие результатов – есть выполнение задач в рамках уголовно-процессуальной функции и осуществление межведомственного взаимодействия. Вместе с тем, расследование не строится исключительно на гласных началах. Есть ряд действий по приостановленному уголовному делу, которые сопряжены с поисково-разведывательными задачами, решаемыми на конфиденциальной основе. Так, следователь может направлять запросы в органы полиции по месту возможного нахождения обвиняемого, в места лишения свободы, где может оказаться разыскиваемый, будучи осужденным за другое преступление, установить круг родных и знакомых обвиняемого и т.д. Подобные действия носят скрытый характер либо цель их проведения «держится в секрете» от лиц, могущих стать источником «утечки» информации.

Однако в случае обнаружения подозреваемого, обвиняемого, объявленного в местный и федеральный розыск, он может быть задержан в общем порядке, предусмотренном законом, а затем в таком же общем порядке в течение 48 часов задержанный должен предстать перед судьей по месту задержания, который на общих основаниях, но с учетом того, что перед ним – скрывающийся от следствия и правосудия, решает вопрос о заключении под стражу. В этой стадии розыскные следственные действия перестают быть тайными и носят открытый характер. Поэтому можем сделать вывод на примере частичного анализа деятельности следователя по приостановленному производству предварительного следствия о том, что она не только строится на сочетании гласных и негласных начал, но и имеет конфиденциально-поисковую природу.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гладышева Владимира Поликарповича, Гладышевой Надежды Ивановны и общества с ограниченной ответственностью «Юг-Авто» на нарушение конституционных прав частями 1 и 9 ст. 115 и пунктом 2 части первой ст. 208 УПК РФ»: определение № 27-О от 28 января 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гандалоева Алихана Хаджибикаровича на нарушение его конституционных прав статьей 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 206-О // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Архив Московского городского суда. Определение от 11 апреля 2011 г. по уголовному делу № 22-4328 // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru>
4. Семенцов В.А., Гладышева О.В. Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования: монография / Под ред. В.А. Семенцова. Москва: Юрлитинформ, 2010.
5. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. Москва, 1981.
6. Каторхина О.А. начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

References

1. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Gladysheva Vladimira Polikarpovicha, Gladyshevoj Nadezhdy Ivanovny i obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «YUg-Avto» na narushenie konstitucionnyh prav chastyami 1 i 9 st. 115 i punktom 2 chasti pervoj st. 208 UPK RF»: opredelenie № 27-O ot 28 yanvarya 2016 g. SPS «Konsul'tantPlyus». Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>
- 2 Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Gandaloeva Alihana Hadzhibikarovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 210 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26 yanvarya 2017 g. № 206-O. SPS «Konsul'tantPlyus». Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>
3. Arhiv Moskovskogo gorodskogo suda. Opredelenie ot 11 aprelya 2011 g. po ugolovnomu delu № 22-4328. Sudebnye i normativnye akty RF. Rezhim dostupa: <https://sudact.ru>

4. Semencov V.A., Gladysheva O.V. Repkin M.S. Sledstvennye dejstviya i rozysknye mery v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: monografiya. Pod red. V.A. Semencova. Moskva: YUrlitinform, 2010.
5. Gulyaev A.P. Sledovatel' v ugolovnom processe. Moskva, 1981.
6. Katorhina O.A. nachalo i prekrashchenie ugolovnogo presledovaniya sledovatelyami organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2003.

**РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ СУРРОГАТНЫХ
ДЕТЕЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Гаврилов В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Кузина С.В., старший преподаватель,
Каменнова В.В.,
Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: *пришедшее на помощь людям, не способным иметь детей, суррогатное материнство повлекло за собой необходимость разработки принципиально новых правовых положений, а также внесения изменений и дополнений в уже существующие нормы. Не стал исключением институт наследования.*

В статье приведены условия, при которых возможно нарушение наследственных прав суррогатных детей. Авторами рассмотрены нормы действующего отечественного законодательства, посвященные наследственным правам детей, выношенных и рожденных суррогатной матерью, а также опыт правового регулирования зарубежных стран (Франции, Германии, Великобритании, Израиля, США, Республики Беларусь и Украины). Констатируется факт отсутствия в Гражданском кодексе РФ и Семейном кодексе РФ правовых норм, регулирующих рассматриваемые вопросы. Подобный пробел оставляет суррогатных детей за пределами действия норм института наследования.

Дана оценка уже имеющимся в научной литературе предложениям по решению обозначенных неясностей. Посредством сравнительного анализа выявлено наличие эффективного правового механизма регулирования наследственных отношений с участием суррогатных детей на территории бывших союзных республик. Авторами сформулировано предложение о целесообразности заимствования опыта ряда зарубежных стран (Республики Беларусь и Украины) для устранения обозначенных пробелов. А именно: внесение дополнений и изменений в Семейный кодекс РФ и Гражданско-процессуальный кодекс РФ.

Ключевые слова: *суррогатное материнство, наследственные права, наследование по закону, наследник, ребенок*

**REGULATION OF THE INHERITANCE RIGHTS OF
SURROGATE CHILDREN IN RUSSIA AND ABROAD**

Gavrilov V.N., Candidate of Juridical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Kuzina S.V., Senior Lecturer,
Kamennova V.V.,
Saratov State Law Academy

Abstract: *surrogate motherhood, which came to the aid of people unable to have children, entailed the need to develop fundamentally new legal provisions, as well as to make changes and additions to existing norms. The institution of inheritance was no exception.*

The article describes the conditions under which a violation of the inheritance rights of surrogate children is possible. The authors considered the norms of the current domestic legislation on the inheritance rights of children born and born by a surrogate mother, as well as the experience of legal regulation of foreign countries (France, Germany, Great Britain, Israel, the USA, the Republic of Belarus and Ukraine). The fact of the absence in the Civil Code of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation of legal norms governing the issues under consideration is stated. Such a gap leaves surrogate children outside the scope of the norms of the institution of inheritance.

An assessment is given to the proposals already available in the scientific literature for solving the indicated ambiguities. A comparative analysis revealed the existence of an effective legal mechanism for regulating hereditary relations with the participation of surrogate children on the territory of the former Soviet republics. The authors formulated a proposal on the advisability of borrowing the experience of a number of foreign countries (the Republic of Belarus and Ukraine) to eliminate the indicated gaps. Namely: making amendments to the Family Code of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: *surrogacy, inheritance rights, inheritance by law, heir, child*

Почетное место в ежегодной повестке политики нашего государства занимает демографический вопрос, ставший уже традиционным. Проблема рождаемости является первостепенной проблемой не просто для всего государства, но и для отдельно взятых семей. В силу различных причин не всем женщинам суждено испытать радость материнства, а мужчинам – отцовства. В случае, когда в качестве причины выступает ухудшение репродуктивного здоровья, современный уровень развития медицины и медицинских технологий предлагает решение – использование вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). В рамках данной работы мы акцентируем внимание на таком виде ВРТ как суррогатное материнство.

Тот факт, что услуги суррогатной матери являются востребованными, не вызывает сомнений. Еще в 2018 году Европейский центр суррогатного материнства опубликовал данные, согласно которым в России от суррогатных матерей рождается минимум 22 тысячи детей в год. И подобный «спрос» только увеличивается.

Несмотря на то, что с момента первой попытки применения суррогатного материнства в нашей стране прошло уже более четверти века, должного правового регулирования, выразившегося в принятии специализированного федерального закона, эта деятельность так и не получила. Однако оставим вопросы правового положения суррогатного материнства и его морально-нравственной оценки за рамками данного исследования, поскольку обусловленная тема изобилует массой других не менее важных и дискуссионных вопросов, не получивших ответа.

Среди таких вопросов себя обнаруживает проблема наследственных прав, принадлежащих ребенку, вынашиваемому суррогатной матерью. Здесь возможно несколько ситуаций:

- 1) суррогатная мать умирает, не успев дать согласие на оформление родительских прав лицами, представившими свои половые клетки;
- 2) генетические родители умирают, не успев оформить свои родительские права;
- 3) умирают и потенциальные родители, и суррогатная мать;
- 4) ребенок был зачат после смерти своих генетических родителей или одного из них.

Будет ли данный суррогатный ребенок наследником по закону? Чьим наследником он будет являться? В порядке какой очереди наследования он будет призываться? Кто поможет новорожденному ребенку отстаивать свои права? Данный перечень ситуаций не является исчерпывающим и обозначен нами в качестве наиболее вероятных.

Раздел V части 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, несмотря на всю его подробность, не затрагивает вопросы наследования таким ребенком. Правило, сформулированное в ст. 1166 ГК РФ, говорит о том, что к наследованию призываются дети, рожденные в течение трехсот дней после смерти наследодателя, т.е. этот ребенок должен быть зачат *при* жизни наследодателя. Иными словами, если ребенок был зачат *после смерти* своего генетического родителя (наследодателя) и родился живым уже после открытия наследства, то он лишается права наследования. Не будет он признаваться наследником по закону и в остальных, приведенных нами выше, случаях. Формально суррогатный ребенок не успел стать ребенком своих генетических родителей, при этом фактически суррогатная мать не является его генетической матерью, несмотря на биологическую связь. Поэтому ребенок оказывается вне поля действия наследственного законодательства. Можно сказать, данный пробел, влияющий на права и законные интересы ребенка, не просто негативно сказывается на них, но и нарушает их.

Для решения поставленных вопросов целесообразным представляется обращение к опыту зарубежных стран, в первую очередь, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Например, во Франции суррогатное материнство находится под строгим запретом, поэтому ни о каком наследовании говорить не приходится. Впервые такое решение было принято Конституционным судом Франции в 1991 году, а уже в 1994 данное положение было зафиксировано в специальном законе [1]. Помимо этого, статья 16-7 Гражданского кодекса Франции закрепляет следующее: «Любой договор, заключенный с целью зачатия или вынашивания ребенка в пользу третьего лица является ничемным» [2]. Помимо Франции, закон категорически запрещает суррогатное материнство и в Германии, где в 1991 году вступил в силу Закон о защите эмбрионов [3], запрещающий, помимо суррогатного материнства, вмешательства иных видов, способные повлиять на зарождение человеческой жизни. Помимо Франции и Германии, под запретом суррогатное материнство находится и в Австрии, Польше, Швейцарии, Эстонии и ряде других стран.

При этом альтруистическое суррогатное материнство практикуют ближайшие соседи перечисленных стран: Нидерланды, Греция, Великобритания, Норвегия, Испания. Нет запрета на использование такого вида ВРТ в Латвии, Израиле, Австралии, США, Норвегии и Швеции.

Из перечисленных стран, исходя из степени разработанности законодательства в отношении правовых аспектов использования ВРТ и их последствий, следует обратиться к опыту Великобритании. Установлено, что матерью является именно та женщина, которая *выносила* ребенка. Признание генетических родителей родителями ребенка возможно лишь *с согласия* этой женщины посредством вынесения судебного приказа

[4]. Однозначный ответ содержится относительно посмертно зачатого ребенка: ребенку, зачатому *после смерти отца* (наследодателя), несмотря на запись об отце в свидетельстве о рождении, не предоставляется право наследования. Аналогичное регулирование отмечается и в праве Израиля, где суррогатное материнство быстро развивается и успешно применяется [5].

Весьма противоречиво складывается практика в США, где каждый штат вправе самостоятельно определять свое отношение к использованию ВРТ, в том числе, к вопросам наследственных прав. Приведем примеры ряда штатов, где в той или иной степени все-таки разработано законодательство о наследовании суррогатными детьми. Например, разрешено пользоваться услугами суррогатной мамы в штате Калифорния; только на безвозмездной основе можно пользоваться такими услугами в штате Нью-Йорк, а совсем запрещено – в штате Мичиган.

В тех штатах, где суррогатное материнство разрешено, по рассматриваемому нами вопросу сложилась единообразная практика, несмотря на разные подходы к определению правовой природы договора суррогатного материнства. Изначально родительские права принадлежат лицам, желающим завести ребенка и предоставившим свои половые клетки. Отцовство и материнство ребенка презюмируются независимо от того, был зачат ребенок естественным путем или с использованием ВРТ [6, с. 52]. В случае отказа суррогатной матери отдать ребенка, суды принимают сторону семейной пары и возвращают ребенка именно им. В результате этого ребенку принадлежат права наследования за своими генетическими родителями в полной мере.

Что касается вопроса о наследовании посмертно зачатыми детьми, то качественнее проработан в Калифорнии. При этом, выдвигается ряд условий, при соблюдении которых ребенок имеет права наследования. Среди них: согласие наследодателя на использование его биологического материала, выраженное в письменной форме; назначение лица, осуществляющего контроль за использованием генетического материала; уведомление лица, занимающегося впоследствии распределением наследственной массы, об имеющемся генетическом материале наследодателя, цель использования которого – посмертное зачатие. После смерти лица установлен двухгодичный срок, в течение которого наследственная масса не распределяется (исключением является ситуация, когда рождение такого ребенка не оказывает никакого влияния на распределение и соответствующие выплаты) [7, с. 96]. Аналогичным образом происходит регулирование и в штате Нью-Йорк.

Отдельного рассмотрения заслуживает опыт бывших союзных республик ввиду тесной связи происхождения правовых норм. Часть стран была упомянута нами ранее. Статья 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь аналогично российскому законодательству (ст. 1116) содержит следующее положение: «наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства» [8]. Прогрессивным шагом можно назвать положения ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о семье и браке, посвященную установлению происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ: «матерью и отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признаются женщина и мужчина, заключившие с суррогатной матерью договор суррогатного материнства» [9]. Т.е. согласия суррогатной матери на оформление родительских прав генетическими родителями не требуется. Лаконичная формулировка о настоящих родителях, закрепленная в белорусском законодательстве, устраняет исследуемые пробелы наследования суррогатными детьми имущества родителей, защищая права ребенка (наследника). Приведенные нами ситуации просто не могут возникнуть. Аналогичным образом решается вопрос в законодательстве Украины [10].

Ключевым отличием российского закона, влияющего на наследственные права ребенка, от белорусского или украинского являются положения Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Согласно статье 51 СК РФ, во-первых, факт родительских прав генетических родителей на ребенка, вынашиваемого и рожденного суррогатной матерью, заносится в книгу записей рождений, во-вторых, сделать это возможно лишь с согласия суррогатной матери.

Обратимся подробнее к отечественному законодательству. Ясность по рассматриваемому вопросу есть лишь в случае, когда суррогатная мама умирает, не успев дать согласие на оформление генетическими родителями прав на ребенка. Он автоматически становится ее наследником по закону. Очевидно, что подобное решение не удовлетворяет ни интересы генетических родителей, ни родственников умершей женщины, если таковые имеются. Вряд ли такой исход можно назвать справедливым. А, между тем, законодательство пишется для справедливости. По определению древнеримского юриста Цельса, право - есть наука о добре и справедливости.

Немаловажной остается ситуация, когда генетические родители (один из них) умирают до момента рождения ребенка или до момента получения согласия суррогатной матери на запись их в качестве родителей. Как отмечается в литературе: «Дети после смерти матери наследуют в любом случае, а после смерти отца -

только в том случае, если они родились в зарегистрированном браке либо на основании ст. 53 СК РФ при установлении отцовства в порядке, предусмотренном ст. 48-50 СК РФ» [11, с. 14]. При обращении к ст. 48 СК РФ, становится понятно, что установить факт материнства невозможно даже через суд, поскольку данная женщина не вынашивала и не рожала ребенка. Зато такая процедура предусмотрена для установления отцовства. Однако неясно – кто должен обратиться в суд с подобным иском? Таким образом, ни о каком наследовании по закону за своими генетическими родителями речи быть не может. Надежда на признание умерших лиц родителями ребенка через суд на основании договора суррогатного материнства также не дает гарантий и представляется сомнительным вариантом. Одна из причин – нет лица/органа, который отстаивает интересы новорожденного ребенка.

Наиболее сложной является ситуация, когда ребенок был зачат после смерти своих генетических родителей или одного из них. Здесь нет никакого правового регулирования в принципе, в отличие от зарубежных стран.

Ю.В. Лескова и А.С. Малимонова предлагают в качестве выхода из сложившейся ситуации «признание его ребенком умерших биологических родителей на основании договора суррогатного материнства в судебном порядке» [12, с. 10], а обязанность по представлению интересов ребенка возложить на органы опеки и попечительства. Данное предложение представляется спорным. Во-первых, сомнительна эффективность участия органов опеки и попечительства в данном деле. В качестве альтернативы видится возможным обеспечить в данной категории дел участие прокурора, закрепив за ним соответствующие полномочия путем внесения дополнений в Гражданско-процессуальный кодекс РФ (в ст. 45). И, во-вторых, все это влечет дополнительные расходы для государства. По нашему мнению, следует перенять опыт зарубежных государств, а именно – Республики Беларусь и Украины. Внесение в текст ст. 51 СК РФ изменений, закрепляющих, что генетическими родителями суррогатного ребенка являются мужчина и женщина, предоставившие свои половые клетки и заключившие с женщиной договор суррогатного материнства, устранит причины неопределенности наследственных прав таких детей.

Повсеместная сложность правового регулирования наследственных прав суррогатных детей объясняется неоднозначным отношением к самому суррогатному материнству и его легализации. Но это вовсе не означает, что попытки не должны предприниматься. Ясно одно: наследственные права, принадлежащие детям, вынашиваемым суррогатной матерью, требуют детальной разработки и закрепления.

Литература

1. Закон от 29 июля 1994 года № 94-653 «О защите тела человека» [Электронный ресурс] // Legfrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000549619?page=1&pageSize=10&query=№+94-653&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT (дата обращения: 18.12.2021)
2. Королева В.А. Зарубежный опыт правового регулирования суррогатного материнства // E-scio. 2019. № 9 (36). С. 62 – 69.
3. Рёрихт А.А. Закон о защите эмбрионов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2010. С. 104 – 107.
4. Закон от 13 ноября 2008 года «Об оплодотворении и эмбриологии человека» [Электронный ресурс] // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/human-fertilisation-and-embryology-act-2008-post-legislative-assessment> (дата обращения: 29.12.2021)
5. Закон 1996 года «О договорах о вынашивании ребенка» [Электронный ресурс] // Государство Израиль. Министерство здравоохранения. URL: https://www.health.gov.il/LegislationLibrary/Poriut_05.pdf (дата обращения: 29.12.2021)
6. Ходюкова О.Ю. Правила установления материнства и отцовства детей, зачатых и рожденных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (по законодательству США) // Медицинское право. 2009. № 2. С. 50 – 56.
7. Шелютто М.Л. Дети, зачатые после смерти родителей: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 91 – 98.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 (с изм. и доп. от 05.01.2021, № 95-3) [Электронный ресурс] // ЭталонOnline. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9800218> (дата обращения: 19.12.2021)
9. Кодекс Республики Беларусь о семье и браке от 09.07.1999 № 278-3 (с изм. и доп. от 18.12.2019, № 27-3) [Электронный ресурс] // ЭталонOnline. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900278> (дата обращения: 19.12.2021)

10. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 (с изм. и доп. от 01.12.2021, № 1871-IX) [Электронный ресурс] // Законодательство Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14#Text> (дата обращения: 28.12.2021)

11. Гаврилов В.Н. Наследники по закону и порядок их призвания к наследованию по российскому и зарубежному законодательству // Наследственное право. 2011. № 2. С. 13 – 16.

12. Лескова Ю.В., Малимонова А.С. К вопросу о наследственных правах суррогатных детей по законодательству РФ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 1 – 11.

References

1. Zakon ot 29 iyulya 1994 goda № 94-653 «O zashchite tela cheloveka» [Elektronnyj resurs]. Legfrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000549619?page=1&pageSize=10&query=№+94-653&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePaging=DEFAULT (data obrashcheniya: 18.12.2021)

2. Koroleva V.A. Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya surrogatnogo materinstva. E-scio. 2019. № 9 (36). S. 62 – 69.

3. Ryorihht A.A. Zakon o zashchite embrionov. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal. 2010. S. 104 – 107.

4. Zakon ot 13 noyabrya 2008 goda «Ob oplodotvorenii i embriologii cheloveka» [Elektronnyj resurs]. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/human-fertilisation-and-embryology-act-2008-post-legislative-assessment> (data obrashcheniya: 29.12.2021)

5. Zakon 1996 goda «O dogovorah o vynashivanii rebenka» [Elektronnyj resurs]. Gosudarstvo Izrail'. Ministerstvo zdavoohraneniya. URL: https://www.health.gov.il/LegislationLibrary/Poriut_05.pdf (data obrashcheniya: 29.12.2021)

6. Hodyukova O.Yu. Pravila ustanovleniya materinstva i otcovstva detej, zachatyh i rozhdennyh s ispol'zovaniem vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologij (po zakonodatel'stvu SSHA). Medicinskoe pravo. 2009. № 2. S. 50 – 56.

7. SHelyutto M.L. Deti, zachatyje posle smerti roditelej: ustanovlenie proiskhozhdeniya i nasledstvennye prava. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 4 (59). S. 91 – 98.

8. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus' ot 07.12.1998 № 218-Z (s izm. i dop. ot 05.01.2021, № 95-Z) [Elektronnyj resurs]. EtalonOnline. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218> (data obrashcheniya: 19.12.2021)

9. Kodeks Respubliki Belarus' o sem'e i brake ot 09.07.1999 № 278-Z (s izm. i dop. ot 18.12.2019, № 27-Z) [Elektronnyj resurs]. EtalonOnline. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900278> (data obrashcheniya: 19.12.2021)

10. Semejnyj kodeks Ukrainy ot 10.01.2002 (s izm. i dop. ot 01.12.2021, № 1871-IX) [Elektronnyj resurs]. Zakonodatel'stvo Ukrainy. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14#Text> (data obrashcheniya: 28.12.2021)

11. Gavrilov V.N. Nasledniki po zakonu i poryadok ih prizvaniya k nasledovaniyu po rossijskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu. Nasledstvennoe pravo. 2011. № 2. S. 13 – 16.

12. Leskova YU.V., Malimonova A.S. K voprosu o nasledstvennyh pravah surrogatnyh detej po zakonodatel'stvu RF. Politematicheskij setевой elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 111. S. 1 – 11.

СТРАХОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Катвицкая М.Ю., действительный член
Международной академии информатизации
в Генеральном консультативном статусе
Экономического и социального совета ООН

Аннотация: статья посвящена основным положениям Федерального закона от 23 декабря 2003 г. №177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации». Дается краткий правовой обзор участникам системы страхования, приводится обзор существовавших в сравнительно недавнее время размер сумм выплат, и конечно же, размер суммы, выплачиваемой в настоящее время в случае наступления страхового случая. В статье указываются сроки, в течение которых физические и юридические лица имеют право подать соответствующие документы на получение выплат, а также сроки осуществления Агентством по страхованию вкладов выплат денежных средств.

Кроме того, рассматриваются вопросы размера выплаты возмещения по вкладам в случае, если у вкладчика открыты в соответствующем банке несколько вкладов разного вида, если у вкладчика в отношении разных банков наступил страховой случай.

Ключевые слова: агентство по страхованию вкладов; банковский вклад; страхование; вкладчик; банк; денежные средства

INSURANCE OF BANK DEPOSITS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Katvitskaya M.Yu., Full Member
of the International Academy of Informatization
in the General Consultative Status
of the UN Economic and Social Council

Abstract: the article is devoted to the main provisions of the Federal Law of December 23, 2003 No. 177-FZ "On insurance of deposits in banks of the Russian Federation". A given legal overview of the participants in the insurance system, is given an overview of the amount of payments that existed in a relatively recent period and, of course, the amount of the amount paid at the present time in the event of an insured event. The article indicated the terms during which individuals and legal entities have the right to submit the relevant documents to receive payments, as well as the timing of the implementation of payments of funds by the Deposit Insurance Agency.

In addition, the issues of the size of payment of compensation for deposits are considered in the event that the depositor has opened several deposits of various types in the relevant bank, if the depositor has an insured event in relation to different banks.

Keywords: Deposit Insurance Agency, bank deposit, insurance, depositor, bank, cash

Российская банковская отрасль по-прежнему характеризуется большим количеством кредитных организаций (836 по состоянию на 1 января 2020 года) и высоким уровнем концентрации капитала.

В 2018-2019 годах Центральный банк России (далее – «ЦБ РФ») продолжил политику сокращения числа кредитных организаций, направленную на их консолидацию и более тщательный надзор за их деятельностью в нынешних экономических условиях. Следовательно, за последние два года было отозвано значительное количество банковских лицензий. Так, что же происходит с вкладами юридических и физических лиц в таких банках и какие гарантии имеют вкладчики?

На сегодняшний день в условиях мировых финансовых кризисов и нестабильной экономической обстановки физические и юридические лица при размещении своих денежных средств во вклады и на банковские счета заинтересованы в их сохранности и возвратности, особенно в условиях развития COVID-19.

Считается, что наиболее эффективным способом обеспечения возвратности денежных вкладов населения и компаний является их страхование.

На сегодняшний день нормативно-правовая база, которая регламентирует практику ведения системы страхования вкладов в Российской Федерации, управляется Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. №177-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 №343-ФЗ) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации») [5].

В представленном выше федеральном законодательном документе регламентируется нормативно-правовая основа и порядок защиты прав лиц, вкладывающих свои средства в банковские структуры. Основной целью данного закона для экономики Российской Федерации можно считать привлечение денежных средств вкладчиков в банковский сектор Российской Федерации посредством наращивания уровня доверия к общей системе банков государства.

На сегодняшний день в общей страховой системе в России участвует целый ряд лиц, к которым можно отнести:

- вкладчиков, признанных выгодоприобретателями;
- банки, внесенные в реестр банков и признанные страхователями;
- Агентство по страхованию вкладов (АСВ);
- Центральный Банк Российской Федерации.

Основной целью государственной программы обязательного страхования является защита сбережений клиентов во вкладах и на счетах банков на территории Российской Федерации. В случае отзыва лицензии банка или наступления другого страхового случая владельцам будет возвращена гарантированная сумма внесенных сумм.

Для организации страхования вкладов вкладчикам не требуется подписывать какие-либо дополнительные соглашения, поскольку это осуществляется и гарантируется законом. Специализированное государственное агентство по страхованию вкладов выплачивает вкладчику основную сумму сбережений.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» его действие не распространяется на иные способы страхования с целью обеспечения возврата денежных сумм и выплаты по ним процентов. В частности, имеется ввиду добровольное страхование, которое может осуществляться страховыми организациями на основании договоров с банками, либо путем создания фондов добровольного страхования вкладов, предусмотренных ст. 39 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. №395-1 (в ред. от 02.07.2021 №353-ФЗ) «О банках и банковской деятельности» [2].

Следует подчеркнуть, что в 2020 г. в условиях интенсификации экономического кризиса на фоне нестабильной обстановке в мире, которая приобрела глобальные масштабы с распространением пандемии и введением массовых локдаунов и нерабочих недель, расширился круг лиц, которые теперь имеют право на страхование своих вкладов. На сегодняшний день к списку таких лиц можно отнести следующие следующие юридические лица:

1) малые предприятия, сведения о которых содержатся в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства;

2) некоммерческие организации, информация о которых содержится в Едином государственном реестре юридических лиц:

- а) товарищества собственников недвижимости;
- б) потребительские кооперативы, за исключением некредитных финансовых организаций;
- в) казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации;
- г) общины коренных малочисленных народов Российской Федерации;
- д) религиозные организации;
- е) благотворительные фонды;

3) некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг.

Нормативно-правовая база по системе страхования вкладов в Российской Федерации устанавливает определенный регламент, под который должны подходить вкладчики российских банков для получения предполагаемой компенсации по своим вкладам в будущем [3].

Невыполнение требований, которые указаны в российских законах, а также описаны агентством по страхованию вкладов, или отказ от участия в системе страхования вкладов приведет к тому, что банк не сможет привлекать депозиты или открывать счета для физических лиц, предпринимателей и ГКО.

В отношении банков наступает страховой случай. Данная ситуация происходит в том случае, если Центральный Банк Российской Федерации отзывает у отдельного коммерческого банка или группы коммерческих банков их лицензию. Данные об аннулировании лицензии публикуются в виде официального акта ЦБ РФ. Также страховой случай в отношении коммерческого банка может наступить тогда, когда Банк России накладывает мораторий на удовлетворение требований кредиторов. Законодательством установлен срок, в который такому банку необходимо предоставить в Агентство по страхованию вкладов документацию в реестр обязательств банка перед вкладчиками, подтверждающий привлечение денежных средств во вклады.

Также АСВ может запросить дополнительную информацию в Росреестре, если возмещение по вкладам касается договора по счету эскроу, в ФНС Российской Федерации. Отметим, что в рамках своей деятельности по системе страхования вкладов, АСВ вправе запросить данные от иных уполномоченных органов.

С целью сохранения денежных средств для юридического лица обязательно, чтобы все сведения о таком юридическом лице были во всех информационных базах госорганов, особенно в информационных ресурсах ФНС России.

АСВ предоставляет в банк, в отношении которого наступил страховой случай информацию о вкладчиках, которые получили возмещение по вкладам и выплаченных АСВ суммах, а также сведения о вкладах, по которым еще осуществляется возмещение.

АСВ без обращения вкладчика с заявлением о выплате вклада и представления документов, осуществляет данную выплату в течение трех рабочих дней с момента регистрации в уведомлении о наступлении страхового случая.

Данный размер с момента принятия ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» постепенно увеличивался:

- в 2006 г. был установлен предел в 190 тыс. рублей;
- в 2007 г. – 400 тыс. рублей;
- в 2008 г. на фоне кризиса размер возмещения вырос до 700 тыс. рублей;
- в 2014 г. был утвержден новый объем выплат – 1,4 млн. рублей (с 2015 г. и для индивидуальных предпринимателей) [6].

Следует отметить, что в России все вкладчики-физические лица, предприниматели и СБП, имеющие депозиты в банках-членах, имеют право на 100% компенсацию на общую сумму до 1,4 млн рублей.

Очень важным является тот факт, что, начиная с 2020 года, в соответствии с федеральным законодательством Российской Федерации, компенсация физическим лицам, которые имеют вклады в банковской сфере, выросла. Теперь она стала составлять в максимально возможном объеме 10 миллионов рублей. Однако, подчеркнем, что такое возмещение возможно лишь при больших вкладах на счетах конкретного человека.

Сегодня очень часто мы сталкиваемся с такими случаями, когда у вкладчиков открыто от двух и более вкладов в банках Российской Федерации. Как выплачивается компенсация в таком случае?

Следует отметить, что в случае, когда было открыто более одного вклада человеком, средства на которых в общем объеме превышают 1,4 млн. рублей, компенсация будет выплачиваться данному физическому лицу по каждому отдельному вкладу рассматриваемого лица пропорционально размерам этих вкладов. Также следует подчеркнуть, что компенсация не может превышать указанную сумму денежных средств.

Также на сегодняшний день огромное количество физических лиц имеют вклады на счетах банков, которые в общем объеме превышают 1,4 миллиона рублей. В таком случае, действуют другие правила для лиц, которые имеют вклады.

Так, вкладчику предоставляет право на то, чтобы получить компенсацию по оставшимся денежным средствам его вклада в соответствии с ГК Российской Федерации. Сумма, на которую может претендовать вкладчик, может быть рассчитано как разница между его требованием и той суммой, которая ему уже была возмещена в качестве компенсации.

Следует иметь в виду, что если у индивидуального предпринимателя открыт счет индивидуального предпринимателя и физического лица в банке, в отношении которого наступил страховой случай, то выплаты будут осуществляться пропорционально, но денежные средства сначала будут возвращены на счет физического лица, а только потом на счет индивидуального предпринимателя, но не более установленного размера предельной страховой суммы.

В целом, схемы страхования вкладов юридических и физических лиц возмещают ограниченную сумму для компенсации вкладчикам, чей банк обанкротился, например. основополагающий принцип, лежащий в основе таких систем страхования, заключается в том, что они полностью финансируются банками и что средства налогоплательщиков не используются.

Приведенные выше выводы свидетельствуют о том, что лимит страхового покрытия депозитов является определяющим фактором верхнего уровня сбережений для большинства вкладчиков-физических лиц, и что увеличение стоимости банковских счетов будет следовать за увеличением лимита покрытия, а не наоборот. Кроме того, к сожалению, невозможно объяснить увеличение количества и объема депозитов физических лиц введением системы страхования вкладов. С одной стороны, статистика демонстрирует устойчивый рост стоимости депозитов физических лиц, причем сотрудники банка воспринимают это как результат усиления сберегательного поведения среди вкладчиков-физических лиц. С другой стороны, большинство вкладчиков-физических лиц считают, что их сберегательное поведение осталось неизменным.

В результате, из-за сложности измерения влияния внедрения системы страхования вкладов на сберегательное поведение розничных вкладчиков и сложности других вероятных причин увеличения сбережений домашних хозяйств, потребуется больше доказательств для подтверждения точного влияния внедрения и надлежащего функционирования системы страхования вкладов на изменения в сберегательном поведении населения.

Подводя итоги, следует отметить, что в качестве основного гаранта по страхованию выступает российское государство, которое формирует нормативно-правовую базу, регламентирующую основные нормы по компенсациям и возмещению. Отметим, что нормы по возмещению устанавливаются как для банков, так и для вкладчиков: лимиты, сроки, формы обращений. Невыполнение вышеуказанного может привести к более длительному рассмотрению требования вкладчика о возмещении его вкладов, отказу в его удовлетворении, если Банк или Агентство по страхованию вкладов не могут идентифицировать вкладчика (его представителя, уполномоченного представлять юридическое лицо без доверенности).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. №14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 №295-ФЗ, с изм. от 08.07.2021 № 33-П) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Российская газета. 2021. 6 июля; 2021. 19 июля.
2. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (в ред. от 02.07.2021 №353-ФЗ) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. №6. Ст. 492; Российская газета. 2021. 9 июля.
3. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 351-ФЗ) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145; Российская газета. 2021. 8 июля.
4. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 343-ФЗ) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Парламентская газета. 2002. 13 июля; Российская газета. 2021. 8 июля.
5. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 №343-ФЗ) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. №52. Часть I. Ст. 5029; Российская газета. 2021. 8 июля;
6. Расчетный счет все вопросы по открытию и обслуживанию счетов обществ с ограниченной ответственностью и индивидуальных предпринимателей. Статья: страхование расчетного счета. <https://raschetniy-schet.ru/strahovanie-raschetnogo-scheta/>

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 g. №14-FZ (v red. ot 01.07.2021 №295-FZ, s izm. ot 08.07.2021 № 33-P). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410; Rossijskaya gazeta. 2021. 6 iyulya; 2021. 19 iyulya.
2. Federal'nyj zakon ot 2 dekabrya 1990 g. № 395-1 (v red. ot 02.07.2021 №353-FZ) «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. №6. St. 492; Rossijskaya gazeta. 2021. 9 iyulya.
3. Federal'nyj zakon ot 12 yanvarya 1996 g. № 7-FZ (v red. ot 02.07.2021 № 351-FZ) «O nekommercheskih organizacijah». Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 145; Rossijskaya gazeta. 2021. 8 iyulya.
4. Federal'nyj zakon ot 10 iyulya 2002 g. № 86-FZ (v red. ot 02.07.2021 № 343-FZ) «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)». Parlamentskaya gazeta. 2002. 13 iyulya; Rossijskaya gazeta. 2021. 8 iyulya.
5. Federal'nyj zakon ot 23 dekabrya 2003 g. № 177-FZ (v red. ot 02.07.2021 №343-FZ) «O strahovanii vkladov v bankah Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. №52. CHast' I. St. 5029; Rossijskaya gazeta. 2021. 8 iyulya;
6. Raschetnyj schet vse voprosy po otkrytiyu i obsluzhivaniyu schetov obshchestv s ogranichennoj otvetstvennost'yu i individual'nyh predprinimatelej. Stat'ya: strahovanie raschetnogo scheta. <https://raschetniy-schet.ru/strahovanie-raschetnogo-scheta/>

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

**Чукреев В.А., кандидат юридических наук,
заместитель прокурора Свердловской области,
Прокуратура Свердловской области,
Зацепин А.М., кандидат юридических наук, доцент,
прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной
деятельностью прокуратуры Свердловской области,
Уральский государственный юридический университет**

***Аннотация:** семейное законодательство на современном этапе нуждается в комплексном усовершенствовании, поскольку последнее регламентирует широкий перечень отношений, посредством которых создаются необходимые для обеспечения стабильности семьи и отдельных ее членов условия, а в особенности – несовершеннолетних и нетрудоспособных лиц. Таким образом, статья посвящена правовому регулированию алиментных обязательств в России. Анализируется глава 13 Семейного кодекса Российской Федерации, которая регламентирует алиментные обязательства. Автором исследуется ряд проблем, связанных с алиментными обязательствами. и анализом этих обязательств с учетом проблем правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** алименты, супруги, дети, родители, семейное право, материальная поддержка, семейные правоотношения, взыскание взаимопомощь, бабушка, дедушка, сестра, брат, пасынок, падчерица, отчим, мачеха*

ALIMONY OBLIGATIONS

**Chukreev V.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Deputy Prosecutor of Sverdlovsk region,
Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region,
Zatsepin A.M., Candidate of Juridical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Prosecutor of the Department for Supervision of Operational
and Investigative Activities of the Prosecutor's
Office of the Sverdlovsk region,
Ural State University of Law**

***Abstract:** family legislation at the present stage needs comprehensive improvement, since the latter regulates a wide range of relationships through which the conditions necessary to ensure the stability of the family and its individual members, and especially minors and disabled persons, are created. Thus, the article is devoted to the legal regulation of alimony obligations in Russia. Chapter 13 of the Family Code of the Russian Federation, which regulates alimony obligations, is analyzed. The author investigates a number of problems related to alimony obligations. and analysis of these obligations taking into account the problems of law enforcement practice.*

***Keywords:** alimony, spouses, children, parents, family law, financial support, family legal relations, mutual assistance recovery, grandmother, grandfather, sister, brother, stepson, stepdaughter, stepfather, stepmother*

Семейный кодекс Российской Федерации [1] в пятом разделе регламентирует алиментные отношения и определяет права материально незащищенного лица на получение выплат.

В настоящее время семейно-правовой механизм алиментирования нуждается в дальнейшей проработке.

Рассмотрим позиции ученых – правоведов относительно определения понятия «алименты» или «алиментное обязательство», а также рассмотрим отдельные виды и признаки данного института семейного права.

В.П. Никитина указывает на то, что алименты представляют собой обязательство, по которому, в случае, прямо установленном законом, на одно лицо из числа членов семьи возлагается обязанность по содержанию других членов семьи, нуждающихся в материальной поддержке [5, с. 275].

Е.О. Жучкова дает следующее определение алиментам. Так, алименты, по мнению данного исследователя, есть денежные средства или иной вид содержания, которые уплачивает лицо, на которого возложена соответствующая обязанность, в пользу другого лица. Важным условием алиментных обязательств Е.О.

Жучкова считает отсутствие ведения общего хозяйства между плательщиком и получателем алиментов [4, с. 174].

Исследователь Л.М. Пчелинцева под алиментными обязательствами понимает правоотношение, состоящее в обязанности одного члена семьи оказывать определенную судом или соглашением материальную поддержку другим управомоченным членам семьи. Автор отмечает, что члены семьи, в пользу которых производится уплата алиментов вправе требовать уплаты данных денежных сумм [6, с. 351].

Важно отметить, что Л.М. Пчелинцева разграничивает понятие «алименты» и «содержание». По ее мнению, алименты выступают элементом, составной частью содержания в рамках семейных правоотношений.

Аналогичный вывод о несовпадении терминов «содержание» и «алименты» можно сделать при анализе нормативных положений статей 80 СК РФ. Данная норма права указывает на то, что содержание нетрудоспособных детей является прямой обязанностью их родителей, а алиментные обязательства возникают на основании иных юридических фактов, имеющих более узкую направленность. То есть законодателем в нормах Семейного кодекса очерчена тонкая линия, разъединяющая содержание и алименты.

На основании анализа положений юридической науки и нормативного материала следует сделать вывод о том, что алименты нельзя отождествлять с содержанием. Следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что алименты являются составной частью содержания – материальной поддержки одних членов семьи другими. Семейный кодекс Российской Федерации устанавливает следующие виды правоотношений, связанных с исполнением алиментных обязательств:

1. Между детьми и родителями. Данная группа алиментных обязательств включает в себя группу отношений по выплате алиментов:

- а) родителями на несовершеннолетних детей;
- б) родителями на совершеннолетних, но нетрудоспособных детей;
- в) совершеннолетними детьми на нетрудоспособных родителей, нуждающихся в материальной поддержке.

2. Между супругами, бывшими супругами.

3. Между иными членами семьи (бабушками, дедушками, сестрами, братьями, пасынком, падчерицей, отчимом, мачехой).

Право на получение алиментов может быть установлено как в добровольном (внесудебном), так и в судебном порядке.

Алиментное обязательство следует рассматривать как правоотношение, в основе которого имеет место предусмотренный законом юридический факт. В силу данного обязательства одни члены семьи обязаны предоставлять содержание другим её членам, а последние вправе требовать такого содержания [8, с. 186].

Специфические особенности алиментных обязательств:

1. Основанием их возникновения являются императивные нормы семейного права. Так, например, ч. 1 ст. 80 СК РФ предусматривает обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей. В ст. 116 СК РФ закреплена «недопустимость зачёта и обратного взыскания алиментов» [1].

2. Имущественный характер правоотношений. Алиментные обязательства состоят в наличии у одного лица определенной законом обязанности по передаче денежных средств или имущества управомоченному лицу.

3. Наряду с имущественным характером алиментные обязательства обладают признаком личных правоотношений. Так, алиментное обязательство представляет собой личные имущественные правоотношения. Исследователи семейного права отмечают, что право на получение алиментов представляет собой практический пример закрепленного в законе права на взаимопомощь супругов (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 89 СК РФ), права ребенка на заботу со стороны его родителей (п. 2 ст. 54 СК РФ), права на приоритетную защиту нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ).

4. Сложный субъектный состав участников правоотношения. Состав субъектов алиментных правоотношений четко определен. Кроме того, закон устанавливает ряд требований к субъектам алиментных обязательств – физические лица, обладающие определенным правовым статусом близкого родства (супруги, дети, родители и иные члены семьи).

5. Возникновение, изменение и прекращение алиментных обязательств связано с определенными законом юридическими фактами (например, рождение ребенка, достижение им определенного возраста, восстановление в родительских правах и т.д.).

6. Алиментные обязательства всегда взаимны. Данная характеристика рассматриваемого института семейного права означает зависимость прав и обязанностей субъектов алиментного правоотношения. Например, обязанность уплаты алиментов детьми в пользу их родителей прекращается в случае лишения последних родительских прав (п. 5 ст. 87 СК РФ).

7. Исполнение обязанности по уплате алиментов гарантируется мерами государственного принуждения, установленными нормами семейно-, гражданско-, административно- и уголовно-правовой ответственности [10].

8. Алиментные обязательства могут быть основными (первой очереди) и субсидиарными (второй очереди) [7, с. 111].

9. В алиментных обязательствах присутствует элемент публичности.

10. Важной особенностью алиментных правоотношений признается определяющий характер размера заработка плательщика алиментов и его фактической способности исполнения обязанности по уплате алиментов. Исключение составляет уплата алиментов в пользу несовершеннолетних детей. При разрешении вопроса о содержании данной категории лиц размер дохода плательщика не имеет юридического значения. Данное законодательное положение подчеркивает значимость правила об охране незащищенного субъекта правоотношения – несовершеннолетнего.

11. Алиментные обязательства носят длящийся характер. Последняя обозначенная нами особенность алиментных обязательств породила законодательное закрепление возможности изменения размера алиментов.

Изменить размер алиментов можно как в большую, так и в меньшую сторону. Кроме того, законодатель предусмотрел возможность освобождения от уплаты алиментов. Процедура изменения размера алиментов начинается с подготовки искового заявления. В соответствии с законодательством РФ, лицо, уплачивающее алименты, предъявляет требования об изменении их размера в суд по месту жительства ответчика (взыскателя).

На практике чаще встречаются ситуации, когда суду приходится рассматривать дела по искам об уменьшении размера алиментов. В п. 8 ПП ВС РФ от 26 декабря 2017 года №56 чётко сказано, что решение данного вопроса осуществляется судом «с учётом материального, семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств или интересов сторон» [2].

Приведём пример из судебной практики. 28 мая 2020 года Белогорским городским судом Амурской области в судебном заседании рассматривалось дело по иску ФИО1 к ФИО2 об уменьшении размера алиментов. Истец обосновывал необходимость уменьшения алиментных платежей в пользу первой супруги на содержание совместного ребёнка рождением второго ребёнка во втором браке. При этом истец указывал, что с него взысканы алименты на содержание каждого ребёнка в размере 1/4 части всех видов заработка, а общий размер взыскиваемых с него алиментов составляет 70% заработка, что превышает установленную законом долю.

На основании этого он просил суд уменьшить размер алиментов, взыскиваемых в пользу предыдущей жены на содержание ребёнка, до 1/6 части всех видов заработка ежемесячно. Проанализировав материалы дела, судьёй было вынесено решение об отказе в удовлетворении исковых требований истца, так как только рождение ребёнка не свидетельствует об ухудшении материального положения и никаких иных документов, свидетельствующих о недостаточном материальном обеспечении семьи, в суд предоставлено не было. Кроме того, в судебном решении акцентировано внимание на позиции Конституционного суда РФ относительно алиментных отношений и необходимости соблюдения баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей, на нормах Конституции РФ [3].

Таким образом, по данным вопросам суды анализируют формальность алиментного обязательства в отношении каждого конкретного ребёнка, обращают внимание на факт совместного либо раздельного проживания ребёнка с плательщиком алиментов, выясняют иные обстоятельства по делу.

Говоря об изменении размера алиментов, следует сказать, что законодательством РФ предусмотрены случаи изменения способа выплаты алиментов с долевого соотношения к заработку на определение ежемесячных платежей в твёрдой денежной сумме. Это ситуации:

1. когда первоначальным способом взыскания алиментов нарушаются интересы ребёнка;

2. когда у ответчика имеются доходы, которые не учитываются при исчислении алиментных выплат. Такие ситуации бывают достаточно часто: плательщики алиментов скрывают свои реальные доходы, выполняют трудовую функцию без заключения трудового договора («неофициальная занятость»), имеют в собственности дорогостоящее имущество, но при этом доход минимален.

3. когда взыскание алиментов затруднительно тем способом, который был установлен судом первоначально.

Споры по алиментным выплатам довольно часто возникают между родителями совместного ребёнка. Как правило, инициатором требования об уменьшении размера алиментов выступает лицо, осуществляющее их выплату по решению суда. Добиться положительного решения по исковому требованию можно, предоставив суду доказательства в подтверждение основания иска. Анализ судебной практики показал, что

судья решает вопрос о снижении размера выплат по своему внутреннему убеждению. Решая спорные ситуации, суд учитывает материальное положение обеих сторон, принимает решение с соблюдением требования по защите прав несовершеннолетнего ребёнка, при этом стараясь не ущемить положение лица, обязанного к уплате алиментов.

В заключение отметим, что в настоящее время законодательство РФ не содержит легального определения понятий «алименты», «алиментные обязательства», «содержание», что приводит к разночтениям в научных кругах. Ученые спорят о соотношении категорий «содержание» и «алименты», а также высказывают различные точки зрения относительно самого определения последнего понятия.

По нашему мнению, данную доктринальную проблему возможно разрешить путем внесения изменения в ст. 80 СК РФ. В указанную норму права необходимо внести пункт, раскрывающий понятие «алименты».

Также, считаем необходимым ввести легальное понятие «содержания». Данное законодательное предложение позволит разрешить существующие споры относительно понятия алиментов и его соотношения с понятием «содержание» в семейном праве.

Несмотря на существующие в настоящее время неопределенность в отношении законодательных дефиниций, алиментные обязательства представляют собой самостоятельный институт семейного права, что подтверждается наличием ряда индивидуальных признаков данного правового явления.

К сожалению, в современном обществе, в частности в России, складывается негативная тенденция пренебрежительного отношения некоторых родителей к своей конституционной обязанности – заботиться о детях и заниматься их воспитанием. Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что за последние 5 лет количество дел о взыскании алиментов на детей возрастает. Данная проблема может рассматриваться в двух плоскостях. С одной стороны – это проблема общества, приобретающая массовый характер из-за низкого уровня социальной ответственности и нравственных качеств родителя, обязанного платить алименты. Другая сторона данной проблемы – отсутствие четкой регламентации в законе правовых основ взыскания и получения денежных средств на содержание детей. При этом важно учитывать еще и тот факт, что некоторые дети, которые по закону имеют право на получение содержания от своих родителей, не реализуют в действительности это право. На это есть ряд объективных причин: 1) низкий уровень заработной платы отдельных плательщиков алиментов или ее отсутствие в принципе; 2) занижение официальных данных о размере фактически получаемой заработной платы алиментобязанным лицом; 3) укрывательство доходов и имущества от обращения взыскания со стороны некоторых плательщиков алиментов; 4) отсутствие действенных механизмов стимулирования и укрепления семьи на государственном уровне. Проблема невыплаты алиментов на ребенка – все так же большая тема для российских семей. Оценить ее масштабы можно, взглянув на общую сумму 40 алиментной задолженности за 2019 год. Налогоплательщики должны были своим детям около 152 млрд рублей. В сравнении с показателями 2012 года долги выросли в 7 раз, тогда задолженность составляла 19,8 млрд рублей [9]. Ежегодно вносятся законодательные инициативы, чтобы уменьшить масштаб проблемы, но принимаются они, к сожалению, не так быстро, как хотелось бы.

Таким образом, чтобы добиться надлежащего выполнения недобросовестными родителями своих обязанностей по уплате алиментов, необходимо принять на государственном уровне комплекс мер по повышению механизма взыскания алиментов на детей:

- создание единой государственной политики в сфере укрепления института семьи и, в частности, брака;
- создание алиментного фонда;
- разработка мер по усилению ответственности должников и методов психологического воздействия на них.

Указанные положения должны найти отражение в положениях семейного и уголовного кодексов, кодекса об административных правонарушениях, а также, что немаловажно, в существующей системе взыскания алиментов.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // «Российская газета», N 17, 27.01.1996.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 4, апрель, 2018.
3. Решение суда № 2-882/2020 2-882/2020~М-611/2020 М-611/2020 от 28 мая 2020 г. по делу № 2-882/2020. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/J2dOBHW1KkVK/> (дата обращения: 06.09.2021)
4. Жучкова О.Е. Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака. М.: Юрлитинформ, 2013. 594 с.

5. Никитина В.П. Правовые проблемы регулирования имущественных отношений в семье. М., 1976. 775 с.
6. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: Учебник для вузов. М., 1999. 634 с.
7. Романова И.Н. Теоретико-правовая характеристика алиментных обязательств: основания и условия // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 111 – 117.
8. Семейное право: учебник / под ред. А.А. Демичева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. 301 с.
9. СМИ оценили задолженность россиян по алиментам в рекордные 152 млрд рублей. URL: <https://rbcru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/12/02/2020/5e43ad209a79479b3c3d9f01> (дата обращения: 06.09.2021)
10. Пермяков М.В., Зацепин А.М. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: учебное пособие. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2014.

References

1. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 02.07.2021). «Rossijskaya gazeta», N 17, 27.01.1996.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.12.2017 N 56 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannyh so vzyiskaniem alimentov». «Byulleten' Verhovnogo Suda RF», N 4, aprel', 2018.
3. Reshenie suda № 2-882/2020 2-882/2020~М-611/2020 М-611/2020 ot 28 maya 2020 g. po delu № 2-882/2020. Rezhim dostupa: <http://sudact.ru/regular/doc/J2dOBHW1KkVK/> (data obrashcheniya: 06.09.2021)
4. ZHuchkova O.E. Problemy primeneniya norm semejnogo prava v sudebnyh sporah, svyazannyh s rastorzheniem braka. M.: YUrlitinform, 2013. 594 s.
5. Nikitina V.P. Pravovye problemy regulirovaniya imushchestvennyh otnoshenij v sem'e. M., 1976. 775 s.
6. Pchelinceva L.M. Semejnoe pravo Rossii: Uchebnik dlya vuzov. M., 1999. 634 s.
7. Romanova I.N. Teoretiko-pravovaya harakteristika alimentnyh obyazatel'stv: osnovaniya i usloviya. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 2 (56). S. 111 – 117.
8. Semejnoe pravo: uchebnik / pod red. A.A. Demicheva. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: FORUM: INFRA-M, 2021. 301 s.
9. SMI ocenili zadolzhennost' rossiyan po alimentam v rekordnye 152 mlrd rublej. URL: <https://rbcru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/12/02/2020/5e43ad209a79479b3c3d9f01> (data obrashcheniya: 06.09.2021)
10. Permyakov M.V., Zacepin A.M. Zlostnoe uklozenie ot uplaty sredstv na sodержание detej ili netrudospobnyh roditel'ej: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Azhur», 2014

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

**Шереметьева Н.Г.,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса**

Аннотация: данная статья посвящена вопросам исследования природных ресурсов и природных объектов через призму объектов гражданских правоотношений с целью установления разграничения природных ресурсов и природных объектов. Проведен анализ понятий «природные ресурсы», «природные объекты», «объекты гражданских правоотношений», в том числе приведенных законодателем, на основе которого установлено отсутствие законодательно закрепленного положения о принадлежности природных ресурсов и природных объектов к объектам гражданских правоотношений. Понятия природного ресурса и природного объекта предстают сложными для определения их в качестве объектов гражданских правоотношений. Установлены признаки природного объекта и природного ресурса, как объекта гражданских правоотношений и свойство полезности природных ресурсов как основную отличительную черту объекта гражданских прав. Проанализировано разделение природных объектов на группы в зависимости от вида природного ресурса и основания предоставления права пользования, влияние экологических норм права на природный объект, как объект гражданского права. Определено, что природные ресурсы могут быть объектами гражданских правоотношений, что закрепить в части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Относительно природных объектов это делать не требуется, поскольку понятие природных объектов полностью поглощается понятием природных ресурсов. Приведены примеры соотношения природных объектов и объектов гражданских правоотношений. Показана роль гражданского и предпринимательского законодательства в определении правового режима природных ресурсов как объектов прав, определён фактор, оказывающий негативное влияние на систематизацию природных ресурсов как объектов, вовлеченных в гражданский оборот.

Ключевые слова: объекты гражданских правоотношений, окружающая среда, природные ресурсы, природные объекты, природоресурсное законодательство, право собственности

TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF NATURAL RESOURCES AND NATURAL OBJECTS AS OBJECTS OF CIVIL RELATIONSHIP

**Sheremetyeva N.G.,
Vladivostok State University of Economics and Service**

Abstract: this article is devoted to the study of natural resources and natural objects through the prism of objects of civil legal relations in order to establish the delineation of natural resources and natural objects. The analysis of the concepts "natural resources", "natural objects", "objects of civil legal relations", including those given by the legislator, on the basis of which the absence of a legislatively enshrined provision on the belonging of natural resources and natural objects to objects of civil legal relations was established. The concepts of a natural resource and a natural object appear difficult to define as objects of civil legal relations. The features of a natural object and a natural resource as an object of civil legal relations and the property of usefulness of natural resources as the main distinguishing feature of an object of civil rights have been established. The division of natural objects into groups depending on the type of natural resource and the basis for granting the right to use, the impact of environmental law on a natural object, as an object of civil law, is analyzed. It was determined that natural resources can be objects of civil legal relations, which is enshrined in part 1 of the Civil Code of the Russian Federation. With respect to natural objects, this is not required, since the concept of natural objects is completely absorbed by the concept of natural resources. Examples of the relationship between natural objects and objects of civil legal relations are given. The role of civil and entrepreneurial legislation in determining the legal regime of natural resources as objects of rights is shown, a factor has been identified that has a negative impact on the systematization of natural resources as objects involved in civil circulation.

Keywords: objects of civil relations, environment, natural resources, natural objects, natural resource legislation, property rights

В настоящее время в условиях активного использования человечеством природных ресурсов обостряется проблема охраны права собственности на такие ресурсы. Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 8) закрепляет и гарантирует защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иной форм собственности.

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[3] содержит легальное определение объектов гражданских прав. К ним относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Из определения видно, что законодатель избрал прием перечисления объектов, составляющих рассматриваемое понятие. В литературе неоднократно отмечалось, что такой подход в силу динамичности и развития общественных отношений не может дать исчерпывающий перечень составляющих категорию элементов. Норма ст. 128 ГК РФ сформулирована как закрытый перечень, но исследователи сходятся во мнении, что «приведенный перечень имеет общий и открытый характер».

Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды» в ст. 1 дает определения природным ресурсам и природным объектам[4]:

- природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства;

- природные ресурсы – компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. Особая роль природных ресурсов для государства подразумевает и особое правовое регулирование. Абсолютно обосновано утверждение, что «в легальном определении природных ресурсов, в определениях, даваемых экологами, подчеркивается, прежде всего, их использование или возможность использования»[6]. Таким образом, легальная дефиниция уже закрепляет свойство полезности природных ресурсов как основную отличительную черту.

Таким образом, легальная дефиниция уже закрепляет свойство полезности природных ресурсов как основную отличительную черту как объекта гражданских прав.

Сложность определения дискретности природных ресурсов предопределена тем, что физически, в природе, они неразрывно и системно связаны с другими природными ресурсами, природными объектами и компонентами природы. Тем не менее такие объекты правоотношений возможно отграничить от других объектов. К примеру, месторождение полезных ископаемых включается в государственный кадастр месторождений и проявлений полезных ископаемых, где, в том числе, точно определяются его пространственные границы.

Природные ресурсы обладают свойством юридической привязки, т.е. они могут быть закреплены за субъектами гражданского права. Они являются объектом отношений собственности и ограниченных прав, со спецификой, установленной природоресурсным законодательством. Например, лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности в силу прямого указания закона. На них также может устанавливаться право постоянного (бессрочного) пользования, право ограниченного пользования (сервитут, публичный сервитут), право аренды, а также право безвозмездного пользования.

Природные объекты, в отличие от природных ресурсов, обладают свойством незаменимости. Природные объекты являются недвижимыми, а природные ресурсы представляют собой движимые вещи. Исторически законодательство развивается в направлении от административно-правового к гражданско-правовому регулированию, так что в последние годы роль цивилистических начал в природоресурсном законодательстве начинает играть все большую роль. Наибольший интерес вызывает предоставление природных ресурсов, находящихся в государственной или муниципальной собственности. В зависимости от вида природного ресурса и основания предоставления права пользования природные объекты поделены на три группы:

1) предоставляемые преимущественно на лицензионной основе;

Сюда мы включаем недра, где лицензионный порядок предоставления является основным, и даже в случае, когда предоставление базируется на определенных видах договоров (например, соглашения о разделе продукции как гражданско-правовом договоре), получение лицензии на недропользование является обязательным. Лицензия является документом, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий. Возможность заключения договора после получения лицензии оговаривается законом, однако даже в таком случае договор не является основным докумен-

том, дающим право на пользование недрами, а лишь документом между уполномоченными на то органами государственной власти и пользователем недр, устанавливающим условия пользования таким участком, а также обязательства сторон по выполнению указанного договора. Ранее лицензия использовалась при предоставлении водных объектов в пользование и объектов животного мира, в настоящее время собственно «лицензия» как разрешительный документ осталась только в недропользовании.

2) предоставляемые на основании разрешения и/или договора;

Во вторую, наиболее обширную, группу мы включили природные объекты, предоставление которых базируется как на разрешительных документах, так и на договорах. Например, водные объекты предоставляются на основании договора водопользования, который приравнивается к договору аренды, в случаях предоставления для целей забора воды, для производства электроэнергии и для пользования акваториями водных объектов. В случаях же, когда мы видим какое-либо негативное воздействие на водный объект (сброс сточных вод, использование водных объектов для строительства линейных сооружений (мостов, подводных переходов) с изменением дна и/или берегов) либо социальный (использование для забора воды для орошения полей, в противопожарных целях) или государственный (использование водных объектов для военных нужд) интерес и т.д., водные объекты предоставляются на основе административно-правового начала – на основании решения о предоставлении водного объекта в пользование.

В эту же вторую группу можно отнести объекты животного мира. Однако следует учесть, что договор и разрешение здесь применяются совместно. Например, на закрепленных охотничьих угодьях для цели промысловой охоты заключается охотхозяйственное соглашение, а для любительской охоты необходимо получение соответствующей путевки от субъекта охотхозяйственного соглашения (документа, подтверждающего заключение договора об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства), но и в том, и в другом случае необходимо получение разрешения на добычу охотничьих ресурсов от уполномоченного государственного органа. Возможно также осуществление охоты только на основании разрешения на добычу охотничьих ресурсов – в случаях охоты на общедоступных охотничьих угодьях.

Водные биоресурсы также можно отнести к этой второй группе. Здесь, подобно регулированию охоты, действуют как договоры (договор пользования рыболовным участком, договор пользования водными биоресурсами и др.), так и разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, решения о предоставлении водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, в пользование.

3) объекты, право пользования которыми преимущественно возникает на основании договора.

К третьей группе можно отнести природные объекты, предоставление которых осуществляется преимущественно на основании договоров. К ним мы отнесем земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, и лесные участки.

Земельные участки предоставляются преимущественно на основании договоров аренды либо договоров купли-продажи. Кроме того, при предоставлении земельных участков может действовать и административно-правовой механизм, например при бесплатном предоставлении земельных участков из муниципальной или государственной собственности в собственность граждан или юридических лиц, но все же по сравнению с договорной формой предоставления земель административный порядок применяется гораздо в меньшей степени [2].

Лесные участки – еще один из видов природных ресурсов, где договор – основной вид документа, на базе которого осуществляется лесопользование. Среди таких договоров можно выделить два наиболее распространенных вида – это договор аренды лесного участка и договор купли-продажи лесных насаждений.

Все указанные выше договоры довольно специфичны, формализованы, законом особо оговариваются условия и сроки для отдельных целей пользования, в отличие от договоров, заключаемых между частными лицами.

Необходимо отметить, что не все природные ресурсы и объекты могут быть объектами собственности. Так, атмосферный воздух, его озон не могут быть ни в одной из форм собственности по объективным причинам.

В ст. 9 Конституции Российской Федерации установлено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, тем самым подчеркивается их особое значение как для государства в целом, так и для каждого члена общества.

Отметим социальные, экономические, политические, экологические, психологические и системные аспекты как специфические особенности, влияющие на нормотворчество, связанное с природными объектами. Это, в свою очередь, отражается также и на том, что на большую часть природных ресурсов распространяется только государственная форма собственности: на недра, на объекты животного мира, водные

объекты (кроме некоторых прудов и обводненных карьеров), на все изъятые из оборота и ограниченные в обороте земли, на подавляющее большинство лесных участков.

Предоставление права пользования природными ресурсами осуществляется в виде предоставления природного объекта или его части в пользование. Анализ соответствующих норм о предоставлении в пользование тех или иных природных ресурсов для различных целей позволяет нам сделать вывод, что подход законодателя по отношению к различным природным ресурсам не одинаков, и это различие кроется в различном соотношении административно-правового и гражданско-правового подходов к данному регулированию.

На природный объект как объект гражданского права в силу своего естественного происхождения всегда будут влиять помимо норм гражданского еще и нормы экологического права. В ГК РФ содержится общая норма о том, что граждане имеют право свободно, без каких-либо разрешений находиться на не закрытых для общего доступа государственных или муниципальных земельных участках и использовать имеющиеся на этих участках природные объекты в пределах, допускаемых законом и иными правовыми актами, а также собственником соответствующего земельного участка. Если земельный участок не огорожен либо его собственник иным способом ясно не обозначил, что вход на участок без его разрешения не допускается, любое лицо может пройти через участок при условии, что это не причиняет ущерба или беспокойства собственнику (ст. 262 ГК РФ). Здесь сформулированы условия общего землепользования.

В предоставлении природных ресурсов, находящихся в публичной собственности, в настоящее время действуют как разрешительные, так и договорные методы. Кроме того, для ряда природных объектов (в основном это объекты животного мира и водные биоресурсы) необходимо как заключение договора, так и получение разрешительного документа. И, наконец, некоторые природные ресурсы, например водные объекты, предоставляются либо на основании разрешения, либо на основании договора в зависимости от цели пользования. Несмотря на то, что многие авторы считают, что цивилистические начала преобладают в природоресурсном законодательстве, мы видим, что лишь небольшая доля природных ресурсов (земельные участки, лесные участки) предоставляются преимущественно на основании договоров. Даже в таком случае правовое регулирование таких договоров по объектам, находящимся в государственной или муниципальной собственности, базируется на императивных нормах об условиях, форме и порядке заключения таких договоров [5].

В отношении к природным ресурсам частная собственность граждан и юридических лиц может устанавливаться только на земельные участки. Остальные же природные ресурсы могут признаваться объектом частной собственности лишь в качестве составной части земельного участка либо в отрыве от окружающей среды (срубленные деревья, вода в емкостях, извлеченные полезные ископаемые, отстреленные животные). Право постоянного (бессрочного) пользования предоставляется только в отношении земельных и лесных участков и только для публично-правовых образований, учреждений, казенных предприятий. Государственным и муниципальным органам управления названное право предоставляется для реализации своих властных полномочий и функций. Основным частным правом на природные ресурсы по существу является право аренды. Поскольку ряд положений, свойственных арендным правам, носят вещный характер, постольку они позволяют рассматривать её как имущественное право с вещно-правовыми признаками. По действующему законодательству право аренды на природные ресурсы распространяется на земельные и лесные участки, поверхностные водные объекты, а также применимо к закреплённым охотничьим угодьям. Допускаем, что аренда охотничьих угодий может раствориться в трех предшествующих объектах.

Таким образом, не все природные ресурсы и объекты могут быть объектами собственности. Предоставление права пользования природными ресурсами осуществляется в виде предоставления природного объекта или его части в пользование. На природный объект как объект гражданского права в силу своего естественного происхождения всегда будут влиять помимо норм гражданского еще и нормы экологического права.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Российская газета. 2001. N 211-212.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Российская газета. 1996. N 23.

4. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О б охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. N 6.

5. Бабайцева Е.А., Головченко В.Е. Правовое регулирование природопользования в Российской Федерации (цивилистический аспект) // Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (20). С. 267 – 272.

6. Боголюбов С.А. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан // Журнал российского права. 2019. № 7 (103). С. 24 – 32.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020

2. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 N 136-FZ (red. ot 02.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021). Rossijskaya gazeta. 2001. N 211-212.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021). Rossijskaya gazeta. 1996. N 23.

4. Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 N 7-FZ (red. ot 02.07.2021) «Ob ohrane okruzhayushchej sredy». Rossijskaya gazeta. 2002. N 6.

5. Babajceva E.A., Golovchenko V.E. Pravovoe regulirovanie prirodnopol'zovaniya v Rossijskoj Federacii (civilisticheskij aspekt). Vestnik Volgogr. in-ta biznesa. Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2019. № 3 (20). S. 267 – 272.

6. Bogolyubov S.A. Sootnoshenie publichno-pravovyh i chastnopravovyh sredstv v obespechenii ekologicheskikh prav grazhdan. ZHurnal rossijskogo prava. 2019. № 7 (103). S. 24 – 32.

ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОВ

Веселов В.В., аспирант,
Забайкальский государственный университет

Аннотация: в последнее время огромный общественный резонанс приобретают дела, которые связаны с привлечением к уголовной ответственности государственных служащих, заключающих и исполняющих муниципальные и государственные контракты. Пристальный контроль за расходованием бюджетных средств ужесточен настолько, что почти любые нарушения при исполнении государственного заказа расцениваются как хищение или мошенничество.

В соответствии с данными на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок, стоимость государственных контрактов за 2020 год, заключенных по всей России составила 8 917,11 млрд. рублей.

Ключевые слова: хищение, бюджетные средства, растрата, квалификация преступлений, мошенничество, халатность

EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS DURING THE PUBLIC PROCUREMENT

Veselov V.V., Postgraduate,
Trans-Baikal State University

Abstract: recently, cases involving the criminal prosecution of civil servants who conclude and execute municipal and state contracts have gained a huge public response. Close control over the spending of budget funds is tightened so much that almost any violations in the execution of state orders are regarded as theft or fraud.

According to the data on the official website of the unified information system in the field of procurement, the value of government contracts for 2020 concluded throughout Russia amounted to 8 917.11 billion rubles.

Keywords: embezzlement, budget funds, waste, qualification of crimes, fraud, negligence

При осуществлении закупок, работ, услуг или товаров для обеспечения муниципальных и государственных нужд, совершаются тысячи преступлений ежегодно, которым присуща высокая латентность.

В соответствии с официальной статистикой Генпрокуратуры количество преступлений в сфере государственных закупок выросло на 5,8%, за 11 месяцев 2020 года выявлено 153767 преступлений, а за аналогичный период прошлого года их было 145375 [7]. Таким образом в связи с большим развитием системы государственных закупок наблюдается тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений, связанных с государственным заказом [6, 8].

В данной статье мы рассмотрим самые распространенные виды преступлений в сфере хищений при проведении государственных закупок.

1. В случае, когда акты о выполнении исполнителем работ подписаны заказчиком, однако работы не выполнены или выполнены частично

В данной ситуации действия исполнителя могут квалифицироваться, как «Мошенничество» статья 159 УК РФ, «Присвоение или растрата» статья 160 УК РФ или «Халатность» статья 293 УК РФ [2].

Действия исполнителя будут квалифицироваться по вышеуказанным статьям, если следствием будет доказано, что исполнитель своими обманными действиями вводил в заблуждение представителя заказчика, предоставлял ложные документы, сведения, которые свидетельствовали о том, что условия государственного контракта выполнены в полном объеме.

Аналогично к уголовной ответственности может быть привлечено должностное лицо со стороны заказчика, так как он может выступать адресатом обмана – потерпевшим или соучастником преступления.

При подписании заказчиком актов приемки на работы и перечисления за них бюджетных средств подрядчику, действия заказчика могут квалифицировать, как растрата вверенных ему бюджетных средств.

Тактика защиты интересов заказчика в вышеуказанных ситуациях будет заключаться в доказывании отсутствия какого-либо сговора с заказчиком и отсутствия незаконного обогащения. Стороне защиты необходимо предоставить следствию существенные аргументы об отсутствии намерения совершать подобного рода хищения или совершать другие противоправные действия. Тем не менее при

представлении данных доказательств остаются высокие риски привлечения заказчика к уголовной ответственности за халатность.

Состав преступлений в соответствии с ч. 1 и ч. 1.1 статьи 293 УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести, со сроком давности 2 года с момента совершения преступления. Этим естественно пользуются защитники в суде, затягивая расследование на различных этапах, и заявляют ходатайство о прекращении дела по этим основаниям [5].

2. В случае, когда исполнитель выполнил работы, однако они не соответствуют условиям государственного контракта

Данные действия могут рассматриваться как мошенничество, в случае, когда умысел о хищении чужого имущества, возник до получения чужого имущества. Сторона защиты в свою очередь доказывает, что исполнитель реально мог исполнить обязательства по контракту (имелись материалы и штат сотрудников), а также имелись гарантия банка для взыскания денежных средств при ненадлежащем исполнении обязательств.

3. В случае, когда выполнены работы были проведены по завышенным ценам

Факт завышения цены государственного контракта не является основанием привлечения к ответственности. Конкретно в каждом случае необходимо разбираться чем было обусловлено завышение цены. Но как правило суд и органы следствия делают поспешные выводы о хищениях при завышении цены государственного контракта.

Органам предварительного следствия необходимо будет доказывать факт сговора с подрядчиком, создание благоприятных условий для победы в аукционе, факт преднамеренного повышения стоимости государственного контракта.

Как правило суды при рассмотрении дел о государственных контрактах в нарушении ч. 1.1 статьи 108 УПК РФ избирают меру пресечения для обвиняемого в виде заключение под стражу. Защита в таком случае должна будет доказывать суду что данные деяния были совершены в сфере предпринимательской деятельности[8].

Контрольные цифры хищений бюджетных средств при проведении государственных закупок

Контрольные органы в лице Федеральной антимонопольной службы (ФАС), Счетной палата (СП) и Федерального казначейства РФ за 2019 г. выявили 112200 нарушений в сфере гос.закупок, что на 9100 больше, чем за аналогичный период прошлого года (АППГ), то есть с приростом на 8,8%. Это подтверждает отчет счетной палаты РФ по итогам мониторинга системы корпоративных и государственных закупок за 2019 год.

Счетная палата за 2021 год выявила в 2,5 раза меньше нарушений чем за аналогичный период прошлого года по государственным контрактам в рамках федерального закона №44. Аудиторские проверки счетной палаты обнаружили, что более 50% всех нарушений происходили на стадиях планирования или исполнения гос.контрактов. Также кроме нарушений и хищений в рамках гос.закупок в эту категорию входят нецелевое использование средств и ошибки бухгалтерского учета. По итогам 2020г. счетной палате удалось вернуть в бюджет 4,5 млрд руб.

Согласно данным счетной палаты, ежегодно в сектор корпоративных и государственных закупок привлекаются средства составляющие 1/3 ВВП страны, за 2021год составило 31,6 трлн рублей, примерно 29.3% ВВП. Из них 23,5 трлн. рублей привлечены для обеспечения в рамках федерального закона №223, 8,1 трлн. рублей в рамках федерального закона №44.

В рамках закона №44-ФЗ 76% всех закупок приходится на несостоявшиеся контракты, заключенные с единственным поставщиком, по закупкам в сфере ФЗ №223-ФЗ приходится 86,1% всех закупок. Уровень конкуренции при гос.закупках равен трем заявкам на один лот.

Федеральное законодательство о закупках остается нестабильным и сложным. За 2019г. федеральный закон №44-ФЗ менялся 8 раз, принято 55 нормативно-правовых актов для его обеспечения, что делает контрактную систему слишком непривлекательной и обременительной для исполнителей прежде всего.

Согласно данным генеральной прокуратуры РФ за 11 месяцев 2021 года в сфере гос.закупок выявлено на 5,8% нарушений больше, чем в аналогичный период 2020 года. Главными причинами считается ослабленный контроль за гос. контрактами за время карантина и незаконные проведения экстренных закупок, якобы связанных с пандемией. Главными нарушениями стали заключения контрактов с единым поставщиком и завышение стоимости товаров со стороны исполнителей.

Количество нарушений в сфере государственных закупок увеличилось на 5,8% – такие сведения приводятся в официальной статистике генеральной прокуратуры РФ. За период 11 месяцев 2021 года выявлено 153 767 таких преступлений, а за аналогичный период прошлого года их было 145 375.

На 14,4% увеличилось и количество исков прокуратуры в отношении нарушителей. Если в прошлом году надзорные органы обращались в суды 1338 раз, то в этом – 1531 раз.

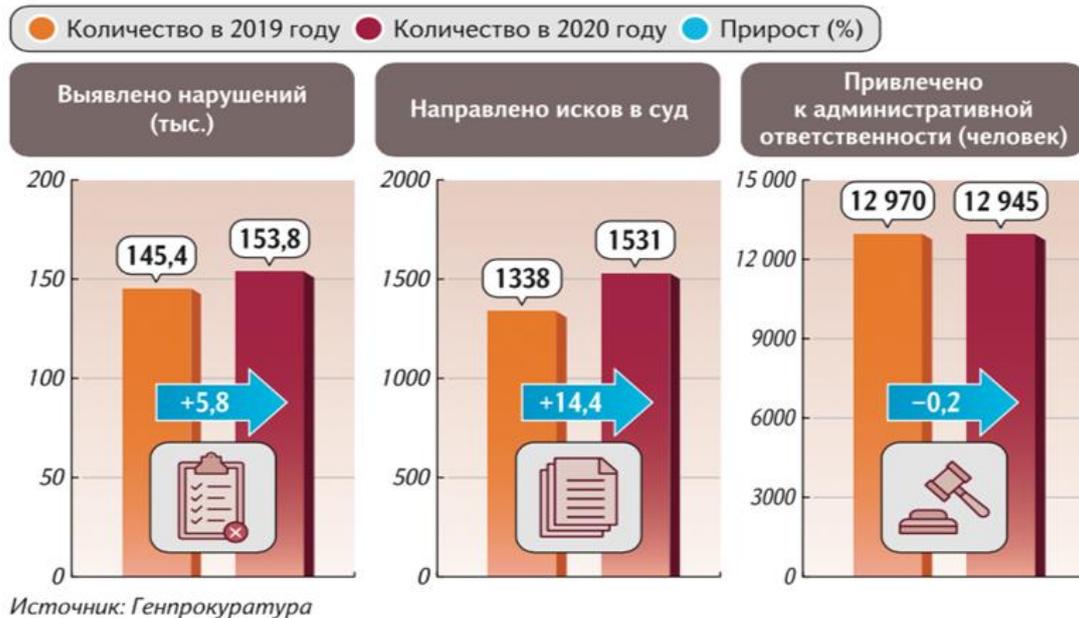

Рис. 1. Прирост нарушений в сфере госзакупок

А вот число нарушителей, привлеченных к административной ответственности, осталось практически на прежнем уровне. В статистике отмечается незначительное снижение – на 0,2% (с 12 970 до 12 945 человек).

По информации генеральной прокуратуры РФ уровень коррупции в сфере гос.закупок за последние годы остался на прежнем уровне, а рост числа преступлений связывают с улучшением профессиональной работы прокуроров и других правоохранительных органов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». 26.01.2009. № 4.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. ч.1 ст.2, ч. 2 ст. 8.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012) // «Собрание законодательства РФ». 29.01.1996. № 5. п. 4 ст. 212.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019 N 34-ФЗ).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018).
6. <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
7. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за период с 2018 по 2020 г. Форма «5БЭП».
8. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за период с января по сентябрь 2015 г. Форма «5БЭП».
9. Пункт 1.3.4 Обзора судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», утвержденного Президиумом ВС РФ 4 декабря 2013 г.; п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 57П18.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii» (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 26.01.2009. № 4.
2. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.03.2013). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 17.06.1996. № 25. ch.1 st.2, ch. 2 st. 8.
3. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya)» ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 14.06.2012). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 29.01.1996. № 5. p. 4 st. 212.
4. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ (red. ot 18.03.2019 N 34-FZ).
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 12.11.2018).
6. <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
7. Svedeniya o rezul'tatah raboty podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za period s 2018 po 2020 g. Forma «5BEP».
8. Svedeniya o rezul'tatah raboty podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za period s yanvarya po sentyabr' 2015 g. Forma «5BEP».
9. Punkt 1.3.4 Obzora sudebnoj praktiki po primeneniyu Federal'nogo zakona ot 29 noyabrya 2012 g. № 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» i Postanovleniya Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2013 g. № 2559-6 GD «Ob ob'yavlenii amnistii», utverzhdenno Prezidiumom VS RF 4 dekabrya 2013 g.; p. 4.1 Postanovleniya Konstitucionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2014 g. № 32-P.
10. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 20 iyunya 2018 g. № 57P18.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ**

**Гаврилов В.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Катаев Д.О.,
Шурыгин А.А.,
Саратовская государственная юридическая академия**

***Аннотация:** актуальность статьи обуславливается возникновением и активным использованием такого явления, как криптовалюта. Проблемным вопросом является определение правового положения криптовалюты в рамках гражданского законодательства Российской Федерации. В работе рассмотрены новые положения отечественного законодательства, претерпевшего существенные изменения за последние несколько лет. Раскрывается содержание криптовалюты с правовой и технической точки зрения. Используются такие методы познания, как: сравнительный анализ, индукция и дедукция. Также был рассмотрен опыт зарубежных стран (таких как Китай, Япония, Великобритания), что позволило сформировать основные модели правового регулирования криптовалюты в разных странах. Были изучены мнения ученых и экспертов об определении правового статуса криптовалюты, исходя из сформировавшейся практики в Российской Федерации. Для более углубленного изучения темы в работе была представлена сложившаяся практика в России. В заключении были предложены пути устранения сложившихся пробелов в правовом урегулировании цифровой валюты, путем конкретизации положений федерального законодательства и включения в закон термина «криптовалюта» и ряда других, связанных с ним, понятий. Внедрение предложенных изменений позволит официально использовать отечественные цифровые активы в международных расчетах. Так же у держателей криптовалюты появится возможность использовать механизмы правовой защиты.*

***Ключевые слова:** криптовалюта, валюта, цифровой актив, денежное средство, блокчейн, имущество*

**CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF
CRYPTOCURRENCIES IN RUSSIA**

**Gavrilov V.N., Candidate of Juridical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Kataev D.O.,
Shurygin A.A.,
Saratov State Law Academy**

***Abstract:** the relevance of the article is due to the emergence and active use of such a phenomenon as cryptocurrency. The problematic issue is the definition of the legal status of cryptocurrency within the framework of the civil legislation of the Russian Federation. The paper examines the new provisions of the domestic legislation, which has undergone significant changes over the past few years. The content of the cryptocurrency is disclosed from a legal and technical point of view. Such methods of cognition as are used: comparative analysis, induction and deduction. The experience of foreign countries (such as China, Japan, Great Britain) was also considered, which made it possible to form the basic models of legal regulation of cryptocurrency in different countries. The opinions of scientists and experts on the determination of the legal status of cryptocurrency, based on the established practice in the Russian Federation, were studied. For a more in-depth study of the topic, the established practice in Russia was presented in the work. In the conclusion, ways were proposed to eliminate the existing gaps in the legal regulation of digital currency, by specifying the provisions of federal legislation and including the term "cryptocurrency" and a number of other related concepts in the law. The implementation of the proposed changes will make it possible to officially use domestic digital assets in international settlements. Also, cryptocurrency holders will have the opportunity to use legal protection mechanisms.*

***Keywords:** cryptocurrency, currency, digital asset, cash, blockchain, property*

Начало XXI века характеризуется быстрыми темпами развития цифровых технологий, что привело к началу информатизации общественной жизни и существенно ускорило процессы глобализации мировой экономики. Традиционные общественные институты начали претерпевать кардинальные изменения в угоду быстро развивающимся современным технологиям. Классическая система факторов производства дополнилась новым элементом – информацией. Данные факторы обусловили появление такого явления экономи-

ческой жизни как криптовалюта. Возникновение данного феномена связано с появлением технологии блокчейна, которая, в силу своих особенностей, позволяет проводить полностью автономные финансовые расчеты, исключая при этом возможность стороннего вмешательства. Таким образом, из финансово расчетных отношений исключается посредник, в лице которого обычно выступает центральный банк, в силу чего такая транзакция не подвергается государственному контролю.

Крупные компании активно вкладывают собственные капиталы в развитие технологии блокчейна, стремясь увеличить прибыль за счет нового, перспективного рынка. Последствием такой активности стало появление системы ISO (Initial Coin Offering) – выпуск и продажа инвесторам цифровых токенов в виде криптовалюты и(или) криптоактивов на основе блокчейн-технологии. Таким образом, становится очевидна необходимость правовой регламентации сферы криптоиндустрии. В подтверждение выдвинутой позиции можно выделить ряд аргументов. Во-первых, криптовалюта является перспективным объектом налогообложения, и может послужить источником пополнения бюджета, на который не будет оказываться влияние со стороны крупных участников традиционных экономических отношений (благодаря автономности технологии блокчейна). Во-вторых, необходимо защитить интересы держателей криптовалюты и инвесторов (которых по факту уже очень много), поскольку отсутствие правовой регламентации лишает их возможности применить законные средства защиты своих оспариваемых интересов. Особо важным является вопрос включения такого объекта в наследственную и конкурсную массу.

Наряду с положительными качествами криптовалюты, приходится констатировать негативные факторы данного явления общественной жизни, поскольку криптовалюта все чаще становится средством оплаты наркотических средств [1].

В мировой практике не существует единого подхода, касательно вопроса правового регулирования криптовалюты. Анализируя международный опыт, можно выделить три наиболее распространенные модели правового регулирования: позитивная, негативная и нейтральная. Указанные модели не абсолютны и государства могут беспрепятственно изменять собственную политику в отношении правового регулирования криптовалюты.

Первая модель заключается в том, что государство допускает оборот криптовалюты, регламентируя его внутренним законодательством. К бесспорным представителям подобной модели можно отнести Великобританию, которая является одной из самых благоприятных для ведения криптобизнеса стран [2, с. 118]. Или Японию, собственно и являющаяся родоначальником криптовалюты [2, с. 127].

Вторая модель предполагает применение мер, направленных на запрет создания и оборота криптовалюты. Также подобная тенденция намечается в Китае, где рассматривается вопрос о добавлении майнинга криптовалюты в «негативный список» отраслей [3].

При нейтральной модели государство занимает позицию наблюдателя, не регулируя использование криптовалюты или полагая, что уже существующей нормативной базы вполне достаточно. Подобную позицию ранее занимала Российская Федерация, поскольку реальная нормативная правовая база, направленная на регулирование обращения криптовалюты, начала формироваться только в 2020 году, в то время как многие страны активно занимались разработкой данного вопроса еще с 2017 года (на тот момент в Российской Федерации существовали только проекты законов или подзаконные нормативные правовые акты). Так же, к представителям позиции нейтралитета, до недавнего времени, можно было отнести Европейский союз, который начал активную разработку нормативной базы в сфере регулирования криптовалюты только с 2021 года. Как можно заметить, подобная позиция существует относительно непродолжительный период времени. В определенный момент государствам все-таки приходится принять специфику криптовалюты и признать невозможность ее регулирования традиционными методами.

Для правильного правового регулирования криптовалюты первоочередно необходимо установить ее правовую природу. Доктриной гражданского права было сформулировано несколько подходов, согласно которым криптовалюта рассматривается в качестве:

- бездокументарных ценных бумаг,
- денежных средств,
- нового объекта гражданских прав,
- категории «иного имущества»,
- денежного суррогата [4, с. 51-59].

На первый взгляд, самым правильным решением считалось бы придать криптовалюте статус денежного средства, поскольку она так же, как деньги, является средством платежа, обмена и накопления, а значит и выполняет часть их функций. В частности, среди экономистов существуют позиции, согласно которым криптовалюта рассматривается в качестве универсальной валюты, целью которой будет устранение экономико-политических разногласий при осуществлении международных расчетов [5, с. 1-8]. Однако на наш

взгляд, криптовалюта не может восприниматься в качестве денег и денежных средств (как наличных, так и безналичных, включая и электронные денежные средства), поскольку денежные средства создаются в ходе эмиссии, монополия на которую закреплена за Российской Федерацией, в то время как криптовалюта производится в ходе математических вычислений с применением специального оборудования, которым может заниматься любое лицо. Так же, в силу автономности блокчейн-технологии исключается возможность участия финансового агента, что исключает возможность государственного регулирования. К тому же криптовалюта не является всеобщим эквивалентом, поскольку фактически она представляет собой набор данных в виде кода.

По сходным причинам криптовалюта не может признаваться и бездокументарной ценной бумагой, поскольку отсутствует возможность определения конкретного лица, ответственного за ее выпуск. Так же не представляется возможным определить лицо, осуществляющее учет прав на криптовалюты. Все эти факты противоречат положениям ст. 149 ГК РФ.

Сложнее обстоят дела с отнесением криптовалюты к денежному суррогату. По мнению О.М. Крылова, до закрепления цифровых прав в качестве объекта гражданского права отнесение криптовалюты к денежным суррогатам было затруднительным ввиду того, что денежный суррогат, несмотря на свою противоправность, все же остается объектом права, а криптовалюта – нет [6, с. 46]. После введения такого объекта, как цифровые права, продолжает О.М. Крылов, криптовалюта может восприниматься в качестве денежного суррогата, в зависимости от политики государства. Однако автором криптовалюта воспринимается в качестве электронного денежного средства. Ранее в данной работе уже указывалось, что криптовалюта, в силу ее специфики, денежным средством являться не может. Данное положение свидетельствует о том, что в Российской Федерации криптовалюта не признается в качестве электронного денежного средства. Таким образом, ввиду того, что криптовалюта не является денежным средством, она не может быть признана денежным суррогатом, являющимся производным от денежных средств.

Последним и наиболее рациональным способом определения правового статуса криптовалюты можно считать определение ее в форме качественно нового объекта гражданского права или внедрение ее в категорию «иное имущество». Наиболее показательна в данном вопросе позиция Р.М. Янковского, который считает, что «имущество» представляет собой собирательное понятие (помимо права собственности оно может включать в себя широкий перечень вещных прав и прав требования) ввиду чего отнесение криптовалюты к «имуществу» позволит ввести ее в гражданский оборот [7, с. 66]. Плюсом данной позиции является то, что такого шага уже достаточно для обеспечения защиты прав на криптовалюту при возникновении спора о праве. Отнесение криптовалюты к категории «имущество» освобождает законодателя от необходимости внесения кардинального изменения, как гражданского права, так и смежных отраслей права. Именно такой путь и был выбран Российской Федерацией, ввиду чего к «иному имуществу» в ст. 128 ГК РФ в 2019 году были добавлены цифровые права, а так же в ГК РФ была введена ст. 141.1.

Однако цифровые права не могут восприниматься правами в общепринятом понимании, поскольку фактически они существуют исключительно в рамках информационной системы, опосредованно предоставляя владельцу доступ к уже «традиционным правам». Особенностью таких прав можно считать то, что они существуют исключительно в рамках информационной системы, при этом у лица должен быть доступ к этой информационной системе (ввиду особенностей блокчейн-технологии, как только лицо забывает пароль от криптокошелька, он удаляется, т.е. право перестает существовать).

Следующим шагом по обеспечению государственного регулирования оборота криптовалют в России было принятие Федерального закона от 31.07.2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» (далее – ФЗ «о ЦФА») [8]. Данным законом была сформулирована новая терминологическая база, что привело к возникновению новых правовых институтов, ввиду чего в правовом регулировании появилась некоторая неопределенность. Мировым криптосообществом уже давно был сформирован устоявшийся терминологический базис, от использования которого Российская Федерация отказалась. Например, термин «майнинг криптовалюты», под которым следует понимать создание или «добычу» криптовалюты (криптовалюта именно «добывается» в процессе сложных математических операций и даже само слово «mining» можно перевести как добыча), косвенно раскрывается в п. 1 ст. 14 указанного закона. Процесс добычи криптовалюты раскрывается через понятие «выпуск цифровой валюты», однако он не отражает в себе саму специфику майнинга. На наш взгляд, сама деятельность по созданию криптовалюты обязана фиксироваться в законодательстве более точно, исходя из устоявшихся в международной практике определений. Вместе с тем, на данный момент ФЗ о «ЦФА» действительно стал правовой основой цифровизации активов, выпуска цифровых дубликатов ценных бумаг, однако игнорирование в законе международного опыта и понятийного аппарата осложняет вывод российских цифровых активов на международный рынок.

Согласно п. 3 ст. 1 ФЗ «о ЦФА» понятие криптовалюты раскрывается через термин «цифровая валюта». Хочется не согласиться с таким неточным определением, данным в законодательстве, так как под него попадает огромное количество электронных записей. К примеру, игровая валюта (используемая в компьютерных играх) так же представляет собой блок электронных данных, которые содержатся на определенной платформе (в частности в игре), не являющейся денежной единицей на территории РФ. В соответствии с ФЗ от 25.02.1999 года №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Под инвестицией можно понимать вложение средств в объект предпринимательской и иной деятельности с целью последующего получения дохода. Однако, мы полагаем, что представленное в законе определение размыто, поскольку под него так же может подпадать и приобретение, например, «игровой валюты» (средство платежа, применяемое в рамках конкретной компьютерной игры или иной интернет-площадки, такая валюта существует только в рамках игры и за ее пределами применяться не может).

Кроме того, в законодательстве содержится явные противоречия. Так, в ст. 1 ФЗ о «ЦФА» цифровая валюта определяется как средство платежа, при этом, ст. 14 того же ФЗ установлен запрет физическим и юридическим лицам проводить финансовые операции с использованием цифровой валюты.

Особого внимания заслуживает порядок обеспечения защиты прав на криптовалюту. Исходя из положений закона, право на судебную защиту у держателей криптовалюты возникает исключительно в случае, если доходы с получения криптовалюты (либо путем продажи, либо путем майнинга) были официально задекларированы, т.е. с них уплачивались налоги. Перед судом возникает трудная задача, когда криптовалюта (цифровая валюта) относится к имуществу. Показательным в этом вопросе является так называемое «Дело Царькова», в котором суд апелляционной инстанции, еще до законодательного закрепления цифровых прав в системе объектов гражданского права, отнес криптовалюту к категории «иное имущество» (апелляционное постановление было вынесено в 2018 г., в то время как изменения в ст. 128 ГК РФ были внесены только в 2019 г.) [9].

ФЗ «О ЦФА» не дает указаний касательно налогообложения цифровой валюты. Владелец криптовалюты обязан задекларировать свой доход с продажи цифровых активов. Однако, что делать с владельцами криптовалюты, которые не собираются этого делать? На наш взгляд, разумным представляется получить разъяснение, касательно вопроса налогообложения криптовалюты, от специализированных органов. Тем более что практика разъяснений касательно цифровой валюты имеется. Так, в одном из своих писем Минфин указал, что налоговая база по операциям с криптовалютой определяется по правилам ст. 220 НК РФ [10].

Таким образом, резюмируя все вышеперечисленное, можно отметить, что правовое регулирование криптовалюты в Российской Федерации еще далеко от идеала. Главной проблемой нормативного регулирования исследуемой тематики является отсутствие конкретики. В целях преодоления сложившейся ситуации предлагается внедрить в отечественное законодательство выработанные в мировой практике положения. На наш взгляд, представляется целесообразным ввести в Федеральный закон «О ЦФА» понятия криптовалюты и ряда других общепринятых терминов (например «майнинг»). О необходимости такого нововведения в российское законодательство так же высказывается Генеральная прокуратура РФ, которая указывает, что данный шаг необходим для формирования единого, устойчивого правоприменения [11].

Таким образом, закрепление в законе термина «криптовалюта» позволит точно определить границы правового регулирования и унифицировать понятийный аппарат, что впоследствии положительно скажется на формировании единых международных криптовалютных отношений.

Литература

1. Приговор № 1-198/2020 от 24 ноября 2020 г. по делу № 1-198/2020 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ps0injNVW0QT/?regular-txt> (дата обращения: 27.11.2021)
2. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 116 – 129.
3. China proposes adding cryptocurrency mining to 'negative list' of industries [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-proposes-cutting-items-negative-list-market-access-2021-10-08> (дата обращения: 27.11.2021)
4. Гаврилов В.Н., Рафиков Р.М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 51 – 59. DOI 10.24412
5. Жилкин А.Н. Способны ли криптовалюты вытеснить доллары в международных расчетах? // Вестник евразийской науки. 2018. № 5. С. 1 – 8.

6. Крылов О.М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 41 – 49.

7. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43 – 77.

8. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 27.11.2021)

9. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.msk.arbitr.ru> (дата обращения: 27.11.2021)

10. <Письмо> ФНС России от 04.06.2018 N БС-4-11/10685@ «О порядке налогообложения доходов физических лиц» (вместе с <Письмом> Минфина России от 17.05.2018 N 03-04-07/33234): от 17.05.2018 г № 03-04-07/33234) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299587/8de82d2bdb461de60bb76e91a199525fd5e0bf5f/ (дата обращения: 27.11.2021)

11. Генпрокуратура разработала нормы для конфискации криптовалюты. [Электронный ресурс]: URL: https://ria.ru/20211209/arest-1762864107.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.12.2021)

References

1. Prigovor № 1-198/2020 ot 24 noyabrya 2020 g. po delu № 1-198/2020 [Elektronnyj resurs]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ps0injNVW0QT/?regular-txt> (data obrashcheniya: 27.11.2021)

2. Dolgieva M.M. Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere oborota kriptovalyuty. Lex Russica. 2018. № 10 (143). S. 116 – 129.

3. China proposes adding cryptocurrency mining to 'negative list' of industries [Elektronnyj resurs]: URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-proposes-cutting-items-negative-list-market-access-2021-10-08> (data obrashcheniya: 27.11.2021)

4. Gavrilov V.N., Rafikov R.M. Kriptovalyuta kak ob'ekt grazhdanskih prav v zakonodatel'stve Rossii i ryada zarubezhnyh gosudarstv. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2019. № 1. S. 51 – 59. DOI 10.24412

5. ZHilkin A.N. Sposobny li kriptovalyuty vytesnit' dollar v mezhdunarodnyh raschetah? Vestnik evrazijskoj nauki. 2018. № 5. S. 1 – 8.

6. Krylov O.M. Denezhnyj surrogat kak pravovaya kategoriya. Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 6. S. 41 – 49.

7. YAnkovskij R.M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i cifrovye den'gi. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2020. № 4. S. 43 – 77.

8. Federal'nyj zakon «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 31.07.2020 N 259-FZ [Elektronnyj resurs]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (data obrashcheniya: 27.11.2021)

9. Postanovlenie Devyatogo Arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № А40-124668/2017 [Elektronnyj resurs]: URL: <http://www.msk.arbitr.ru> (data obrashcheniya: 27.11.2021)

10. <Pis'mo> FNS Rossii ot 04.06.2018 N BS-4-11/10685@ «O poryadke nalogooblozheniya dohodov fizicheskikh lic» (vmeste s <Pis'mom> Minfina Rossii ot 17.05.2018 N 03-04-07/33234): ot 17.05.2018 g № 03-04-07/33234) [Elektronnyj resurs]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299587/8de82d2bdb461de60bb76e91a199525fd5e0bf5f/ (data obrashcheniya: 27.11.2021)

11. Genprokuratura razrabotala normy dlya konfiskacii kriptovalyuty. [Elektronnyj resurs]: URL: https://ria.ru/20211209/arest-1762864107.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya: 11.12.2021)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОСУДЕБНОГО
СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ПРОЦЕССЕ
ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

**Яблоков А.М., аспирант,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена**

***Аннотация:** институт досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном уголовно-правовом поле рассматривается в качестве эффективного инструмента расследования, который к тому же позволяет снизить процессуальную нагрузку на субъект расследования. Основной функцией указанного института в процессе расследования уголовного дела является организация содействия между субъектом расследования и субъектом преступления путем установления в лице такого субъекта преступления лица, причастного к совершению того или иного преступного деяния в составе преступной группы или сообщества, с последующим заключением взаимовыгодного досудебного соглашения о сотрудничестве, направленного на преследование интереса как государственного, так и частного, принадлежащего субъекту преступления. При этом помимо организации содействия между следствием и субъектом преступления как для установления обстоятельств преступления, так и, в частности, для розыска имущества, добытого преступным путем, досудебное соглашение о сотрудничестве способно, как представляется, являться источником информации относительно латентной преступности, то есть являться криминологически значимым инструментом, способным выявлять скрытые преступления. Ведь очевидно, что проблема скрытой преступности до сих пор не теряет своей актуальности, а лицо, с которым досудебное соглашение заключено, являясь представителем криминогенного социального слоя, обладает определенными социальными (асоциальными) связями, обеспечивающими его информированность, в частности, относительно скрытой преступности. При этом именно скрытая преступность, как представляется, порождает преступность как таковую, опираясь на идею безнаказанности. Предоставление же органам следствия информации относительно латентной преступности должно быть одним из обязательных условий досудебного соглашения, исходя из того соображения, что роль превенции как в обществе, так и в рамках уголовно-правового поля, в частности, должна быть одной из главных в рамках борьбы с преступностью.*

***Ключевые слова:** досудебное соглашение, сотрудничество, компромисс, уровень преступности, латентная преступность, уголовно-ограничительная мера, ограничение права передвижения, субъект преступления*

**CRIMINOLOGICAL POTENTIAL OF A PRE-TRIAL COOPERATION
AGREEMENT IN THE PROCESS OF DETECTING LATENT CRIME**

**Yablokov A.M., Postgraduate,
Herzen Russian State Pedagogical University**

***Abstract:** the institution of a pre-trial cooperation agreement in the domestic criminal law field is viewed as an effective investigation tool, which, moreover, allows to reduce the procedural burden on the subject of the investigation. The main function of this institution in the process of criminal investigation is to organize assistance between the subject of the investigation and the subject of the crime by establishing in the person of such a subject of the crime a person involved in the commission of a particular criminal act as part of a criminal group or community, with the subsequent conclusion of a mutually beneficial pre-trial agreement on cooperation, aimed at pursuing the interests of both public and private, belonging to the subject of the crime. At the same time, in addition to organizing assistance between the investigation and the subject of the crime, both to establish the circumstances of the crime and, in particular, to search for property obtained by criminal means, a pre-trial cooperation agreement can, it seems, be a source of information regarding latent crime, that is, be criminological a significant tool capable of detecting hidden crimes. After all, it is obvious that the problem of latent crime still does not lose its relevance, and the person with whom the pre-trial agreement was concluded, being a representative of the criminogenic social stratum, has certain social (asocial) connections that ensure his awareness, in particular, regarding latent crime. At the same time, it is hidden crime that seems to give rise to crime as such, relying on the idea of impunity. Providing the investigating authorities with information on latent crime should be one of the mandatory conditions of a pre-trial agreement, proceeding from the consideration that the role of prevention both in society and within the criminal law field, in particular, should be one of the main ones in the fight against crime.*

Keywords: *pre-trial agreement, cooperation, compromise, crime rate, latent crime, criminal restrictive measure, restriction of the right of movement, the subject of the crime*

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве внедрен в отечественное уголовно-процессуальное поле в 2009 году. Основанием такого внедрения послужило принятие Федерального закона от 29.06.2009 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» №141-ФЗ.

Вместе с тем международная история становления досудебного соглашения о сотрудничестве как отдельного правового института насчитывает более 200 лет. Так, ссылаясь на одно из решений Апелляционного суда Нью-Йорка, профессор Головки Л. В. указывает на 1804 год, когда судом впервые было отмечено явление уголовно-процессуальной сделки [6, с. 12].

Развитие же института досудебного соглашения о сотрудничестве представляется весьма стремительным процессом. Если в первой половине XIX века в Соединенных Штатах Америки посредством заключения сделки разрешалось лишь 10-15% от общего количества уголовных дел, то в 1908 году этот показатель достиг 50%, а через сто лет – 96,3%. [6, с. 14].

Для сравнения, в России доля уголовных дел, в рамках которых было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в период с 2013 по 2018 год не превысила в среднем 0,5% от их общего количества [8].

Однако, рассматривая отечественный опыт применения досудебного соглашения о сотрудничестве, все же следует отметить, что положения главы 40.1 УПК РФ весьма эффективны при расследовании уголовных дел о преступлениях тяжких и особо тяжких, в частности, совершенных группой лиц, когда появляется необходимость взаимодействия между стороной обвинения и субъектом преступления, но, безусловно, лишь при его добровольном согласии совершить определенные действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

И стоит отметить, что глава 40.1 УПК РФ не предусматривает возможность получать от субъекта досудебного соглашения информацию о преступлениях и лицах, соучастником которых такой субъект не является. А то, что указанный процессуальный инструмент фактически применяется для выявления иных преступлений, к совершению которых субъект досудебного соглашения о сотрудничестве не относится, свидетельствует лишь о том, что соответствующая норма закона нуждается в корректировке, а новая возможность применения исследуемого института – в законодательном закреплении, по той причине, что такое применение досудебного соглашения (с целью обнаружения скрытых преступлений) представляется положительно [3].

Очевидно, что изобличение лиц, совершивших преступное деяние, отличное от деяния лица, заключившего досудебное соглашение, представляется весьма важным для органов следствия, так как такая информация, полученная в рамках досудебного соглашения, может быть полезна не только для раскрытия «глухарей», но и для понимания механизма криминализации лица и лиц, его окружающих, их «субкультурных свойств». Представляется, что полученные данные могут успешно применяться в рамках процесса предупреждения преступности.

Таким образом лицо, изъявившее желание заключить досудебное соглашение, должно представлять для органов следствия интерес не только как носитель информации о действиях своих непосредственно и своих соучастников, но и о совершенных преступлениях, но неизвестных органам следствия, то есть являться источником информации и субъектом содействия относительно процесса выявления латентной преступности, которая, к слову, до сих пор остается неразрешимой проблемой.

Впервые же о том, что преступность может быть латентной, то есть неучтенной, заявил в начале 20 века бельгийский социолог А. Кетле. Всю массу преступлений он делил на три группы: установленные преступления с установленными преступниками, установленные преступления с неустановленными преступниками и неустановленные преступления с неустановленными преступниками, последние и формируют так называемую латентную преступность.

Что касается определения латентной преступности отечественными криминологами, то в 70-е годы прошлого века она рассматривалась преимущественно как преступность, скрытая от одного из органов, которому по закону представлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях.

Позднее латентная преступность расценивалась как преступность, реально имевшая место, но по каким-либо причинам не попавшая в поле зрения компетентных правоохранительных органов.

На сегодняшний же день наиболее краткое и четкое определение латентной преступности, как представляется, принадлежит профессору Иншакову С. М., определившему латентную преступность как незарегистрированную часть фактической преступности [5].

При этом неустановленные преступления с неустановленными преступниками могут иметь несколько причин становления. Помимо формирования совокупности неизвестных правоохранительным органам преступлений, латентная преступность может формироваться в результате целенаправленно скрывааемых преступлений от учета посредством их сокрытия непосредственно, а также посредством необоснованного отказа в процессуально надлежащем реагировании.

Так, 27 апреля 2016 года Ю. Я. Чайка, занимавший тогда пост Генерального прокурора РФ, на заседании Совета Федерации указал на 165 тыс. неучтенных преступных посягательств, совершенных в 2015 году, количество которых превысило схожий показатель в 2014 году на 6,5%.

Что же касается объема латентной преступности в целом, то согласно оценке упраздненного в 2011 году отдела проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования НИИ Академии Генеральной прокуратуры количество латентных преступлений в 2009 году составило 23 млн, а в период с 2001 по 2009 год специалистами указанного отдела зафиксировано 170,5 млн неучтенных преступлений [5].

Однако несмотря на то, что указанный выше отдел ликвидирован, способы подсчета количества неучтенных преступлений совершенствуются, так как необходимость в учете латентной преступности не отпала. Последний же способ из заслуживающих отдельного внимания – мультипликатор латентности профессора О.А. Олькова, который не только ставит под сомнение более ранние результаты подсчета неучтенных преступлений, но и предлагает собственный, весьма обоснованный способ подсчета таковых [7, с. 375-432].

Вместе с тем, самый важный, как представляется, вопрос – «как избавиться (избавляться) от латентной преступности?» – остается без ответа.

А ведь кроме своего непосредственного наличия, латентная преступность несет целый ряд отрицательных последствий, к которым, помимо искажения представления о реальных размерах преступности, относятся и формирование у населения мнения о безнаказанности преступника, о неспособности государства обеспечить общественную безопасность, а также формирование у самого преступника мнения о сомнительности самой неотвратимости наказания.

Но, возможно, всё не так и плохо. Исходя из статистических данных, сформированных Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в период с 2015 по 2020 год массив выявленных преступлений сократился на 13%.

Однако по данным Федеральной службы государственной статистики на 2020 год естественная убыль населения составила 702 072 человека. Не оттого ли массив преступлений сокращается, что сокращается население страны?

А помимо того, что население сокращается, из года в год каждое второе преступление так и остается нераскрытым, на что снова указывают данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Вероятно, правоохранительные органы действительно испытывают трудности в рамках своей деятельности, что косвенно подтверждает и рост количества преступлений коррупционной направленности. Так, к июлю 2021 года зафиксировано их максимальное за 8 лет число. (24,5 тыс.). Относительно прошлого года их количество возросло на +16,5%. Около половины таких деяний (12,1 тыс.) приходится на факты взяточничества, массив которых увеличился более чем на четверть (+27,4%, 12,1 тыс.) [2].

Столь негативное в социальном плане положение дел требует экстренных мер реагирования. И если нынешние инструменты раскрытия и выявления преступлений не справляются со сложившейся ситуацией, необходим инструмент новый или переосмысление имеющегося в наличии.

Например, институт досудебного соглашения о сотрудничестве может явиться тем самым инструментом, так необходимым сегодня правоохранительным органам.

Очевидно то, что представитель криминогенного социального слоя располагает определенным набором социальных контактов, количество которых в соответствии с числом Данбара (данное число предложено английским антропологом Данбара Робинсом в 2010 году), способно достигать от пятидесяти до ста пятидесяти. Иными словами, асоциальное поведение отдельной личности не только не гарантирует ей одиночества, но и предполагает наличие таких же асоциальных связей. Поэтому сотрудничество субъекта расследования с субъектом преступления может быть действительно весьма рациональным и важным как для процесса расследования уголовных дел, так и для процесса выявления скрытых преступлений.

Таким образом лицо, являясь подозреваемым (обвиняемым) в рамках уголовного дела, наверняка владеет ценной для правоохранительных органов информацией, которая, в свою очередь, может касаться не только обстоятельств конкретного преступления, по которому ведется производство, но и преступления, совершенного иными лицами и скрытого от правоохранительных органов. И, несмотря на то что досудебное соглашение о сотрудничестве заключается, как правило, одним из участников группового преступления по известным ему обстоятельствам о преступных действиях других соучастников, такой участник как

представитель криминогенного социального слоя может обладать и информацией о латентных (иных, скрытых) преступлениях. При этом важно отметить, что идея, относительно того, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве способен выступать инструментом выявления скрытой преступности, не является новой и была предложена специалистами в области уголовно-процессуального права ранее. Так было отмечено, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве применим в случаях, когда лицо, ходатайствующее о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обязуется предоставить информацию: а) о преступных действиях своих соучастников; б) о преступлениях, по которым он, не являясь соучастником, имеет прикосновенность к ним, не образующим состав преступления; в) о преступлениях, к которым оно не имеет ни прямого, ни косвенного отношения, но обладает интересующей следствие информацией; г) о преступлениях, уголовные дела по которым были возбуждены по информации, полученной от заключившего ДСО лица и в рамках исполнения обязательств ДСО (досудебного соглашения о сотрудничестве) [4].

Иными словами, досудебное соглашение о сотрудничестве может рассматриваться в качестве инструмента выявления латентной преступности, однако, возможно, реализации такого рода препятствуют некоторые «культурные» причины.

Действительно, «делка с правосудием» не так характерна для отечественного правового поля, как, например, для правового поля США. Как было указано выше, соотношение количественных показателей относительно уголовных дел, в рамках которых заключается «соглашение с правосудием», в Российской Федерации и США весьма контрастно, однако выгода от применения такого соглашения очевидна. Поэтому представляется, что исследуемый институт имеет внушительную уголовно-процессуальную и криминологическую перспективу, а некоторые трудности при его применении вызваны весьма коротким периодом его включения в правовое поле.

Так, например, при расследовании убийства, которое было совершено с применением огнестрельного оружия, то место, где субъект преступления приискал орудие преступления, скорее не будет влиять на квалификацию инкриминируемого деяния, однако информация о сбытке огнестрельного оружия способна стать весьма полезной в рамках организации предупреждения совершения преступлений против личности в дальнейшем.

При расследовании факта хранения наркотического средства информация относительно механизма приобретения такого средства будет представлять особую ценность в рамках анализа специфики процесса распространения запрещенного вещества в конкретных географических пределах.

При расследовании мошеннических действий в сфере предпринимательства информация относительно контрагентов как со стороны обвиняемого, так и со стороны потерпевшего позволит предпринять меры реагирования в одном случае с целью предупреждения совершения преступлений в дальнейшем (которые могут быть выражены в незаконной банковской деятельности, незаконной предпринимательской деятельности, легализации денежных средств, приобретенных другими лицами преступным путем), в другом – с целью предупреждения виктимизации как физических, так и юридических лиц.

При расследовании преступлений коррупционной направленности информация относительно иных выгодоприобретателей, за исключением обвиняемого (обвиняемых) способна выявить целый ряд должностных лиц, как минимум, не соответствующих требованиям к занимаемым должностям.

Кроме того, применение досудебное соглашение о сотрудничестве может происходить не только в рамках и для расследования конкретного преступления (преступлений), оно может способствовать собиранию и объективному анализу «стиля жизни» той или иной преступной («околопреступной») группы в географических и (или) социальных пределах.

То, что отдельные преступные группы отличаются не только названиями («солнцевские», «люберецкие» и так далее), а еще и «стилем жизни», обосновал, в частности, профессор Ю.М. Антонян. Например, для убийц, как было установлено ученым, наиболее характерен аскетический стиль жизни, а для осужденных за кражи – созерцательный, нередко авантюрный [1].

Помимо характеристики «стиля жизни» в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве представляется перспективным получение информации относительно иных «субкультурных свойств» групп и (или) отдельных лиц – их представителей.

Так, для выявления иных участников той или иной преступной группы (как устоявшейся, так и непостоянной), существенной способна оказаться информация о местах сбора участников группы, местах отдыха, их стиле одежды, внешности, социально-бытовых предпочтениях.

В частности, установление индивидуальных признаков потенциального преступника способно, как представляется, содействовать выявлению латентных преступлений, как совершенных, так и готовящихся. Проверка же информации, полученной в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве,

в отношении лиц, склонных к девиантному поведению, может осуществляться посредством проведения ОРМ.

При этом любые предложения по внедрению той или иной правовой нормы, а особенно института, должны быть, как представляется, согласованы с «настроением» специалистов, непосредственно оценивающих внедряемое с практической точки зрения.

В связи с чем в рамках настоящего исследования был произведен опрос представителей судейского корпуса, органов прокуратуры, следственного корпуса и адвокатуры, результаты которого, к слову, подтвердили актуальность темы исследования (см. табл. 1).

Таблица 1

Опрос судей, прокуроров, следователей и адвокатов относительно назначения института досудебного соглашения о сотрудничестве

Вопрос	Судьи	Прокуроры	Следователи	Адвокаты
Способствует ли институт досудебного соглашения снижению уровня латентной преступности?	Да – 2 Нет – 3	Да – 2 Нет – 3	Да – 8 Нет – 2	Да – 7 Нет – 3
В большей ли степени институт досудебного соглашения применяется в целях установления лиц в рамках уже выявленных преступлений, чем в целях выявления скрытых преступлений и лиц, их совершивших?	Да – 4 Нет – 1	Да – 5 Нет – 0	Да – 10 Нет – 0	Да – 10 Нет – 0
Представляет ли повышенную ценность информация о скрытых преступлениях и лицах, их совершивших, относительно информации о лицах, совершивших уже выявленные преступления?	Да – 3 Нет – 2	Да – 2 Нет – 2 Затрудняюсь - 1	Да – 8 Нет – 2	Да – 10 Нет – 0

Так установлено, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве хоть и применяется для полного установления картины относительно выявленных преступлений, однако информация относительно скрытых (скрываемых) преступлений представляется наиболее ценной. Это возможно объяснить тем, что помимо перспективных задач, перед следствием стоят задачи ближайшие, то есть задачи процессуальные (отчетные), не криминологические, которые и преобладают.

Однако, учитывая, что одной из важнейших функций Уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина, то борьба с организованной преступностью, на которую и было изначально направлено применение института досудебного соглашения о сотрудничестве, должна осуществляться не только в виде борьбы с уже совершенными и выявленными преступлениями, но и в виде создания условий, направленных на выявление скрытых (скрываемых) преступлений, которыми, как правило, «обрастает» каждая организованная преступная группа.

Рациональным будет содействие тому, чтобы лицо, изъявившее желание заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, понимало, что сообщить о тех преступлениях, которые правоохранительными органами еще не выявлены, выгоднее. А то, что представитель той или иной преступной группы или сообщества осведомлен о такой деятельности, очевидно, ведь вести асоциальный образ жизни в одиночестве невозможно, «преступный спрос рождает преступное предложение».

Заинтересовать подозреваемого (обвиняемого), как представляется, возможно путем снижения максимального размера наказания не до $\frac{1}{2}$, как в случае, например, если достигнуто соглашение об изобличении иных лиц, совершивших выявленное преступление, а также при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих, а до $\frac{1}{3}$, если достигнуто соглашение о предоставлении информации относительно скрытых преступлений и лиц, совершивших их. При этом вероятно, что снижение максимального размера наказания до $\frac{1}{3}$ может представиться рискованным.

Например, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, привлекаемым к ответственности за убийство при условии, что получена информация относительно скрытого преступления

и лиц, совершивших такое преступление, подсудимому следует назначить наказание в виде лишения свободы сроком не более, чем 5 лет. Однако, в целях сохранения возможности завершить расследование в отношении выявленных преступлений в результате досудебного соглашения, следует не применять условно-досрочное освобождения до вступления обвинительного приговора по новому делу в законную силу, а в случае отбытия наказания устанавливать уголовно-ограничительную меру, например, в виде ограничения права передвижения (термин вводится автором) в отношении осужденного, схожую по механизму с мерой пресечения в виде запрета определенных действий, но на срок не более чем 1/6 от максимального размера наказания, чтобы общий срок уголовного наказания не превышал и не ухудшал условий, установленных уголовным законом, которые ныне применяются в результате заключенного и реализованного досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, сознавая, что информация о преступлениях скрытых и лицах, совершивших указанные преступления, является необходимой к установлению и ценной, следует принять меры по созданию условий, позволяющих получить тот результат, для достижения которого исследованный институт и создавался. Борьба же с преступлениями не должна ограничиваться направлением уголовных дел в суд. Латентная преступность – это корень преступности – «социального сорняка», который необходимо выкорчевывать, в том числе, и руками тех, кто от этого корня «питается».

Литература

1. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 89.
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации: Состояние преступности в России за январь-июль 2021 года. Главное управление правовой статистики и информационных технологий: сайт. Москва, 2021. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.11.2021)
3. Диденко К.В., Невмовенко А.А. Некоторые аспекты латентной преступности в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 3. С. 62 – 67.
4. Дикаев С.У., Кострица Я.А. Выделение уголовного дела в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и обеспечение обязательного участия защитника // Юридическая мысль. 2017. № 3 (101). С. 82.
5. Клейменов М.П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 106 – 113.
6. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 12.
7. Олькова О.А. Точное измерение латентной преступности. Ответ профессора С.Г. Олькова Адольфу Кетле // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 375 – 432.
8. Право.ру: [сайт]. 2019. URL: <https://pravo.ru/story/215629> (дата обращения: 07.11.2021)

References

1. Antonyan YU.M. Motivaciya prestupnogo povedeniya: monografiya. Moskva: YUrlitininform, 2018. S. 89.
2. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii: Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-iyul' 2021 goda. Glavnoe upravlenie pravovoj statistiki i informacionnyh tekhnologij: sajt. Moskva, 2021. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (data obrashcheniya: 07.11.2021)
3. Didenko K.V., Nevmovento A.A. Nekotorye aspekty latentnoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii. Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2018. № 3. S. 62 – 67.
4. Dikaev S.U., Kostrica YA.A. Vydelenie ugolovnogogo dela v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve i obespechenie obyazatel'nogo uchastiya zashchitnika. YUridicheskaya mysl'. 2017. № 3 (101). S. 82.
5. Klejmenov M.P. Neraskrytaya i latentnaya prestupnost': razlichiya i skhodstvo. Pravoprimenenie. 2017. T. 1. № 1. S. 106 – 113.
6. Klimanova O.V. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: pravovaya priroda, dogovornye harakteristiki i problemy kvalifikacii prestuplenij: monografiya. Moskva: YUrlitininform, 2018. S. 12.
7. Ol'kova O.A. Tochnoe izmerenie latentnoj prestupnosti. Otvet professora S.G. Ol'kova Adol'fu Kettle. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. 2020. T. 6 (72). № 4. S. 375 – 432.
8. Pravo.ru: [sajt]. 2019. URL: <https://pravo.ru/story/215629> (data obrashcheniya: 07.11.2021)

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОЗИТИВИСТСКОГО МЕТОДА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
НАУКЕ И ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

**Ткаченко С.В., доцент,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса**

Аннотация: особенностью современного состояния российской науки «теория государства и права» на настоящий момент является ее догматизм, т.е. принципиальная неспособность объяснить современную правовую действительность методологией XIX в., существовавшую в историческом прошлом и существующую в настоящее время правовую действительность. Причины трехвекового застоя в данной научной области лежат в позитивистском подходе, который определяет право исключительно с идеологических позиций как диктат государства обществу. Это предопределило упрощенный взгляд содержание права как социального феномена, его принципов, институтов и терминологии. В связи с этим, основные определения науки теории государства и права остаются неизменными в течение трех веков, несмотря на постоянное изменение форм государства. Позитивистский метод стал единственным, признаваемым законодателем, правоприменительными и судебными органами и пассивным большинством научного сообщества, методом изучения и применения права в целом. Как следствие господствующего положения позитивистского метода, в российской правовой действительности сложилась многовековая негативная традиция отождествления права и закона, в связи с чем дискуссии о справедливости, гуманности, противоправности закона стали излишними. Господство данного метода отрицательно проявило себя в авторитарных и тоталитарных странах, создав теоретические и практические основы для массовых репрессий по социальному положению, расовым признакам, состоянию здоровья. В настоящее время позитивизм служит основным препятствием для реализации конституционных принципов либерального демократического правового социального государства и предоставляет безграничные возможности в узаконенной реализации государством в лице политической элиты любых форм произвола, заранее признавая их легитимными и справедливыми.

Ключевые слова: право, позитивизм, методология, правовая действительность, национал-социализм, правовой принцип, правовой институт, правовая терминология, государство, политическая элита, юридическая наука, принцип законности

**THE IDEOLOGICAL ROLE OF THE POSITIVIST METHOD
IN CONTEMPORARY RUSSIAN SCIENCE AND LEGAL REALITY**

**Tkachenko S.V., Associate Professor.
Vladivostok State University of Economics and Service**

Abstract: the peculiarity of current state of Russian "theory of state and law" science is its dogmatism, i.e. principal inability to explain modern legal reality by the methodology of XIX c., which existed in historical past and the existing at present legal reality. The reasons for three centuries of stagnation in this scientific field lie in the positivist approach, which defines law exclusively from ideological positions as a dictate of state to society. This predetermined a simplified view of the content of law as a social phenomenon, its principles, institutions and terminology. In this regard, the basic definitions of the science of state and law theory have remained unchanged for three centuries, despite the constant change in the forms of the state. The positivist method has become the only method, recognized by legislators, law enforcement and the judiciary, and by the passive majority of the scientific community, for the study and application of law in general. As a consequence of the predominant position of the positivist method, in the Russian legal reality there has been centuries of negative stable tradition of identification of law and law, in connection with which discussions about the justice, humanity and illegality of the law have become superfluous. The principle of legality has become the main principle of the Russian legal system, which is entirely a kind of carbon copy of this principle that existed during the socialist period of law. The prevalence of this method proved to be detrimental in authoritarian and totalitarian countries, creating a theoretical and practical basis for mass repressions based on social status, race, and health status. Currently, positivism serves as the main obstacle to the implementation of the constitutional principles of a liberal democratic social state based on the rule of law and provides unlimited opportunities for the state, represented by the political elite, to legitimize any form of arbitrariness, recognizing them in advance as legitimate and fair

Keywords: *law, positivism, methodology, legal reality, national socialism, legal principle, legal institution, legal terminology, state, political elite, legal science, principle of legality*

Особенностью современного состояния российской науки «теория государства и права» на настоящий момент является ее догматизм, т.е. принципиальная неспособность объяснить современную правовую действительность методологией XIX в., существовавшую в историческом прошлом и существующую в настоящее время правовую действительность. Данный факт выражается в трехвековой «стабильности» в определении содержания права как социального феномена, правовых принципов, институтов и значения терминов. Такой неизменный подход к изучению сложнейшего содержания российской исторической и современной правовой действительности является устойчивой традицией российской юридической науки, которая обусловлена позитивистским методом его изучения, ставший с конца XIX в. в России единственным, признаваемым законодателем, правоприменительными и судебными органами и пассивным большинством научного сообщества, методом изучения и применения права в целом. В связи с этим, неудивителен факт, что с момента утверждения позитивизма в качестве единственного метода по настоящее время содержание права как социального феномена традиционно определяется в качестве абстрактной совокупности законов [1], действующих в государстве принудительных норм [2], системы обязательных правил поведения, которые устанавливаются государством и охраняются им от нарушений [3] и т.д., что не дает полноценной возможности выявления содержания права, его закономерностей, акцентируясь лишь на повышении эффективности принятых законодателем норм. Это предопределяет признание любого правопорядка справедливым, ставя его выше гуманности и идеалов общего блага [4] и полностью размывая границу между правом и произволом [5]. Как следствие господствующего положения позитивистского метода, в российской правовой действительности сложилась многовековая негативная устойчивая традиция отождествления права и закона. Так, исследователь XIX в. рассуждает, что «каков бы ни был закон, т.е. как бы он не противоречил жизни, он прежде всего составляет часть действующего права и должен быть применяем во всей своей полноте» [6]. Современный исследователь, полностью копируя смысл этого сомнительного на настоящий момент суждения, так же беспартийно утверждает, что «каким бы несовершенным этот закон не был, он остается высшим императивом, вмешиваться в конструкцию которого может лишь субъект, его принявший» [7].

Очевидно, что большинством современных российских исследователей принципиально «не замечается» коренное противоречие конституционных основ имперского, советского и современного российского государства, что предопределяет существование ностальгических призывов «вспомнить забытую социалистическую законность» [8]. Мало того, формируется политико-правовая тенденция положительной мифологизации негативных сторон советского правового прошлого. В ее рамках современная российская научная юридическая литература «пестрит» голословными утверждениями относительно некоей «общности» концепции социалистической законности и концепции правового государства [9] и даже доказывается прогрессивность «положительной роли» тоталитарного конституционного (государственного) права раннего Советского периода для российской современности [10]. Такая тенденция крайне опасна, так как создает благоприятные для государства теоретические и практические основания для реставрации советского авторитаризма.

В рамках выявленной тенденции, большинство подобным образом настроенных российских исследователей «доказывают» необходимость главенствующей роли позитивистского метода среди других методологических подходов, так как именно он не теряет роли методологической основы современного правопонимания [11] и незаменим, когда речь идет об итоговой стадии правообразования – о формировании государственной воли в виде определенного источника права [12]. Утверждается, что именно позитивизм наиболее всего отвечает основным признакам современного российского права и должен занимать фундаментализирующую роль в современном правоприменении [13]. Выдвигается требование, что «определение права должно быть единым, и оно возможно только в рамках юридического позитивизма» [14], тем самым предопределяя неизменность подхода, бытовавшего в советский период развития российской государственности.

Зачастую, утверждения о необходимости главенствующей роли позитивизма для современного развития российской государственности и правовой системы носят исключительно пропагандистский характер, не имея под собой никакой научной основы. Так, утверждается необходимость «шаг за шагом, в самых разных сферах жизни продвигать страну от правового нигилизма к правовому позитивизму ... с полным пониманием того, что жить в эту пору придется не им, а грядущим поколениям» [15], и именно юридический позитивизм способен подсказать государству самые простые и доступные способы укрепления воздействия

на индивида и социума [16]. Это ли не откровенный призыв к возврату советского правового наследия, в котором эффективно применялись пресловутые способы воздействия на отдельные категории населения?

Мало того, даже известные российские политики - ученые «в одном флаконе» с высоких трибун заявляют, что несмотря на то, что Конституция РФ основана на естественно-правовом подходе к пониманию права [17], именно отказ от позитивизма может стать одним из тех «благих демократических намерений, которые вымостят дорогу в ад тотального произвола» [18]. При этом принципиально игнорируется факт, что именно господство позитивистского подхода в историческом прошлом определенных стран уже погружал население в упомянутое место, создав в правоприменительной практике теоретические и практические основания для массовых репрессий населения. Он основывался на лозунгах «Dura lex sed lex» («закон суров, но это закон»), «Gesetz ist Gesetz» («закон есть закон») и полностью легитимизовал античеловеческие, по своему содержанию, нормы тоталитарного или авторитарного государства. Показательно, что именно Нюрнбергский процесс над национал-социалистическими преступниками, помимо прочего, выявил крайнюю опасность позитивизма в качестве господствующего метода, осудив многочисленных должностных лиц Германского государства за исполнение преступных по своему содержанию правовых актов, которые, тем не менее, полностью отвечали государственной правовой идеологии этой страны. В результате господство позитивистского метода было полностью дискредитировано самим фактом обоснования легитимности такого государства и права [19], что послужило для западных политиков и исследователей основанием для поиска других методов. Как справедливо замечается в западной научной литературе, господство позитивизма закономерно приводит к тому, что судья воспринимается государством в качестве своеобразного «компьютера», выносящего свои решения без какой-либо оценки фактов или отсылки к морали, т.е. с таким же успехом логические выводы в рамках судебного дела мог бы делать и компьютер [20]. Современная западная юридическая наука, основывающаяся на иных методологических подходах, вполне успешно справляется с этой проблемой, учитывая существующие моральные дефекты закона (т.е. присутствующую в нем определенную степень несправедливости) и возможности отказа от исполнения такого закона [21].

Тем не менее, в современной России попытки исследователей развести понятия «право» и «закон», приходя к логичному выводу о существовании противоправного закона и антиправовой законности, встречают резкое осуждение со стороны большинства представителей российского научного юридического мира. Достаточно привести резкую критику известного сторонника господства позитивизма М.И. Байтина в отношении самой постановки такого вопроса, так как подобная словесная манипуляция противоречит тезису о единстве правопорядка и отрицательно влияет на подготовку будущих юристов, прежде всего работников правоохранительных органов [22]. Иными словами, основная идеологическая цель позитивизма по видимому остается неизменной и заключается в формировании советского уровня правосознания периода ленинских и сталинских репрессий, когда становятся ненужными, излишними принципы международного и отечественного конституционного права. Сотрудник правоохранительных органов должен и сейчас выполнять лишь определенную функцию пресловутого «винтика» в правоприменительной практике, зависящей лишь от ничем не ограниченной воли государства. Возникает вполне законный вопрос о рациональности обучения такого типа сотрудника правоохранительных органов в течение четырех-пяти лет в высших учебных заведениях, так как для этого можно обойтись и трехмесячными курсами.

Кроме того, господство позитивистского метода делает невозможным применение ключевых конституционных принципов, таких как демократия, правовое государство, социальное государство и т.д. в связи с отсутствием раскрытия их содержания в российских правовых актах. Послушно следуя за государством, подавляющее большинство научного юридического сообщества воспринимает конституционные ценности, не разъясненные законодателем, в качестве некоей формальности, не имеющей правового значения. Так, в частности, утверждается, что ч.1 ст. 17 Конституции РФ «имеет характер общей политической декларации» и «не определяет иерархическое положение соответствующих принципов и норм в российской правовой системе» [23], что ст.2 Конституции РФ «несет лишь идеологическую нагрузку и не является правовой нормой» [24], она имеет лишь «лозунговый характер», «неудачный текст, лишенный юридической определенности» [25], в отношении принципа верховенства права, отмечается что данный принцип представляет собой «правовую мимикрию» [26] и т.д.

Возникает вполне обоснованный вопрос, почему же российское государство, провозгласившее в 1993г. в Конституции РФ 1993г. курс на создание либерального демократического правового социального государства, придерживается, этого, по сути, тоталитарного методологического способа управления российской правовой системой и юридической наукой? Секрет прост и заключается в предоставлении безграничных возможностей в узаконенной реализации государством любых форм произвола, заранее признавая их легитимными и справедливыми.

Литература

1. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 421.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2005. С. 386; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3.
3. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 93
4. Бачинин, В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 1087.
5. Таран П.Е. Политико-правовые основания идеологии деспотизма // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2010. Т. 23. № 2 (62). С. 62.
6. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление // Вопросы права. М., 1911. Кн. 7. С. 114.
7. Иванов Н.Г. Курс уголовного права: Общая часть: учебное пособие. М., 2019. С. 65.
8. Ярошик О.Д. Нам уже давно пора вспомнить забытую социалистическую законность // Евразийская адвокатура. 2019. № 4 (41). С. 412 – 46.
9. Сергеева Н.В. Историко-теоретическое сравнение социалистической законности и правового государства как основополагающих идей советской и либеральной демократии // В сборнике: Global science. Development and novelty. Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference. 2016. С. 45 – 56.
10. Мишина Е.В. К вопросу о генезисе и эволюции отечественной системы революционной (социалистической) законности // В сборнике: Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XIX века // Материалы международной научной конференции / Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. 2017. С. 91, 93.
11. Горбунов М.Д. Методологические основы классического правового позитивизма // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 14 – 19.
12. Белик В.Н., Романов И.Б. Формирование права в контексте исторического материализма и позитивизма // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 104.
13. Горбунов М.Д. Правопонимание: диалектика подходов // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 10. С. 201.
14. Мозолин В.П. Система российского права // Труды МГЮА. 2002. № 9. С. 19.
15. Упоров И.В. Историко-ментальные причины правового нигилизма в России и условия его трансформации в правовой позитивизм // Право и практика. 2013. № 4. С. 9.
16. Тимошенко Т.В., Тимошенко К.И. Правовой позитивизм в вопросах экологического права // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 6 (95). С. 221.
17. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.
18. Зорькин В.Д. Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апреля.
19. Pertsev D.M. The alternatives of social evolution: chiefdoms, analogs and the early states or why Marx's theory does not explain process of state formation in the world // В сборнике: Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. Reports in English. 2021. P. 105.
20. Detmold J.M. The unity of law and morality. L., 1984. P. 21, 257.
21. Alexy R. The Dual Nature of Law // IVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (September 15-20, 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. Beijing, 2009. P. 257 – 277.
22. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 310, 314 – 315.
23. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. Б. Топорнина. М., 1997. С. 161.
24. Колдаева Н.П. К вопросу о роли идеологических факторов в правообразовании // Теория права: новые идеи. Вып.4. М., 1995. С. 40.
25. Мартышин О.В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7. С. 9.
26. Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: доктрины, конкуренция юрисдикций, обеспечение правовой свободы. Позиции Конституционного Суда РФ в отношении правового государства // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. (далее – Сборник статей) / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстициформ, 2013. С. 375.

References

1. Vyshinskij A.YA. Voprosy teorii gosudarstva i prava. M., 1949. S. 421.
2. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2005. S. 386; Mal'cev G.V. Ponimanie prava. Podhody i problemy. M., 1999. S. 3.
3. Syryh V.M. Teoriya gosudarstva i prava. M., 1998. S. 93
4. Bachinin, V. A. Enciklopediya filosofii i sociologii prava. SPb., 2006. S. 1087.
5. Taran P.E. Politiko-pravovye osnovaniya ideologii despotizma. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: YUridicheskie nauki. 2010. T. 23. № 2 (62). S. 62.
6. Kistyakovskij B.A. Pravo kak social'noe yavlenie. Voprosy prava. M., 1911. Kn. 7. S. 114.
7. Ivanov N.G. Kurs ugolovnogogo prava: Obshchaya chast': uchebnoe posobie. M., 2019. S. 65.
8. YAroshik O.D. Nam uzhe davno pora vspomnit' zabytuyu socialisticheskuyu zakonnost'. Evrazijskaya advokatura. 2019. № 4 (41). S. 412 – 46.
9. Sergeeva N.V. Istoriko-teoreticheskoe sravnenie socialisticheskoy zakonnosti i pravovogo gosudarstva kak osnovopolagayushchih idej sovetskoj i liberal'noj demokratii. V sbornike: Global science. Development and novelty. Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference. 2016. S. 45 – 56.
10. Mishina E.V. K voprosu o genezise i evolyucii otechestvennoj sistemy revolyucionnoj (socialisticheskoy) zakonnosti. V sbornike: Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 goda v istorii i sud'bah narodov i regionov Rossii, Belarusi, Evropy i mira v kontekste istoricheskikh realij HKH – nachala XIX veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Vitebskij gosudarstvennyj univer-sitet imeni P.M. Masherova. 2017. S. 91, 93.
11. Gorbunov M.D. Metodologicheskie osnovy klassicheskogo pravovogo pozitivizma. Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. 2015. № 38 (48). S. 14 – 19.
12. Belik V.N., Romanov I.B. Formirovanie prava v kontekste istoricheskogo materializma i pozitivizma. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2016. № 1. S. 104.
13. Gorbunov M.D. Pravoponimanie: dialektika podhodov. YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2015. № 10. S. 201.
14. Mozolin V.P. Sistema rossijskogo prava. Trudy MGYUA. 2002. № 9. S. 19.
15. Uporov I.V. Istoriko-mental'nye prichiny pravovogo nigilizma v Rossii i usloviya ego transformacii v pravovoj pozitivizm. Pravo i praktika. 2013. № 4. S. 9.
16. Timoshenko T.V., Timoshenko K.I. Pravovoj pozitivizm v voprosah ekologicheskogo prava. Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2009. № 6 (95). S. 221.
17. Zor'kin V.D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii. M., 2011.
18. Zor'kin V.D. Krizis doveriya i gosudarstvo. Ross. gaz. 2009. 10 aprelya.
19. Pertsev D.M. The alternatives of social evolution: chiefdoms, analogs and the early states or why Marx's theory does not explain process of state formation in the world. V sbornike: Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. Reports in English. 2021. P. 105.
20. Detmold J.M. The unity of law and morality. L., 1984. P. 21, 257.
21. Alexy R. The Dual Nature of Law. IVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (September 15-20, 2009, Beijing, China). Papers. Plenary Session. Beijing, 2009. P. 257 – 277.
22. Bajtin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov: SGAP, 2001. S. 310, 314 – 315.
23. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Nauchno-prakticheskij kommentarij. Pod red. B. Topornina. M., 1997. S. 161.
24. Koldaeva N.P. K voprosu o roli ideologicheskikh faktorov v pravoobrazovanii. Teoriya prava: novye idei. Vyp.4. M., 1995. S. 40.
25. Martyshin O.V. Teoriya gosudarstva i prava v postsovetskoe desyatiletie. Nekotorye itogi. Pravo i politika. 2000. № 7. S. 9.
26. Vinogradov V.A. Pravovoe gosudarstvo i verhovenstvo prava: doktriny, konkurenciya yurisdikcij, obespechenie pravovoj svobody. Pozicii Konstitucionnogo Suda RF v otnoshenii pravovogo gosudarstva. Doktriny Pravovogo Gosudarstva i Verhovenstva Prava v sovremennom mire: sb. st. (dalee – Sbornik statej). otv. red. V.D. Zor'kin, P.D. Barenbojm. M.: LUM: YUsticiform, 2013. S. 375.